

**Александр Григорьевич Косарев Евгений Васильевич Сотсков
В поисках сокровищ Бонапарта. Русские клады французского
императора**

Александр КОСАРЕВ
Евгений СОТСКОВ

В ПОИСКАХ СОКРОВИЩ БОНАПАРТА

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

Предисловие

Отечественная война 1812 года оставила неизгладимый след в русской истории. Особенно это заметно, если ознакомиться с литературным наследием XIX века. За прошедшие с той поры почти 200 лет в России и за рубежом издано великое множество книг, статей и воспоминаний участников тех событий. Подробно описаны все баталии Отечественной войны 1812 года. Исписаны целые тома полной биографии Наполеона Бонапарта – императора Франции, начиная с его детства и оканчивая последними днями жизни на острове Святой Елены.

Раскрыты практически все тайны жизни и смерти Наполеона и всех его многочисленных сражений на полях Европы и России. Но все же осталась одна тайна, которая множество лет будоражит воображение не только историков, биографов и журналистов, но и миллионов самых обычных людей. И тайна эта связана с загадкой исчезновения громадного количества трофеев, а также значительных собственных средств «Великой армии», равно как и большого количества ее тяжелого вооружения. И тайна эта не раскрыта до сих пор. Нельзя сказать, чтобы ее не старались раскрыть. Уже в 1820 году по Высочайшему повелению была учреждена особая комиссия под предводительством сенатора Львова, которая принялась выяснять современное положение разоренных нашествием неприятеля городов и селений Московской, Калужской и Смоленской губерний. Характерно, что среди прочих разорений, причиненных иноземным нашествием, церковные разорения составляли специальный вид и носили весьма распространенный характер.

Практически все церкви и монастыри, вблизи которых появлялись подразделения армии Наполеона, непременно подвергались разграблению и осквернению. С точки зрения захватчиков и грабителей это было вполне разумно. Ведь материальные богатства в той России были сосредоточены в руках всего нескольких социальных групп: высшая придворная знать, помещики и купцы, а также церковь.

Когда в страну вторглась наполеоновская армия, церковные ценности наряду с оставленным без присмотра частным и государственным имуществом моментально подверглись самому разнузданному грабежу. Но нельзя сказать, что о сохранении этой части государственного богатства не пеклись. Еще в самом начале военной кампании 1812 года, а именно 17 июля был издан указ Смоленского епископа о всемерном сохранении церковного имущества. Духовенство и церковные старосты должны были всячески заботиться об имевшихся у них ценностях и предметах культа. В тех местах, куда указ успел дойти вовремя, некоторые меры были приняты. Церковное имущество и прочие материальные ценности прятались под полами в алтарях, на колокольнях, замуровывались в стены, зарывались на огородах, в помещичьих ледниках и усадебных парках. Но все эти меры слабо спасли церковные учреждения от тотального разграбления.

«Церкви, – как писал впоследствии Евгений Лабом, лейтенант в штабе вице-короля, – как здания менее всего пострадавшие от пожаров, были обращены в казармы и конюшни».

Это он говорил о Москве, но на всем пространстве, занятом коалиционными войсками, происходила одна и та же картина. Солдаты, едва прибыв в тот или иной населенный пункт, врываются в храмы и варварски расхищали всю церковную движимость. Они забирали иконы, особенно в дорогих окладах, шитые золотом одежды, срывали кресты, подсвечники, жертвенники, ризы и иконостасы. Разумеется, обшаривались и громилась все подсобные помещения. Взламывались полы, простучивались стены и даже осматривались дома священников. Грабеж начался на всем многосоткилометровом пространстве, едва передовые полки армии вступили на Российскую территорию. И только ближе к Смоленску масштабность расхищения церковного имущества несколько снизилась. Произошло это по двум причинам. Первая заключалась в том, что церкви тех городов, что оказались в зоне оккупации, уже были разграблены. Вторая же причина состояла в том, что ударные французские армии под предводительством маршалов Даву, Удино, Нея, Жерома, Богарне, Мюрата и Понятовского стянулись в районе Смоленска в оперативный кулак численностью в несколько сотен тысяч человек. Прежнего охвата территории не стало, и соответственно, нападкам подвергались лишь церковные учреждения, расположенные в достаточно узкой полосе, тянущейся вдоль «старой» Смоленской дороги.

Продвигаясь к Москве, многие французы невольно отмечали богатое убранство церквей, особенно в Вязьме и Смоленске. Однако то, что они увидели в Москве, буквально повергло их в шок. К тому же не только церковные здания и сооружения были предметом пристального внимания грабителей. Дворянские усадьбы и дворцы российской знати были также добросовестно очищены от имевшегося в них имущества.

Губернатор Москвы в 1812 году граф Ф.В. Ростопчин писал: «Французы, в Москве я оставил вам два моих дома и движимости на полмиллиона рублей». Один из дворцов графа уцелел от пожара, но внутри дворца после ухода французов остались лишь голые стены. Вся его «движимость» перекочевала в гвардейские и маркитанские обозы.

Во множестве газетных и журнальных статей, посвященных нападению Наполеона на Россию, через слово упоминаются лишь некие безликие «московские трофеи». Но никто из Вас даже приблизительно не представляет себе масштаба всех понесенных нашей страной утрат.

Мародеры из Европы

Разумеется, осилить данную тему в полной мере практически невозможно, но мы все же попытаемся провести небольшое расследование в отношении похищенного имущества хотя бы некоторых государственных и церковных сооружений, расположенных в центральной части России, в Москве, и главное, на территории Московского Кремля.

При вступлении французских войск в Москву в сентябре 1812 года на территории Кремля и в непосредственной близости от него находились следующие здания, церкви и соборы:

1. Успенский собор.
2. Архангельский собор.
3. Благовещенский собор.
4. Собор Спаса на Бору
5. Верхо-Спасский собор.
6. Собор Николая Гостунского.
7. Собор Василия Блаженного.
8. Казанский собор.
9. Церковь 12 Апостолов.
10. Церковь Благовещения.
11. Церковь Константина и Елены.
12. Церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот.
13. Церковь Ризоположения.
14. Церковь Св. Великомученицы Екатерины.
15. Церковь Слоущего Воскресения.
16. Церковь Распятия Христова.
17. Церковь Рождества Богородицы.
18. Церковь Воскрешения Св. Лазаря.
19. Церковь Рождества Христова под колокольной Ивана Великого.
20. Соборная церковь Вознесенского монастыря.
21. Благовещенская церковь Чудова монастыря.
22. Алексеевская церковь Чудова монастыря.
23. Архангельская церковь Чудова монастыря.
24. Иверская часовня.
25. Печорская часовня.
26. Цейхгауз или арсенал.
27. Оружейная палата.
28. Кремлевский дворец.
29. Грановитая палата.
30. Царский дворец.

Кроме Кремлевских соборов и церквей, французы ограбили на территории Москвы еще 24 монастыря:

1. Покровский (стоял генерал Клапаред).
2. Богоявленский (стоял маршал Ней).
3. Даниловский (золота и серебра взято на 10 000 руб.).
4. Новоспасский (забрали 320 кг серебра).
5. Чудов (стоял маршал Даву).
6. Симонов (убытки составили 100 000 руб.).
7. Спасо-Преображенский.
8. Заиконоспасский мужской.
9. Ивановский женский.
10. Донской.
11. Новодевичий (пострадал частично).
12. Андроников (стояли поляки).
13. Златоустовский (спрятанные вещи французы нашли).
14. Знаменский.
15. Никольский.
16. Никитский.
17. Сретенский.
18. Крестовоздвиженский.
19. Алексеевский.

20. Зачатьевский.
21. Страстной.
22. Перервенский.
23. Новинский.
24. Коломенский.

Кроме московских монастырей, французами были ограблены и те монастыри, что находились на пути от Смоленска до Москвы: Троицкий, Воскресенский, Звенигородский, Аркадьевский, Савин-Сторожевский и Свято-Предтечевский. Сколько всего там было захвачено, не перечить. Известно только, что в Свято-Предтечевском монастыре французы взяли золота и серебра на сумму 40 000 рублей.

(Для справки и более точной ориентировки во времени даем масштаб цен тех времен на драгоценные металлы: в 1812 году фунт золота (430 гр.) стоил 184 руб., фунт серебра – 18 руб., корова же стоила не более 55 коп.)

В Москве в то время было 267 действующих церквей, и почти все они тоже были дочиста ограблены оккупантами. Но, разумеется, перечислена только малая часть потерь и утрат. До Москвы происходили точно такие же трагедии. Так, например, на пути от Смоленска к Москве французами были ограблены в городе Дорогобуже три церкви: Покрово-Пятницкая, Иоанн-Богословская и Богоявленская. В Дорогобужском уезде разграблены церкви в селах: Свирколучье, Усвятое, Засижье, Болотово, Устои, Горки, Язвино, Стрелки, Трисвятое, Карачарово, Глубокое, Прости, Ульхово, Мстиславская слобода, Беловостье, Ратчино, Егорье.

В городе Вязьма солдатами был ограблен Троицкий соборный храм, Верхне-Иерусалимская, Афанасьевская и Преображенская церкви, в Вяземском уезде – сельские церкви: в Федоровском, Юрене, Семлеве, Богородицком, Слукино, Новоникольском, Воскресенском, Успенском, Фатищеве, Горках.

В Гжатске и окрестностях разграблено 11 церквей. Множество церквей подверглось разграблению в селах Юхновского, Сычевского и Рославльского уездов: Митькове, Лоцмине, Ивановском, Кикино, Жулино, Крутом, Дубровне, Вешках, Савесье, Ворошилово, Шмаково, Докудово и т. д.

От Гжатска до Москвы французы ограбили церкви в селах: Дровнино, Прокофьево, Ельня, Пушкино, Кубинское, Вязема, Окулово, Хорошово, Усово, Уборы.

Французы снимали серебряные и золотые оклады и ризы с икон, забирали различную церковную утварь, лампы, подсвечники, кресты и священные сосуды. Все похищенное «имущество» в конечном счете попадало к солдатам «старой» гвардии Наполеона. «Старая» и «молодая» гвардии не участвовали в сражениях, они были хорошо снабжены продовольствием и прочим довольствием. Между солдатами гвардии и другими войсками шел постоянный обмен, ценные вещи меняли на продовольствие и прочие «блага жизни». И постепенно все награбленное оседало в гвардейских обозах. Самые же ценные и уникальные вещи попадали, разумеется, в императорский обоз.

Маркиз де Шамбре в книге «Исторический поход в Россию» пишет:

«Императорский обоз вместили в себя слитки золота и серебра, был также доставлен прибавок, много вещей и предметов, которые отысканы в большом количестве в сказочных церквях Кремля».

«В самом Кремле, в комнатах, предназначенных для императорской гвардии, хранились серебряные вызолоченные блюда, бриллианты, жемчуг, шелковые ткани и т. п.».

«Все, что было захвачено армией, было вывезено из Москвы, но затем наполовину снова было отобрано русскими, а остальное было уничтожено, чтобы не досталось им. Многие просто зарыли в землю в химерической надежде, что удастся вернуться за ним».

Другой участник войны 1812 года, адъютант при штабе Наполеона, Кастеллан, будущий маршал Франции, записал в свой дневник, который вел изо дня в день:

«16 октября. Разрушили часть Кремлевского собора и свалили крест с колокольни Ивана Великого. При падении он сломался. Забрали и расплавили серебряную утварь Кремлевских церквей, пополнив этим казну армии».

Вокруг стен Успенского собора стояли специальные плавильные горны, захваченные оккупантами на монетном дворе, в которых они переплавляли ободранные ими оклады и ризы со святых образов и похищенные в храмах предметы, сделанные из драгоценных металлов. На так называемом «Царском месте» после ухода французов из Кремля даже осталась запись мелом: 325 пудов серебра и 18 пудов золота. Был ли это промежуточный итог, или окончательный, относилась запись к работе одного металлургического горна или ко всем вместе, мы не знаем. Но, разумеется, понятно, что на переплавку попадали только те предметы, внешний вид которых был настолько испорчен, что они годились только на лом (хотя и драгоценный по своему составу).

Выражаясь современным языком, можно с полной уверенностью сказать, что в Москве происходил грандиозный грабеж. Но вот что интересно, после такого беспримерного и масштабного преступления со

стороны царских властей не было проведено никакого тщательного расследования. А ведь возможности у властей были колоссальные. В руках царского правительства было и множество пленных, начиная от последнего обозника до генерала, письма, донесения, показания местных жителей и казаков, которые лично нападали на обозы грабителей, и т. д. и т. п. Более или менее масштабные поиски утраченного были начаты только в 1835 году.

Первая экспедиция, воодушевленная идеей возвращения похищенных ценностей, занялась изучением озера Глубокое, что находится неподалеку от села Семлева. Причем поисковые работы начались там не по приказу из столицы, а по инициативе Смоленского губернатора – Хмельницкого. Но, поскольку благоприятное время было упущено и хорошо продуманной стратегии поисков у кладоискателей не было, то, естественно, все их любительские попытки найти вывезенные Наполеоном сокровища не принесли ожидаемого результата.

Тут бы надо непременно сказать и о том, что столь трагичной «успешности» грабежа во многом, пусть и невольно, содействовали сами городские чиновники. Так, приказ об оставлении Москвы был получен губернатором Ростопчиным только 29 августа, французы же вступили в город 1 сентября. Согласитесь, что за неполных два дня просто невозможно было вывезти все церковное имущество, которое находилось в городе и в кремлевских соборах, в частности. К тому же сразу возникла и чисто техническая проблема – транспортная. Всего для вывоза имущества Святого Синода было выделено 300 подвод, но их грузоподъемности оказалось явно недостаточно. Так недостаточно, что многие ценнейшие предметы даже и не пытались снять и демонтировать. В условиях экстренной эвакуации, в хаосе и толкотне о многом же просто позабыли, а многому, даже приготовленному к отправки, не нашлось места на подводах.

Командир гвардейского стрелкового батальона Маренгоне пишет в своих воспоминаниях:

«Наполеон велел забрать брильянты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквях. Велел вывезти все трофеи Кремля. Ими нагрузили 25 телег».

Ясно, что двадцатью пятью телегами тут не обошлось. Ознакомьтесь хотя бы с убранством Архангельского собора Кремля, и вы поймете, что такое количество подвод потребовалось бы только для опустошения его одного.

При вступлении в Кремль многих французов поразило богатое внутреннее убранство Архангельского собора. Лейб-хирург императора Ларрей в своих воспоминаниях пишет:

«Едва ли найдется что-либо богаче одного из храмов Кремля (того, где хоронили царей и императоров). Его стены покрыты золотом и вызолоченными пластинками толщиной в 5–6 линий, на которых рельефно изображена вся история ветхого и нового завета. Массивные серебряные паникадила поражают своими огромными размерами».

Ларрея поразили золотые пластинки толщиной примерно в 10 мм. Это было не что иное, как золотые и серебряные ризы и оклады на иконах, расположенных на четырехпоясном иконостасе, который занимает всю восточную часть храма. Кроме того, напротив царских гробниц помещалось 37 икон, которые назывались «царские», так как поступали в собор из царских образных. Эти иконы были богато украшены золотыми и серебряными окладами и ризами с драгоценными камнями и жемчугом. Самые же богато украшенные иконы находились в алтаре, семь древних и совершенно потрясающих, бесценных икон.

С потолочных сводов храма на цепях свисали семь больших серебряных паникадил, и было множество серебряных лампад, висевших перед иконами. В алтаре же стояли два комода для будничной ризницы и в них хранились золотые и серебряные вещи. Напротив комодов стоял сосновый шкаф с четырьмя дверцами, в котором хранилась драгоценная церковная утварь. В центральной части иконостаса находилась икона Господа Вседержителя. Французы сняли ее, и она была найдена после их бегства у стен Успенского собора. С этой иконы сняли серебряную ризу в три пуда весом! Остальные не менее богато украшенные иконы ограбили на месте.

Кроме икон, французы забрали церковную утварь, а также ограбили две раки со святыми мощами. Рака Черниговских чудотворцев была изготовлена по именному указу императрицы Екатерины II в честь победоносной войны с Турцией. В раку установили медный ковчег, в котором хранились святыи мощи Черниговских чудотворцев. Вся рака представляла собой произведение ювелирного искусства, и вряд ли ее разбили на куски и переплавили. Она имела немаленькие размеры – 3 на 1,25 аршина. Вес же раки был более 30 пудов. Одна крышка, украшенная резьбой цветочного стиля, весила не менее 100 кг и была украшена медной доской, на которой был изображен образ князя Михаила, лежащего в гробу.

По имеющимся сведениям, данная рака была закопана по приказу Наполеона 5 ноября. Предварительно в нее уложили золотые и серебряные вещи, изъятые в московских соборах. Видимо, в то время французский император еще надеялся на то, что, перезимовав в Смоленске, он придет весной отряд за оставленными сокровищами, чтобы в очередной раз пополнить казну своей армии. Но этим мечтам не суждено было сбыться. Все, что было спрятано 5 ноября, так и осталось невостребованным. Где находятся эти бесценные сокровища, нам еще предстоит выяснить.

Серебряная рака царевича Дмитрия, сына царя Ивана Грозного, была изготовлена по приказу царя

Михаила Федоровича в 1630 году. В эту раку был положен дубовый гробик с мощами царевича. Данная гробница была изготовлена из чистого серебра и имела вес в 240 кг. Крышка раки была передана в город Углич в том же 1630 году, где она и находится по настоящее время. Сама рака была украшена великолепным чеканным накладным орнаментом с позолотой. По ее верхнему краю были выбиты две надписи. В одной из них сказано:

«В лето 7099 (15.91 г.), месяце мае, в 15 день, убиен бысть благоверный царевич, князь Димитрий Иванович Углический государь царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси сын, повелением Бориса Годунова, от Никиты Качалова, да от Данилы Битяговского с товарищи, и принесены быша мощи его честныя из Углича в царствующий град Москву лета 7144 (1606 г.)...»

Эта гробница тоже попала в императорский обоз с так называемыми «Московскими трофеями» и была увезена французами. Путь ее продолжался до того печального момента, когда примерно 200 повозок с трофеями были затоплены в одном из белорусских озер. Где и как все это было проделано, мы расскажем далее. А сейчас добавим лишь то, что после изгнания захватчиков вместо похищенной массивной раки была изготовлена новая, деревянная. Она была обшита с трех сторон листовым серебром с чеканными украшениями. На эту, новую, раку пошло серебра в 1 пуд и 37 фунтов. Причем серебро использовали именно то, что было отбито у французов.

Все же часть предметов удалось сохранить, и мы хотим привести их список (только имущества одного собора).

Опись церковного имущества, находившегося в Архангельском соборе в 1862 году.

1. Евангелие... 1635 г. Золотой оклад весом 10 фунтов, драгоценных камней, алмазов, рубинов, изумрудов и др. всего... 799 камней.
2. Евангелие... 1698 г. Серебряный оклад весом 3 фунта 93 золотника.
3. Евангелие... 1774 г. Серебряный оклад весом 2 фунта 50 золотников.
4. Евангелие... 1791 г. Серебряный оклад весом 15 фунтов.
5. Евангелие... 1771 г. Серебряный оклад весом 1 фунт 30 золотников.
6. Евангелие... 1774 г. Серебряный оклад весом 2 фунта 48 зол.
7. Евангелие... 1857 г. Серебряный оклад весом 9 фунтов 19 зол.
8. Крест деревянный, обложен чеканной медью.
9. Крест деревянный, обложен серебром. Надпись: лето 7068–1570 г. Весом 1 фунт 36 золотников с 4-я драгоценными камнями.
10. Крест золотой, изготовлен в 1677 году. Длина его 8,5, а ширина 4,5 вершка. Вес креста 3 фунта 63 золотника.
11. Крест серебряный, вызолоченный, весом 3 фунта 63 золотника.
12. Крест серебряный, весом 1 фунт 37 зол. С драгоценными камнями и жемчугом.
13. Потир золотой, украшен 12 драгоценными камнями. Вес 3 фунта 68 золотников. Изготовлен в 1593 году.
14. Золотой дискос. Вес 2 фунта 7 золотников.
15. Золотая звезда с 10-ю драгоценными камнями. Вес 85 золотников.
16. Золотое блюдо. 2 шт. Вес 2 фунта 16 золотников.
17. Потир серебряный вызолоченный. Вес 7 фунтов 80 золотников.
18. Серебряный дискос. Вес 4 фунта 1 золотник.
19. Серебряная дарохранительница. Вес 3 фунта.
20. Серебряный сосуд. Вес 7 фунтов 30 золотников. Крышка сосуда в форме короны с крестом.
21. Серебряный сосуд, вызолоченный. Вес 8 фунтов.
22. Серебряная чаша, позолочена. Вес 16 фунтов 50 золотников.
23. Золотое кадило, четырехугольное. Украшено 38 драгоценными камнями. Вес 4 фунта 33 золотника. Выполнено по заказу царицы Ирины в 1598 году.
24. Серебряное кадило на 4-х цепочках. Вес 1 фунт 15 золотников.
25. Серебряное кадило на 4-х цепочках. Вес 2 фунта 7 золотников.
26. Серебряная ладоница с крышкой в виде кадила. Вес 1 фунт 80 золотников.
27. Серебряные вызолоченные рапиды – 2 шт. Вес 8 фунтов.
28. Серебряные выносные подсвечники – 2 шт. Вес 5 фунтов 83 золотника и 5 фунтов 75 золотников.
29. Серебряный панихидный подсвечник с драгоценными камнями и 3 золотыми крестами, сооружен на гроб царя Алексея Михайловича. Вес 3 фунта 90 золотников.
30. Серебряный панихидный подсвечник. Вес 3 фунта 54 золотника.
31. Серебряный подсвечник – 2 шт. Вес обоих 4 фунта 42 золотника.
32. Медный подсвечник, посеребренный и частью позолоченный. Вес до 3-х пудов.
33. Серебряная лампада в виде чаши без крышки, находится перед мощами царевича Дмитрия. Вес 6 фунтов 70 золотников.
34. Серебряная лампада перед иконой Алексея человека божия. Вес 4 фунта 38 золотников.

35. Серебряная лампада. Вес 4 фунта 84 золотника.
36. Серебряная лампада. Вес 3 фунта 93 золотника.
37. Серебряная лампада. Вес 2 фунта 72 золотника.
38. Серебряная лампада. Вес 3 фунта 48 золотников.
39. Бронзовая лампада, вызолоченная, изготовлена 10 июля 1774 года.
40. Серебряные лампадки в количестве более 30 штук. Вес каждой 2 фунта 40 золотников.
41. Серебряное блюдо, вызолоченное, обложено драгоценными камнями, золотом. Вес 5 фунтов 28 золотников.
42. Серебряное блюдо, вызолоченное. Вес 1 фунт 91 золотник.
43. Серебряное блюдо, вызолоченное. Вес 6 фунтов 64 золотника.
44. Серебряное блюдо. Вес 1 фунт 86 золотников.
45. Серебряное блюдо. Вес 3 фунта.
46. Серебряное блюдо. Вес 1 фунт 30 золотников.
47. Серебряное блюдо, вызолоченное. Вес 2 фунта 6 золотников.
48. Серебряное блюдо с резным изображением Иисуса Христа. Вес 1 фунт 32 золотника.
49. Блюдо китайского фарфора XVII века.
50. Серебряные ложки 2 шт. Весу в обоих ложках 30 золотников.

Это все, что осталось в соборе после 1812 года, не считая различных церковных тканевых покровов, обнизанных жемчугом, вышитых золотом и серебром. Из описи 1866 г. покровов на царские гробницы числилось 13 шт., на коих золота было весом 13 фунтов 53 золотника, серебра же 9 фунтов 34 золотника, а драгоценных камней, алмазов – 212 шт., рубинов – 507 шт., изумрудов – 22 шт., сапфиров – 3 шт. Жемчужин всего было 169 528 шт.

Покровов на святые мощи царевича Димитрия и Михаила князя Черниговского – всего 6 шт. Других священнических облачений – всего 20 шт. На их украшения пошло золота 1 фунт 36 золотников, серебра 4 фунта 63 золотника, а различных драгоценных камней – 57 шт. Жемчуга – всего 215 887 шт.

Кроме драгоценных вещей в соборе находилась библиотека, в которой числилось 52 печатные книги. Прежде чем продолжать перечень хочу дать Вам необходимые пояснения для облегчения понимания сути вопроса и облегчения подсчетов.

Теперь мы с тех же позиций рассмотрим Благовещенский собор Кремля. Вначале опишем его богатства, которые хранились в соборе в XVII веке при Екатерине II, а потом произведем сравнение с послевоенной описью, составленной в 1854 году.

В Благовещенском соборе в 1787 году насчитывалось:

Жемчугу в покрывах и пеленах.....12 фунтов
 Жемчугу на ризах и стихарях.....8 фунтов 40 золотников
 Жемчугу, снятого с обветшалых облачений.....9 фунтов 21 золотник
 Серебра в церковной утвари числилось 64 пуда 33 фунта.

В соборе французы нашли много драгоценностей. Иконы в иконостасе были покрыты серебром, иногда золотыми ризами, украшенные различными драгоценными камнями. Только ризы с пяти икон нижнего яруса стоили 47 000 рублей по оценке 1770 г. Всего же в храме имелись следующие образа:

1. Образ Пресвятой Богородицы Боголюбской – оклад золотой обнизан жемчугом, яхонтами, изумрудами и бирюзой.
2. Образ Пресвятой Богородицы Бардовской – оклад весь золотой, драгоценные камни.
3. Образ Всемилостивейшего Спаса – оклад серебряный.
4. Образа на аналоях. Оклад и ризы серебряные.
5. Образ Николая Чудотворца – оклад серебряный, обнизан жемчугом, яхонтами.
6. Образ Богородицы «Умиления» – оклад серебряный.
7. Образ Богородицы Благовещения – оклад и венцы серебряные, обнизан жемчугом и драгоценные камнями.
8. Образ Пресвятой Богородицы Знамения – оклад серебряный, обнизан жемчугом и бирюзой.
9. Образ Вознесения Господня.
10. Образ Пресвятой и Живоначальной Троицы – оклад и середина серебряные, золоченые по две жемчужины и четыре яхонта.
11. Образ Пресвятой Богородицы «Достоинство есть» – оклад серебряный.
12. Образ Одигирии – оклад и венцы серебряные.
13. Образ Пресвятой Богородицы Донской – оклад золотой, жемчуг, бирюза, яхонты. (До 1812 года эту икону украшала золотая риза весом в 26 фунтов, с крупными изумрудами и жемчугом.) Жемчуга было 2 фунта 75 зол.
14. Образ Пресвятой Богородицы Казанской.
15. Образ Пресвятой Богородицы Тихвинской – оклад и венцы серебряные.
16. Образ Пресвятой Богородицы Владимирской, четырех-лиственный – оклад золотой, драгоценные

камни, жемчуг.

11. Образ Пресвятой Богородицы Владимирской – оклад серебряный золоченый, венцы золотые, драгоценные камни.

18. Образ Пресвятой Богородицы Владимирской – оклад серебряный обнизан жемчугом и драгоценными камнями.

19. Образ Пресвятой Богородицы Владимирской.

20. Образ Пресвятой Богородицы Владимирской – оклад и венцы серебряные.

21. Образ Пресвятой Одигидрии – серебро, золото, жемчуг, драг, камни.

22. Образ Всемиловитого Спаса на Престоле – венцы и оклад серебряные, два изумруда, две бирюзы, семь яхонтов лазоревых, четыре лалика, четыре суровика, и одна виниска. У цаты три панагии с мощами, золотые, одна четырехугольная, три круглые.

23. Образ Пресвятой Богородицы с Младенцем. Венцы и оклад весь золотой. Обнизан жемчугом с драгоценными камнями, две золотые звезды и пять золотых крестов. Камни – изумруды, лалы, яхонты, бирюза, суровики, ляльник, всего 79 камней.

24. Образ Николая Чудотворца и святые мученицы Татьяны – оклад бессемный, венцы резные серебряные.

25. Образ Преподобного Антония Сииского – оклад резной, серебряный, позолоченный, с шестью драгоценными камнями и жемчугом.

26. Образ Алексия митрополита – оклад и венцы серебряные, две бирюзки и жемчуг.

27. Образ Благоверного князя Федора и чад его Давида и Константина Ярославских чудотворцев.

28. Образ Сергия Чудотворца – оклад серебряный.

29. Образ Николая Чудотворца – оклад серебряный, обнизан жемчугом.

30. Образ Пресвятой Богородицы Владимирской – оклад серебряный.

31. Образ Воскресения и Вознесения – оклад серебряный.

32. Образ Софии премудрой слово Божие – отделано серебром.

33. Образ Пресвятой Одигидрии – оклад серебряный.

34. Образ Пресвятой Одигидрии – оклад серебряный, обнизан мелким жемчугом.

35. Образ Пресвятой Богородицы штилистовый, оклад серебряный, золоченый, низан жемчугом в одно зерно.

36. Образ Пресвятой Богородицы Покрова – семилистовый.

37. Образ Пресвятой Богородицы Одигидрии – штилистовый, оклад и венцы серебряные.

38. Образ Пресвятой Богородицы Одигидрии – штилистовый.

39. Образ Пресвятой Богородицы Владимирской – оклад серебряный.

40. Образ Пресвятой Богородицы Федоровские – оклад серебряный.

41. Образ Пресвятой Богородицы Владимирской – оклад серебряный.

42. Образ Спасов меж Смаковниц – оклад серебряный.

43. Образ Всемиловитого Спаса Деисус – оклад серебряный.

44. Образ Пресвятыя Богородицы Владимирской пятницы – венец и поля серебряные.

45. Образ Пресвятой Богородицы Одигидрии – риза и оклад серебряные.

46. Двери царские, на них образа святых, всего 18 икон. Все образа серебряные, литые, золочены с драгоценными камнями – всего камней 37. По полям оклады серебряные, золочены у царских ворот чеканные.

47. Образа местные в киотах по правую сторону царских дверей. Образ Всемиловитейшего Спаса Стоящий – оклад весь золотой, обнизан жемчугом с драгоценными камнями. Камней 9 шт.

Кроме богато украшенных многочисленных икон, в Благовещенском соборе имелась богатая ризница. Она была вывезена в Вологду с монастырскими и соборными ризницами. Но вывезли не всю ризницу, а только наиболее ценные вещи, часть из них сохранилась до наших дней.

Вот перечень ценностей, хранившихся в ризнице Благовещенского собора.

1. Золотой потир – вес 3 фунта без 2 золотников.

2. Золотая звезда – вес 72 золотника.

3. Золотой дискос – вес 1 фунт 31 золотник.

4. Серебряный потир – аспидный, красный, около него поддон серебряный, золоченый, вес 2 фунта без 18 золотников.

5. Серебряный потир – вес 1 фунт 17 золотников.

6. Серебряная звезда – вес 52 золотника.

7. Серебряное блюдо, золоченое в центре образа Прасковий Богородицы и Знаменая – вес 2 фунта без 3-х золотников.

8. Серебряный потир в поддоне – вес 3 фунта 13 золотников.

9. Серебряное блюдо, золоченое, в середине образ Иоанна Предтечи резной, весом 1 фунт без 5-и золотников.

10. Серебряные золоченые блюда – вес 61 золотник, на одном образ Пресвятые Богородицы Знамения.

11. Серебряная дароносица, в ней четыре ковчега весом 1 фунт 19 золотников.

12. Серебряная дароносица, золоченная по подписи государственной казны – вес 1 фунт 27 золотников.

13. Серебряная чаша водосвященная на поддоне, сделана в 1630 году, золоченая с надписью – вес 30 фунтов с полуфунтом.

14. Ковчег – оклад серебряный.

15. Кружка серебряная – вес 2 фунта 65 золотников.

16. Ковш серебряный – вес 1 фунт 19 золотников.

17. Чарка серебряная – 42 золотника.

18. Чарка серебряная – 44 золотника.

19. Кадило серебряное – 2 фунта 52 золотника.

20. Кадило серебряное – 1 фунт с четью.

21. Лампада серебряная – 1 фунт 54 золотника.

22. Два подсвечника – 68 золотников.

23. Крест золотой с драгоценными камнями, внизу креста панагия, оклад и цепочка золотые, 14 драгоценных камней, 127 жемчугов.

24. Крест серебряный.

25. Крест серебряный – 5 фунтов без 5 золотников.

26. Кресты золотые с мощами святых: всего 15 крестов общим весом 8,5 фунтов золота.

27. Серебряные подсвечники – 17 шт.

28. Серебряные подсвечники – 9 шт. Общий вес 29 фунтов 63 золотника.

29. Серебряные блюда 17 шт. Общий вес 21 фунт 14 золотников.

30. Панагии в серебряных окладах. Всего 34 шт. Общий вес 20 фунтов 86 золотников.

31. Панагии с мощами, обложены золотом. Всего 11 шт. Общий вес 3 фунта 62 золотника.

32. Серебряные позолоченные раки с мощами, всего 35 шт. Общий вес – 5 пудов, 8 фунтов, 24 золотника.

Кроме этого в соборе были еще 4 придела: Иерусалимский, Архангела Гавриила, Великомученика Георгия и Пресвятой Богородицы. Утварь в приделах была смешанная, как серебряная, так и медная. Там же находились и два сундука, в которых был серебряный лом, т. е. сломанные серебряные вещи, оклады, подсвечники и т. п.

Благовещенский собор был самым дорогим по убранству церковным сооружением Кремля. В XVII веке в Москву приезжал Павел Алеппский, который писал: «Патриарх Никон в беседе с нашим учителем патриархом Макарием сказал ему о золотом кресте церкви Благовещения, стоит сто миллионов золотом, крыша церкви со своими 9-ю куполами покрыта золотом в палец толщиной».

В настоящее время кровля крыши и купола покрыты медными позолоченными листами. Кресты на всех девяти куполах установлены вновь при ремонте и восстановлении собора после нашествия французов.

В 1800 году художником Ф.Я. Алексеевым по указу царя Павла I написана картина – «Соборная площадь в Кремле». Если внимательно присмотреться к Собору Благовещения на картине, то можно заметить, что купола и крыша по форме своей несколько отличаются от современных конструкций.

Впрочем, часть вещей из Собора сохранилась до настоящего времени, и хранятся они в Оружейной палате. Вот список их, составленный после ревизии в 1854 г.

1. Евангелие 1568 г.

2. Евангелие 1571 г.

3. Евангелие 7076 (1538 г.)

4. Сосуд агатовый (аспидный красный) 1326 г.

5. Сосуд золотой, гладкий, простой 15 века.

6. Крест золотой, принадлежал царевичу Алексею Петровичу.

7. Крест Корсуньковский царя Константина 1639 г.

8. Крест золотой с финифтью и алмазами.

9. Крест серебряный сканный.

10. Крест в золотом чеканном окладе с жемчугом и драгоценными камнями.

11. Ковчег золотой, над ним большой лал, который был в короне Павла I.

12. Кадило серебряное.

13. Ладоница серебряная, чеканная.

14. Чаша серебряная, надпись 7137 г.

15. Кружка серебряная вышиной 5,5 вершков, диаметр 2 вершка.

16. Блюдо серебряное весом в 1 фунт 93 золотника, изготовлено в лето 1696 г.

17. Четвертина серебряная шестигранная с кольцом в крышке. Изготовлены в 1707 г. Вес ее 3 фунта 9 золотников.

18. 32 серебряных ковчега.

Как видите, от бывшего богатства и великолепия не осталось и следа. Сохранить смогли немного. Большая часть церковных сокровищ в переплавленном и первоначальном виде была погружена как минимум на 225 телег, набитых сверх всякой меры. Везти такой тяжелый груз в позднее осеннее время, по известным каким проселочным дорогам, было делом практически невозможным. Первоначальное количество фургонов с похищенным из Москвы имуществом (разумеется, разного качества и ценности) легко переваливало за 10 тысяч. Но добычу не только увозили, но и уносили. Сто тысяч солдат выступили из Москвы, и в ранце каждого нашлось местечко для чего-то ценного. Представим себе, что каждый нес только 1 килограмм добычи. И то получается 100 тонн! Но на самом деле, разумеется, никто одним килограммом не ограничился, не те были нравы. Тащили узлы, волокли баулы и чемоданы. Офицеры и иные состоятельные люди битком набивали свои конные экипажи и даже обвешивали строевых лошадей чересседельными мешками. И, разумеется, в ворохе мехов, тканей, книг и фарфоровых статуэток были золотые и серебряные вещи, а также всевозможные денежные средства в виде монет разного достоинства.

Часть сокровищ – драгоценные камни и жемчуг – были отправлены Наполеоном отдельно. Это видно из донесения графа Чичагова, посланного Государю 18 ноября 1812 года:

«В следующий день (13 ноября) к вечеру граф Ламберт получил донесение от посланного им в Несвиж отряда, что неприятель не выждал атаки и очистил город, в котором найдено более, нежели на миллион драгоценностей, брильянтов и жемчугу, награбленных в Москве и для сохранения присланных в Несвиж».

Переходим к Успенскому собору. Пожалуй, он пострадал от французов более всего. Хотя главные его святыни – чудотворные иконы Владимирской Божьей Матери, риза Господня, Корсунские кресты и другие священные предметы – были своевременно отправлены вместе с патриаршей ризницей из Москвы в Вологду и Владимир, тем не менее в соборе осталось еще очень много драгоценностей – главным образом ризы на иконах и предметы обстановки. Общее количество икон в соборе было 375, все они были украшены серебряными и золотыми ризами и окладами с драгоценными камнями.

Чтобы скорейшим образом утилизировать имевшееся там серебро и золото, французы установили плавильный горн прямо посреди храма. На нем производили бруски драгоценных металлов весом в 15–20 фунтов, и пережигали на металл облачения священников, с целью извлечения из них драгоценной отделки. Тут же работал и плотник, изготавливавший из икон ящики, для упаковки переплавленного металла и не переработанных изделий. Именно в этом соборе на одном из поддерживающих купол столпов была найдена надпись о том, что было переплавлено 325 пудов серебра и 18 пудов золота. То есть было переработано 5200 кг серебра и 288 кг золота. По современным расценкам только из одного этого собора, и только в виде лома было изъято на сумму 3 500 000 долларов.

Приведем список золотых и серебряных предметов Успенского собора, бывших в наличии на 7 августа 1773 года. Составлен он на основе книги протоирея Успенского собора А.Г. Левшина. Но нужно иметь в виду, что в течение 40 лет после этой даты поступления в ризницу собора продолжались.

1. Евангелие. Большое, напестольное, обложено золотом и драгоценными камнями. 1693 года.
2. Евангелие. Напестольное.
3. Евангелия. Новых и письменных старых, всего 18 шт. Некоторые низаны жемчугами, а другие обложены золотом или серебром.
4. Крест кипарисный, оклад золотой.
5. Крест серебряный, сканного дела с финифтью, вызолочен в 1595 г.
6. Крест большой золотой, гладкий, на нем надпись: лето 7191 август 14 день.
7. Кроме сих крестов имеются и другие золотые и серебряные, некоторые низаны жемчугом.
8. Сосуды золотые в потире и дискосе. Вес 7 фунтов и 78 золотников.
9. Сосуды золотые в потире, дискосе, звезде, двух блюдцах, лжице (ложке) и копии. Вес 30 фунтов 58 золотников.
10. Потир серебряный позолоченный.
11. Потир яшмовый Антония Римлянина. Весу в нем с золотом и камнями – 4 фунта 36 золотников. (Один этот потир сейчас бы стоил 200 тысяч долларов.)
12. Потир яшмовый Антония Римлянина. Весу в нем с золотом и камнями – 4 фунта 64 золотника.
13. Сосуд яшмовый с крышкою, поверх той крышки золотая змейка с финифтью высокой работы.
14. На святом престоле поставлена драгоценная и редкого искусства утварь в стеклянном специально сделанном футляре. Подарена князем Г.А. Потемкиным 5 февраля 1778 г. Представляет собой подобие Синайской горы, высота аршин с полувершком, длина – 11 вершков с четвертью, ширина – 9 вершков. На той горе изображен Святой пророк Моисей, принимающий от Господа Бога скрижали Божия закона. В пещере той горы устроена дарохранительница, а в подножии горы расположены высочайшие рукописания Екатерины в золотом глазете. Сей предмет содержит: золота 19 фунтов, серебра 19 фунтов 24 золотника. (10 миллионов, самая скромная оценка, самая малая!)
15. Паникадило большое, серебряное, подаренное боярином И.В. Морозовым в 1660 г. Весу в нем 60

пудов, 12 фунтов и 59 золотников.

16. Паникадило серебряное против образа Христа Спасителя, поверх оногo паникадила крест и три яблока кольца вызолочены. Вес 24 фунта 33 золотника.

17. Лампады серебряные, местами позолочены. В количестве 10 шт. Вес 8 пудов, 8 фунтов и 9 золотников.

18. Подсвечник серебряный тройной. Вес – 1 пуд, 11 фунтов 48 золотников.

19. Чаши водоносные, серебряные, кадельницы серебряные, ушат серебряный и другие принадлежности. Вес 2 пуда с золотниками.

20. Сосуды золотые, усыпанные брильянтами и яхонтами с диском и звездой. Вес 6,5 фунта.

21. Ковчег серебряный, четырехугольный в нем 3 золотых ковчежца и 4 серебряных.

22. Ковчег серебряный, на крышке надпись – «Мощи Святого апостола Андрея Первозванного».

23. Ковчег серебряный Григория Богослова.

24. Ковчег серебряный Иоанна Златоуста.

25. Ковчег серебряный мученика Авксентия.

26. Ковчег серебряный Евфимии Прехвальные.

27. Ковчежец серебряный Страстотерпца Георгия.

28. Ковчежец серебряный вызолоченный царевича Дмитрия.

29. Ковчежец маленький Петра Митрополита.

30. Ковчежцы маленькие золотые 2 шт., серебряные 1 шт.

31. В алтаре за жертвенником устроен иконостас, в том иконостасе киот серебряный створчатый, там же ковчег серебряный, там же ковчег золотой, чеканный четырехугольный.

32. В алтаре за престолом два образа все милостивейшего Спаса и Божия матери – оклады серебряные, позолоченные.

33. Образ Христа Спасителя в середине второго яруса – оклад золотой.

34. Образ Пресвятой Богородицы, писан 1740 г. обложен золотым окладом и украшен алмазами.

35. Образ чудотворной иконы Псковопокровской обители. На трех золотых таблицах надпись, 1740 г. сей образ обложен золотым окладом и украшен алмазами.

36. По правую сторону от дверей, выставлены в золоченом иконостасе образа разных святых не «посредственной» величины, почти все обложены серебряными окладами. Напротив западных дверей устроен четырех ярусный иконостас. В середине второго яруса образ Христа Спасителя, оклад золотой. Серебра во втором ярусе на 17 образах и на 16 столбиках всего 17 пудов 20 фунтов 84 золотника.

37. Серебра в третьем ярусе на 18-и образах и 16-и столбиках, обитых чеканным серебром, всего 8 пудов 26 фунтов 82 золотника.

38. Серебра в четвертом ярусе на 17 образах и 17 столбиках всего 15 пудов 7 фунтов 46 золотников.

39. Серебра на пятом ярусе 14 пудов 16 фунтов 63 золотника.

40. Рака Ионы Митрополита, обложенная серебром чеканным, золочена на двух сторонах четыре круга серебряных.

41. Рака Филиппа Митрополита облачена чеканным серебром, золоченным на двух сторонах, четыре круга серебряные золоченные.

Но и это еще не все, в 1773 году Екатерина II передала в собор священнические одежды в количестве 38 шт., украшенные золотом, драгоценными камнями и жемчугом.

В 1790 году купцом Семеном Васильевым в собор была передана вызолоченная и посеребренная одежда на престол весом в 5 пудов и 15 фунтов. Им же были сделаны серебряные ризы на иконы: Воскресения Христова, Распятия Господня, Тихвинской Богоматери, Св. Петра митрополита, Успения Божьей Матери и на образ Христа Спасителя. Общее количество серебра, пошедшее на украшение этих шести икон, было (только вдумайтесь в эти цифры!) 17 пудов и 26 золотников, а золота 27 фунтов 4 золотника.

Покровский собор на Красной площади начали грабить, пожалуй, в самую первую очередь, поскольку стоял он очень удобно, прямо напротив Спасских ворот. Все драгоценные украшения на святых иконах, а также серебряные вызолоченные оклады на них, священные богослужебные сосуды, напрестольные кресты, оклады на напрестольных Евангелиях – все под чистую было разграблено солдатами «старой» и «молодой» гвардии, первыми вошедшими в Кремль. Перед нашествием неприятеля из Покровского собора не было вывезено в Вологду ни одной вещи.

После бегства французов из всех драгоценностей, бывших в соборе, нашлась лишь золотая рама от иконы Казанской Божьей матери, поскольку ее приняли за медную и бросили в кучу мусора.

Чудов монастырь в Кремле тоже был замечателен своей богатой ризницей, состоящей из Евангелий, крестов, священных сосудов и священнических облачений. Перед занятием Москвы французами часть вещей была предусмотрительно вывезена, а затем возвращена обратно. Но то, что погрузить не успели, либо не смогли демонтировать заранее, было вывезено французами. В монастыре было 4 храма: церковь Архангела Михаила (1501 г.), церковь Святителя Алексея (1680 г.), храм благовещения Пресвятой

Богородицы (1501 г.) и церковь Андрея Первозванного. Маршал Даву, имея главную квартиру в Новодевичьем монастыре, иной раз останавливался на ночлег именно в Чудовом монастыре.

Храм Спаса на Бору одна из древнейших церквей в Кремле. До 1330 года на месте нынешнего храма существовала дубовая церковь во имя Преображения Господня. Эта церковь была сооружена князем Даниилом на холме, где был дремучий бор, и где в то время стояла хижина отшельника Букола. В 1812 году церковь, как и прочие, была полностью разграблена, и французы устроили в ней продовольственный склад. Впоследствии эта церковь некоторое время служила пристанищем для бесприютных церковников.

В Патриаршем или синодальном доме с церковью двенадцати апостолов находилась богатейшая и древнейшая ризница, а также патриаршая библиотека, в коей хранилось древних греческих рукописей 511 шт., а славянских книг 1008 шт. Великолепные произведения искусства, масса серебряных сосудов, книг, столовое серебро и прочее было полностью вывезено в Вологду и потому спасено от расхищения.

Ах, если бы все было так же удачно, как в патриаршем доме, где было проявлена поразительная предусмотрительность! Но мы видим, что сотни подвод с добычей были вывезены только из Кремля, т. е. оттуда, откуда было заранее эвакуировано наибольшее число старинных раритетов.

А что же творилось в самом городе? Ведь в Москве на тот момент числилось 24 монастыря, некоторые из них весьма древние и богатые. Все без исключения они были разграблены удалыми гвардейцами. Чтобы дать Вам хоть какое-то понятие о масштабах потерь и в этой области, мы посвятим еще несколько страниц книги описанию известных нам фактов.

Самым богатым по праву считался Донской монастырь, основанный в 1596 году. Своим богатством он был обязан тому, что на кладбище монастыря хоронили дворян и богатых купцов. Если у Вас как-нибудь выдастся свободный денек, не поленитесь, съездите в Донской монастырь. Походите неспешно по его обширной территории, посмотрите, любопытствуя, какие там стоят надгробья, почитайте выбитые на мраморе и гарбо фамилии, проникнитесь духом тех времен. Вам многое станет ясно.

На территории монастыря имелись церкви:

1. Пятиглавый Соборный храм,
2. Церковь Пресвятыя Богородицы Донская,
3. Церковь Сретенья Господня,
4. Церковь Богородицы Тихвинской,
5. Церковь преподобного Александра Свирского,

6. Ризница с церковным имуществом помещалась в палатке, пристроенной к паперти Соборного храма.

Чтобы вывезти все монастырские сокровища, потребовалось бы не менее сотни подвод, но было эвакуировано только пять подвод всевозможного имущества. Брели самое ценное. Все остальное, увы, досталось незванным гостям. Из Соборного храма были похищены оклады и ризы с икон, находящихся на восьмипоясном иконостасе. Среди них риза серебряная богато украшенная жемчугом и драгоценными камнями с иконы Донской Богоматери. Были похищены ризы столь же богато украшенные с икон Спасова Образа и Богоматери Едесской.

На иконе Спаса Вседержителя была риза серебряная, чеканная, позолоченная. Перед иконами висели серебряные чеканные лампы. Только перед иконой Донской Богоматери висело 8 серебряных лампад. Остальные церкви монастыря также имели богато украшенные старинные иконостасы.

Не можем удержаться от того, чтобы не перечислить некоторые вклады, которые делали в монастырскую ризницу состоятельные лица государства Российского. Не все, конечно, а только самые крупные и знаменитые.

1. В 1679 году. Три напрестольные Евангелия, одно большое в серебряном золоченом окладе. Три сосуда серебряных, один из них золоченый.

2. В 1725 году. Потир, чаша золотая с серебряным поддоном. Золота 1 фунт и 15 золотников. Серебра 2 фунта и 51 золотник.

3. В 1727 году. Золотой прибор весом 2 фунта и 32 золотника. Ковчег серебряный и серебряный крест.

4. В 1750 году. Паникадило, весом в 1 пуд; да еще 0,5 пуда серебра на местные иконы.

5. В 1785 году. Шапка (митра) с жемчугом и драгоценными камнями.

6. В 1793 году. Серебряный подсвечник весом 70 фунтов 32 золотника.

Дарились и прочие предметы роскоши и церковного обихода: панагии, церковные книги, кресты, сосуды, богатая одежда и т. п.

Велика вероятность того, что большая часть этих вещей попала не в императорский обоз, а в руки солдат гвардии. Как известно, у Наполеона было 2 дивизии «старой» гвардии и 2 дивизии «молодой». Эти части, почти не пострадавшие в Бородинской битве, входили в Москву первыми, первыми же начали разграбление города, особое «внимание» обращая на культовые здания и сооружения. При отступлении все четыре дивизии шли пешком, поскольку телеги и повозки, приписанные к ним, ломились от добычи.

Прочие монастыри пострадали не меньше. В Новоспасском монастыре имелся величественный

пятирусный иконостас, сходный с иконостасом Успенского собора в Кремле. С него было похищено более 20 пудов серебра. Уцелела лишь монастырская ризница, вывезенная в Вологду. Все остальное было спрятано на месте, но, к несчастью, французы отыскали захоронение. Процитируем небольшой отрывок из документа, в котором перечисляются вклады Новоспасского монастыря.

1. В соборной церкви – Икона Нерукотворного образа – риза и венец серебряные, позолоченные, перед иконой подсвечник серебряный весом 1 пуд 21 фунт – подарок купеческой жены Козловой в 1791 г.

2. Икона Преображения Господня – риза серебряная, позолоченная, украшена бриллиантами, алмазами и др. драгоценными камнями.

3. Ковчег серебряный в окладе на престоле.

4. Одежда парчи золотой с золотою бахромою и 6-ю большими золотыми кистями.

5. Перед всеми иконами серебряные лампы.

6. Ковчег серебряный.

7. Крест напрестольный, золотой, украшенный драгоценными камнями, вклад царя Федора Алексеевича в 1680 году. Весу в нем два фунта золота, а с деревом и камнями 3 фунта 65 золотников.

8. Крест золотой, подарок митрополита Крутицкого в 1673 году.

9. Крест прорезной, сквозной, богатой работы из орехового дерева, украшен жемчугом и драгоценными камнями.

10. Кресты, вложенные в монастырь, 3 шт., один графом Шереметевым в 1802 году, другой купеческой жены Бабкиной в 1788 году и один крест господина Еропкина в 1785 г. Из них два с финифтяными образами.

11. Два золотых креста с золотыми цепями.

12. Служебные сосуды – 4 шт.

13. Большие серебряные сосуды позолоченные – 2 шт.

14. Серебряные сосуды вкладу господина Еропкина с финифтью.

15. Водосвятные серебряные чаши – 2 шт.

16. Блюда серебряные, одно вкладу царя Федора Алексеевича, остальное графа Шереметева, князя Черкасского, и одно устроено монастырской казной.

17. Рапиды серебряные позолоченные вкладу И.Г. Морозова 1670 г.

18. Ризы настоятельские с жемчужным оплечьем, всего – 11 шт. Из них самая лучшая по борту обнизана самым крупным жемчугом с разводами, в середине оплечья позади крест алмазный сплошной мерою в длину более одной четверти аршина (18 см), в нем один изумруд шестигранный длиной полвершка (2,2 см), шириною несколько меньше, да в разных местах по оплечью 15 заповней алмазных с таковыми же коронами, все сие, так как и крест, в оправе золотой. Вклад царя Михаила Федоровича.

19. Ризы подобные вышеописанным, также епитрахиль, набедренник, поручни и стихарь вкладу князя Черкасского.

20. Настоятельская «шапка» жемчужная с алмазами и другими драгоценными камнями, иконы на ней золотые. Другая «шапка» с большими яхонтами чистой воды.

21. Три «Планицы», одна из них шита в 1645 году.

22. Пять покровов надгробных, украшенных жемчугом.

Несколько слов необходимо сказать и о Богоявленском мужском монастыре. Монастырь очень древний, находился на Никольской улице, недалеко от Троицких ворот Кремля. При пожаре 1812 года монастырь уцелел, только обгорела главка на колокольне. В нем было похоронено много знатных и богатых людей того времени. Поэтому в ризницу монастыря многие знатные сановники делали весьма щедрые подношения, что в те времена было широко распространенным явлением. Так, на поминание стольника Шереметева в 1677 году была вложена большая серебряная водоносная чаша, весом 10 фунтов 51 золотник. От княгини Долгорукой вложен серебряный потир, дискос, звезда, лжица весом 5 фунтов 12 золотников. От графа С.Б. Шереметева в 1768 году вложен потир золотой, золотой дискос, звезда, два блюда и лжица весом 7 фунтов 25 золотников. Серебряные кресты напрестольные весом в 1 фунт 4 золотника. И другой, в 2 фунта 33 золотника, и множества других серебряных и золотых. Евангелие в серебряном окладе, серебра на которое пошло 16 фунтов. И множество другой церковной утвари.

Монастырская ризница, к счастью, уцелела, поскольку была вывезена. Но иконы и те предметы, которые не успели спрятать, сильно пострадали от европейских варваров. Сколько было снято со стен монастыря серебра и золота, сведений не сохранилось, но, судя по тому, что все имущество было старинное и массивное, набралось его немало. Поскольку в Богоявленском монастыре помещался на постое маршал Ней, то, скорее всего, именно в его обоз все серебро и попало.

Даниловский монастырь был выбран для размещения в нем артиллерийского парка. По некоторым оценкам монастырь потерял имущества на 10 000 рублей. Одного серебра было взято от 5 до 10 пудов.

Изрядно пострадал от нашествия Заиконоспасский монастырь, стоявший на Никольской улице. Монастырь этот был основан в 1619 году. Имел Соборную 2-этажную церковь. Кроме этого, имелась и Владимирская церковь с богатым иконостасом и с главной иконой Владимирской Божьей Матери,

украшенной богатой золотой ризой. Верхний Соборный храм имел иконостас, созданный в 1742 году. Все иконы в нем были украшены массивными серебряными ризами. Из алтаря двери вели в монастырскую ризницу, в которой хранились церковные сосуды и дорогое облачение. Нижний соборный храм также имел богатый иконостас. Большие иконы алтарного иконостаса были обложены чеканным серебром.

В описной книге монастыря за 1780 год после сверки с наличностью в 1813 году архимандритом Симеоном о большинстве икон замечено: «похищены французами» или «оклад похищен неприятелем». Исчезли кресты, служебные сосуды, кадила, лампы, подсвечники, престольные одежды, кроме весьма немногих, отправленных в Вологду.

Заиконоспасский монастырь стоял недалеко от Кремля, и, вероятно, все его богатство попало в императорский обоз.

Недалеко от Кремля, между Покровской и Мясницкой улицей находился и другой древний монастырь – Златоустовский. Монастырь был основан в 1412 году. На территории его стояли следующие церкви: Благовещенская, Златоустовская, Троицкая, Захарьинская и Спасская. При приближении французов к Москве Златоустовский архимандрит Лаврентий принял некоторые меры к сохранению монастырских сокровищ. Многие вещи, как то: евангелия, кресты золотые и серебряные, драгоценные сосуды, одежды и прочее, он «тайным образом» перенес в настоятельские покои монастыря.

23 августа, в день, когда Наполеон выступил из Гжатска, Лаврентий получил словесный приказ от Московского викария быть готовым к отъезду и перевозу имущества сразу двух монастырей, Златоустовского и Перервенского. 31 августа, уложив на 10 подвод имущество обоих монастырей, Лаврентий препроводил обоз в Кремль, где собирались эвакуационные колонны от других обителей. Только 1 сентября сводная колонна выехала из Москвы.

2 сентября в монастыре уже хозяйничали захватчики. Поскольку иконостасы оставались на месте, то они, разумеется, были разломаны и ограблены в первую очередь. Французы находились в Златоустовском монастыре до 23 октября и за это время очень тщательно обыскали и ободрали все его помещения. Все, за исключением монастырского архива, медных светильников и оловянной посуды, было вывезено.

Симонов мужской монастырь находился к востоку от Кремля, в 6 верстах на левом берегу Москвы-реки. Основан в 1370 году в дни великого князя Дмитрия Донского. Из Симонова монастыря были похищены даже «Царские врата» высотой более 3,5 метров, обложенные позолоченным серебром и крупными разноцветными камнями: яхонтами, изумрудами, бирюзой и др. Чтобы дать представление о величине ущерба, приведу только стоимость всего двух икон.

1. Икона Вседержителя, сидящего на престоле, украшена серебряной чеканной вызолоченной ризой весом 1 пуд 23 фунта 20 золотников, стоимостью, по оценке 1812 года, – 1517 рублей (сейчас она бы оценивалась не менее чем в миллион долларов).

2. Икона преподобного Кирилла Белозерского 1774 г., украшена золотым окладом и 10-ю золотыми изображениями святых по полям ее, общий вес золота 2 фунта 17 золотников. Стоимость, по оценке 1812 года, – 627 рублей (сейчас около полмиллиона долларов).

Кроме того, из монастыря были похищены богослужебные сосуды. Золотой потир весом в 3 фунта 68 золотников, серебряная лампада весом в 4 фунта 38 золотников, серебряный подсвечник весом 5 фунтов 83 золотника, серебряная чаша для освящения воды весом 16 фунтов 50 золотников, кресты, панации, митры, саккосы, клубоки, покровы, кубки, стопы, кружки, четвертины, лампы, кадила, подсвечники, паникадила и прочее, и прочее, и прочее, не менее чем на 100 000 рублей.

Все похищенное укладывалось на все виды транспорта тех времен и называлось «Московскими трофеями». Зачастую в своих мемуарах французы называли процесс перевозки своей добычи «перевозкой тяжестей». Согласитесь, что легкие и малочисленные вещи «тяжестями» не назовут. Ведь даже неподъемные 24-фунтовые гвардейские пушки и боеприпасы так не называли.

Фезанзак, командир 4-го линейного полка 3-го корпуса, пишет в своих мемуарах следующее:

«Ночью 18 октября экипажи 3-го корпуса двинулись к сборному пункту, в Симонов монастырь. Никогда за нами не тянулось столько экипажей. Ночи едва хватило, чтобы нагрузить провиант и привести упряжки в порядок. За час перед восходом солнца тронулись в путь. Симонов монастырь был весь объят пламенем – жгли провиант, который не могли взять с собой. Во многих фургонах было свободное место, а перед нами горел провиант, который может быть, спас бы нам жизнь. Мы тащили за собой все, что избегло пожара. Самые элегантные и роскошные кареты ехали вперемешку с фургонами, дрожками и телегами с провиантом. Эти экипажи, шедшие в несколько рядов, по широким русским дорогам, имели вид громадного каравана.

1 ноября мы дошли до Вязьмы. Не раз упрекали Наполеона в том, что при таком опасном положении французская армия шла слишком медленно, нельзя забывать, что и люди и лошади были истощены донельзя. Чтобы ускорить наше движение, необходимо было принести в жертву весь обоз. Неоспоримо, что подобное решение спасло бы нас от многих бед, но еще никто не считал необходимым принимать такие крайние меры».

Интересно, такие умные мысли пришли в голову Фезанзаку прямо при выезде из Москвы, или он

только в Париже сообразил, что жизнь все же дороже кошелька? Наверное, все же после, уже в Париже, будучи на пенсии. А в Москве все поголовно были объаты лишь одной страстью – набить потуже «закрома». Так что продолжим описывать неисчислимые потери русского народа.

Покровский собор, или церковь Василия Блаженного, пострадал от грабежей наряду со всеми. Было даже предание о том, что Наполеон хотел взорвать уникальный по архитектуре собор, построенный в XVI веке. Нижний собор его использовался как конюшня, все остальные же храмы попросту ограбили. В частности, забрали вызолоченную серебряную раку, устроенную в 1558 году царем Федором Иоанновичем.

Спасо-Андроников мужской монастырь был выстроен в 4 верстах от Кремля на берегу реки Яузы, на месте высоком и красивом. Его грабили поляки из корпуса Юзефа Понятовского.

До взятия Москвы солдатами «Великой армии» Наполеона из громадного Андроникова монастыря было вывезено всего ничего: всего три подводы с церковной утварью. Поэтому польским солдатам достались богатейшие украшения, находившиеся в храме и церквях монастыря. В Соборной церкви, сооруженной около 1360 года, стоял древний иконостас с богато украшенными и дорогими ризами. Стены были расписаны Андреем Рублевым и Даниилом Черным. В церкви находилась серебряная рака с мощами преподобных Андроника и Саввы. После ухода поляков церковь сгорела.

Кроме Соборной церкви, на территории монастыря имелась 3-этажная церковь, построенная царицей Евдокией Федоровной. На первом этаже помещался храм Знамения Божьей Матери, освященный в 1792 году. На втором этаже был храм во имя Архистратига Михаила, на третьем – храм во имя Алексея Митрополита Всероссийского. С северной стороны церкви помещалась ризничная палатка.

В монастыре над Святыми воротами стояла одноглавая церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Перед монастырскими воротами находилась огромнейшая колокольня самой искуснейшей архитектуры, 4-этажная, высотой (если считать с крестом) 68 метров. На втором этаже была церковь с богатейшим иконостасом. На святых образах оклады были серебряные, позолоченные, пред ними серебряные лампы и большое паникадило, в котором весу было больше 4 пудов. Эта церковь была освящена в 1803 году, а в 1812 году полностью разорена и разграблена.

Страстной монастырь был построен царем Алексеем Михайловичем в 1654 году. Имел 4 храма: Соборный двухэтажный, церковь Святого Алексея, Храм над воротами, Трапезный храм во имя Печерских угодников. 3 и 4 сентября в храмах был произведен грабеж. После выноса всего ценного в нижнем храме устроили магазин, а прочие помещения использовались в качестве казарм.

Надеемся, вы уже в достаточной мере осознали, какой грандиозный ущерб был нанесен церковному имуществу Российского государства. Но если бы это было все, что подверглось разгрому и поруганию! Ведь, кроме монастырей и сотен приходских церквей, в столице имелось множество прочих мест, представляющих весьма лакомые куски для грабителей. Дворцы богатых людей и царских вельмож, ссудные кассы, питейные дворы, арсеналы, монетный двор, промышленные и торговые предприятия, склады, имущество тысяч и тысяч горожан разных сословий, не имевших возможности по тем или иным причинам покинуть город. Так что колонны трофейных обозов, влекомые потерявшими всякое чувство меры захватчиками, растянулись на многие и многие километры.

Но парадокс ситуации состоял в том, что впоследствии 99 % того, что было награблено французами, поляками, австрийцами, итальянцами и пруссаками, так и осталось в России. Лишь небольшая часть ценностей достигла территории Литвы, Латвии и Польши. Но до самой Франции, являвшейся вдохновительницей всей военной интервенции, в конечном счете не дошло ровным счетом ничего. Куда же все исчезло? Куда пропал груз с многих тысяч повозок, телег и фазтонов? Ответ можно найти в высказываниях одного из генералов, находившегося в свите Наполеона. Вот что писал командир 33-го полка Фриан Дедем де Гольнер: «Лучшие картинные галереи сгорели еще во время пожара, а деньги и все то, что было захвачено армией, наполовину снова было отобрано русскими, а остальное уничтожено, чтобы не досталось им. Многие просто зарыли в землю в химерической надежде, что удастся вернуться за ним».

Но что означает «уничтожено»? Сожжено, разбито вдребезги, закопано, утоплено? Попробуем разобраться в этом на небольшом примере. Рассмотрим только один небольшой эпизод из истории отступления 3-го корпуса маршала Нея, едва не угодившего в окружение около города Красный. Встретив сильный заслон на переправе через речку Лосмину, он был вынужден резко свернуть с проторенного пути и броситься со своими войсками в сторону Днепра. Он надеялся переправиться по свежему льду, но наступила внезапная оттепель. Ледяные поля начали двигаться, и положение 3 тысячного армейского корпуса стало почти безнадежным. По дошедшим до нас воспоминаниям участников того похода, маршал, видя, что спасти багаж, обоз и артиллерийские орудия невозможно, якобы первым приказал сбросить свою карсту в воды Днепра. Туда же отправились и подводы обоза.

На самом же деле все происходило не совсем так, как пишут популярные газеты и журналы, вернее будет сказать, совсем не так. Но в первом приближении можно считать, что, по сути, все сказано правильно. Увозимое из Москвы имущество французы уничтожили, но ведь оно по большей части все

равно осталось в целостности и сохранности, вот только в земле или в данном случае под водой.

Другая примечательная фраза из мемуаров генерала Дедема – «Многое зарыли в землю». Да, зарывали многое, причем не какой-то горшок с медными монетами (найти который – мечта многих кладоискателей), а целые повозки, нагруженные не только награбленным имуществом, но и серебром с золотом. Да что там отдельные повозки! Закапывались и затапливались целые обозы в десятки и сотни подвод с награбленным. Их французы прятали до лучших времен в призрачной надежде, что, перезимовав в Смоленске, им удастся вернуться за оставленным в пути добром несколько позже. Но сладостные мечты эти в подавляющем числе случаев так и остались только мечтами. Хотя некоторым участникам того похода все же удалось впоследствии вернуться в Россию и даже провести поиски спрятанных либо ими, либо их родственниками сокровищ. Как и когда предпринимались подобные попытки, а также что получилось из этих экспедиций, мы Вам расскажем ниже.

Итак, представив пусть и самое общее, самое мизерное описание того громадного количества трофеев, что были вывезены Наполеоном из Москвы, мы постараемся максимально подробно описать и систематизировать добытые нами сведения по конкретнымкладам, заложенным его войсками, рассчитывая обойтись перечислением нескольких конкретных и достаточно детально отработанных эпизодов.

Исписав более полутора сотен страниц, мы совершенно погрязли во всевозможных военных событиях и чисто бытовых коловращениях, прихотливо управляющих судьбой отступающей армии. Хаос в центральной части книги получился такой, что мы поняли – необходимо как-то жестко систематизировать весь фактический материал. Ведь основной задачей повествования было не только дать читателям всю имеющуюся информацию по причинам, приведшим к заложениям конкретных исторических кладов, но и тесно увязать данные рассказы с общей обстановкой, складывавшейся на театре боевых действий.

Поэтому мы решили выстроить повествование, максимально привязав его к конкретным календарным датам. Это тоже не было идеальным решением, поскольку в один и тот же день зачастую происходило множество всевозможных событий. Но все же это было наилучшим выходом из создавшейся ситуации. Поэтому просим прощения за то, что Вам, уважаемые читатели, не раз придется возвращаться к одним и тем же датам и событиям. Извинением может служить только наше желание наиболее точно и подробно описать каждый щекотливый и неоднозначный момент сокрытия исторического клада. Искренне надеемся на то, что наш многолетний труд поможет отыскать хотя бы часть исчезнувших в 1812 году российских сокровищ.

* * *

Наш рассказ начнем, несколько отступив от того момента, когда «Великая армия» начнет свое отступление на запад. Познакомим Вас с участниками дальнейших событий, с царящими тогда нравами и теми приготовлениями, которые совершали солдаты и офицеры разношерстного воинства, деятельно готовясь к счастливому и победоносному возвращению домой. Пока никто из них даже не подозревает о той ужасной участи, которая уготована большинству из них и поэтому эти незатейливые строки будут весьма и весьма показательны. Представляем Вам выдержки из дневников Кастеллана и Цезаря де Лотье. Запомните их и сравните с тем, что эти же люди напишут всего через полтора месяца.

27 сентября

«Идет снег, который тут же тает. Я дежурный. В эти дни я часто прихожу в переднюю около императорского кабинета поболтать с его камердинером Анжелом, бывшим лакеем герцогини де Ла Вальер.

Этот человек относится ко мне дружелюбно и рад поговорить о Его Величестве. Между прочим, он рассказал мне: „Со времени нашего прибытия в Москву император приказал мне каждый вечер зажигать по две свечи около его окна, чтобы солдаты говорили: „Смотрите-ка, Император не спит ни днем, ни ночью, он всегда за работой““.

5 октября

„Я сажусь верхом, чтобы следовать за императором; прекраснейшая в мире погода. В строю большое движение. Его Величество занимается артиллерией. Он работает по целым ночам. Правда, он спит часть дня. Рассчитывают на скорое выступление. Говорят о походе на Индию. У нас столько доверия, что мы рассуждаем не о возможности подобного предприятия, а о числе месяцев, необходимых для похода, о времени, за которое к нам будут доходить письма из Франции. Мы привыкли к непогрешимости Императора, к преуспеванию всех его планов“.

„Армия теперь насчитывает 501 орудие. Зато возят орудия тощие лошади, не способные на большие переходы. То же можно сказать и про экипажных лошадей, про лошадей походных госпиталей и про др. Задают себе вопросы, как же перевозить ту драгоценную добычу, которая собрана была в Москве (и других городах тоже), которую уже нагрузили на телеги, если только Император не даст приказания оставить ее здесь“.

6 октября

„Император произвел смотр инфантерии „старой“ гвардии при довольно мягкой погоде. Генерал Лористон возвращается, выполнив свое поручение к русским; результаты его нам неизвестны. Он был очень любезно принят генералами: Кутузовым и Беннигсеном. На аванпостах – перемирие, обязались предупредить за два часа“.

10 октября

„Сегодня второе представление французского спектакля: дворцовому префекту Боссе поручено поставить его; нашлись всего две актрисы – с этим каши не сварить“.

11 октября

„Мы меняем помещение в шестой раз; я устроился у князя Куракина, великолепный дворец. У меня очаровательные комнаты; есть камин, редкость в этой стране; в моей спальне портрет князя – поразительно похожий... В доме полсотни портретов; нет недостатка в портретах Императора Павла и в портретах незаконных детей князя. Неудобство дворца в том, что он еще дальше от Кремля, чем дом, в котором мы были раньше.

Перемирие между авангардами прервано. Император его формально отменил: оно служило лишь для того, чтобы казаки свободнее действовали на нашем арьергарде; в миле от него все было для них легкой добычей; они захватили 27 солдат и одного офицера из 9-го гусарского полка. Наши аванпосты испытывают большую нужду в продовольствии.

Его Величество осматривал 600 лошадей 1 – го и 5-го полков легкой кавалерии, прибывшей из Франции. Дорогой они потеряли 400 лошадей. Ежедневно мы получаем подкрепления. Две недели тому назад корпус маршала Нея состоял из 4000 человек; поляков Понятовского было не больше“.

12 октября

„Я дежурный; стоит довольно холодная погода. В 10 часов 30 минут вечера шталмейстер двора, войдя в дежурную комнату, приказал трем адъютантам отправляться в Главный штаб его Величества, ждать там Императора. Император объявил, что он трогается в путь завтра в 9 часов утра. Никто этого не ожидал; были немного удивлены и раздосадованы“.

13 октября

„Сегодня утром выступления не было; оставаться, так оставаться. Идет снег. Старая гвардия, армейские корпуса, хозчасти получили приказ быть готовыми к выступлению“.

Но некоторые части уже выступили именно в этот день. Тайно, без огласки. Что же увезли они из Москвы в своих закрытых повозках?

Обозы вице-короля

Перед отступлением из Москвы в 4-м корпусе вице-короля по ведомости от 10 октября 1812 г. имелось в наличии: 23 963 человека, кавалерии 1661 человек, 92 орудия и 450 армейских повозок.

16 октября 1812 г. Роберт Вильсон в письме лорду Каткарту писал следующее:

"Сегодня поутру получено донесение от одного казачьего офицера с Можайской дороги, что (он) заметил конвой из 350 фур, в препровождении 4-х кавалерийских полков и двух батальонов. Он с 300 казаками напал ночью на их лагерь, и так перепортил все упряжки их повозок, что они не могли ехать далее, а потом дал знать генералу Дорохову, который взял Верею, и поэтому можно надеяться, что сей обоз, отправленный сперва в Саксонию, а после во Францию с разными драгоценными вещами, которые награбил Бонапарт, будут возвращены".

Из этого письма мы узнаем о существовании крупного обоза в 350 (как минимум) телег с награбленными в Москве сокровищами. Остановимся на этом факте поподробнее. Как мы уже упоминали,

основная масса войск Наполеона выдвинулась из Москвы 19 октября 1812 года, и очень интересно, что уже за три дня до этой даты даже англичане имеют точные сведения о продвижении очень крупного и хорошо охраняемого обоза. Причем, что удивительно, сведения о нем приходят из мест весьма от Москвы удаленных. Громадная колонна отягощенных добычей оккупантов уже вышагивает где-то за сто километров от Москвы! Следовательно, она выступила уже как минимум три дня назад. Уж не 13-го ли?

Можно по-всякому относиться к всевозможным приметам и предрассудкам, но для Евгения Богарне и его столь секретно выступившего обоза цифра 13 оказалась роковой. Он рассчитывал оторваться от основных сил русских войск и без особых помех достигнуть Смоленска еще до наступления холодов. В дальнейшем, видимо, планировалось укрепить охрану обоза польской кавалерией и ускоренным маршем за три недели добраться до Саксонии. Но не тут то было.

Капитан Сеславин, уже некоторое время "партизанивший" в районе современного поселка Голицыно, получил донесение, что генерал Орнани с 4-я полками кавалерии, из которых 2 полка были французские, и двумя батальонами пехоты с 8-ю орудиями сопровождает обоз в 300 фургонов по дороге из местечка Вяземы к Боровской дороге, с намерением идти на Верею, и далее в Смоленск...

Капитан правильно рассчитал свой маневр. Он со своими 300 казаками обогнал вражескую колонну и притаился в лесу, ожидая удобного момента для нападения. Он пропустил пехоту и кавалерию (поскольку силы были явно неравны) и напал на обоз и артиллерию на марше. Ясное дело, что ни те, ни другие активного сопротивления оказать без подготовки не могли, и казаки развернулись по полной программе. Французы потеряли генерала, полковника и до 300 солдат. Сеславин же потерял до 40 человек убитыми и 45 лошадей, после чего отошел к деревне Слизнево.

Обоз же, устранив нанесенный налетом урон, 17 октября двинулся по Боровской дороге к селу Быкасову, до которого было около 12 верст. Из Быкасова обоз должен был идти на Фоминское и далее на Верею, до которой было около 30 верст. Но именно в это время Верея была занята войсками генерала Дорохова. Поэтому обоз дальше окрестностей Фоминского не продвинулся. 21 октября туда же прибыла 14-я дивизия генерала Брусье. 22 октября к ним присоединились две дивизии "старой" гвардии. Соответственно пожаловал и сам Наполеон, крайне раздосадованный тем обстоятельством, что его пасынок не успел прошмыгнуть в Смоленск.

23 октября вице-король миновал Боровск и расположился в его окрестностях. Там встали три дивизии: 14-я Брусье, 15-я графа Пино и дивизия гвардии. А 13-я пехотная дивизия Дельзона направилась к Малоярославцу в качестве авангарда. Представляется, что этот головной обоз, порученный Наполеоном Евгению Богарне, простоял в окрестностях Боровска до 25-го, до получения приказа от императора отступить на старую Смоленскую дорогу...

Лейтенант де Лотье, служивший в штабе итальянской гвардии, в своем дневнике пишет, что приказ об отступлении на Можайск был отдан в 10 часов вечера 25 октября. Той же ночью главный штаб вице-короля должен был достичь села Уваровское, что находится в 4-х верстах от Боровска. Таким образом, несомненно, что этот обоз существовал реально, и Наполеон не без умысла старался продвинуть его как можно быстрее вперед, поручив заботам Богарне. Надо полагать, ценности он в нем отправил уникальнейшие. 350 повозок! Минимум 120 тонн уникальных произведений искусства, антиквариата, слитков серебра и золота. По современной стоимости на миллиард долларов, не меньше. Ужас, как интересно узнать, куда же делся этот славный обоз? Ведь он не доехал ни до Франции, да и обратно в Москву тоже не возвратился.

О том, что отправка этого транспорта была обставлена с большой секретностью, де Лотье тоже сообщает:

"Лошади императора отправились (13 октября) вечером по неизвестному направлению. Все повозки нагружены съестными припасами. Генерал Барелли, адъютант неаполитанского короля, возвратился вчера с секретными приказаниями императора".

15 октября обоз, который мы для удобства назовем "Третий золотой", специально двигался по наименее разоренной дороге. Вот потому-то он и свернул на Боровск. Но непредвиденное нападение у деревни Кутасово и овладение Дороховым Вереей спутало все глубоко законспирированные планы.

Записи де Лотье от 20 октября, сделанные в Фоминском:

"Смелость казацких отрядов невероятная. Они устроили засаду в лесу, невдалеке от того места, где мы провели ночь, и поджидают, когда уйдут последние солдаты, чтобы напасть на изолированные группы, на оставших, или на повозки, которые не могли идти непосредственно за войсками".

Надо думать, что после того ночного налета французы усилили бдительность и укрепили охрану. Начали спешно стягивать дополнительные войска, призванные оградить ценности от каких-либо атак. Видя такое наращивание противостоящей группировки, забеспокоился и генерал Дорохов. Он оттянул назад свою кавалерию, невольным образом освободив войскам противника дорогу на Можайск. После получения приказа на отход, это оказалось для французов и их союзников, весьма кстати. Первым тронулся с места длительной стоянки 4-й корпус.

Значит, мы можем констатировать, что Наполеон все еще тешит себя надеждой на то, что его

Богарне удастся оторваться от назойливых русских и без потерь добраться до Смоленска. Вот как описывает этот переход некий Лабом, служивший при штабе вице-короля:

"По дороге от Малоярославца до Уваровского мы увидели, к чему привела нас печальная и памятная победа в Малоярославце. Кругом попадались только покинутые муниционные повозки (от слова амуниция), так как не было лошадей, чтобы их везти. Виднелись остатки телег и фургонов, сожженных по той же причине. Тот, кто вез с собой добычу из Москвы, дрожал за свои богатства. Проходя ночью село Уваровское, увидели все село в огне. Нам сказали, что был отдан приказ, сжигать все находившееся на нашей дороге. Мы миновали Боровск, оставшийся от нас справа и сделавшийся так же жертвой пламени, и направились к реке Протве с надеждой отыскать брод для переправы артиллерии. Мы нашли таковой выше города и, хотя он был очень неудобен, но все наши войска должны были пройти через него. Много повозок застряло в реке, и так загородили проход, что пришлось искать нового брода. Я узнал, что Боровский мост еще существует, благодаря чему получилось большое облегчение при переправе по нему багажа армии".

Хотя и с большими трудностями, но к вечеру 27 октября драгоценные обозы вице-короля достигли деревушки Алферове, что в шести верстах от Боровска. Переход этот и ночевка уже как бы начали приготавливать французов к их незавидной участи.

"Помещение, в котором расположился сам вице-король, было так ужасно, что можно пожалеть судьбу несчастных крестьян, принужденных в нем жить. Ко всем недостаткам, ко всем несчастиям, недостаток в пище еще увеличивал наши мучения. К тому же в эту ночь сильно похолодало и те, кто ночевал под открытым небом, сильно страдали. Провизия, взятая из Москвы, подходила к концу. Лошади так же страдали. Скверная солома, снятая с крыш домов, была их единственной пищей. Лошади изнемогали от усталости, и их смертность была так велика, что артиллерии приходилось бросать свои повозки. И с каждым днем все чаще и чаще приходилось слышать грохот от разрывов зарядных ящиков".

"В Верее первый раз взорвались фуры (с бомбами), в Колоцком монастыре первый раз разбились и бросили пушки. Каждый день приходится что-то бросать, чтобы спасти хоть часть артиллерии".

Эти строки написал Цезарь де Лотье, офицер штаба итальянской гвардии. Что ж, он был весьма объективен. Шел всего третий день отступления от Малоярославца, а он уже понял, что впереди их ждут куда как более значительные трудности. Но артиллерию и трофеи 4-й корпус все еще тащил за собой, невзирая на бескормицу и падеж лошадей.

29 октября. Корпус миновал городок Борисов и вступил на Смоленскую дорогу.

30 октября. Вице-король прошел мимо Колоцкого монастыря (вестфальцы маршала Даву уже покинули его стены). В монастыре нашлись еще около тысячи раненых, о которых сказали, что они не способны перенести дорогу. Вице-король старался спасти кое-кого из них.

31 октября. Тяжелый обоз вице-короля ночевал в Гжатске. За последние два дня отступления в виду казаков Платова французы взорвали 100 зарядных ящиков и столько же оставили на дороге. На дороге до Гжатска бросили до 800 кирас (кавалерийские защитные доспехи, прикрывавшие грудь и спину) и до 500 павших лошадей.

1 ноября. Обозы и часть артиллерии 4-го корпуса находятся в селении Царево-Займище. После полудня колонна была атакована казаками, разграбившими несколько фургонов.

Д. Бутурлин в "Истории нашествия императора Наполеона на Россию" пишет:

"1 ноября к вечеру, у города Гжати, неприятель поставил на высоте сильные пехотные колонны, выслал стрелков своих в леса по обе стороны от дороги, а фронт прикрыл батареями. 8 орудий донской артиллерии, под командой полковника Кайсарова действовали с таким успехом, а пущенные им лесами, в обход, егеря 20-го полка, равно как и казачьи бригады с их орудиями, столь сильно напали на оба фланга неприятеля, что он после двухчасового сражения был принужден поспешно отступить. Генерал Платов посадил егерей на коней и теснил неприятеля всю ночь, так, что Платов сверх своего желания надвинулся на корпус маршала Даву, впереди его следовавшего. Полковник Кайсаров настиг неприятеля у Царева-Займища".

В той знаменательной атаке на часть обоза и прикрывающую его батарею участвовали всего 60 егерей. Если бы не густой туман, они были бы перебиты все до одного, но у страха глаза велики и французы бежали, потеряв одну пушку и несколько возов "с большим богатством".

О большом богатстве можно было говорить только в том случае, если в повозках действительно находились драгоценности, а не провиант или носильные вещи. Но, разумеется, отбиты пока еще были сущие крохи. Да и что значит одна пушка и десяток фургонов, по сравнению с тем, что еще имелось в распоряжении Е. Богарне.

Цезарь де Лотье так описывал данное происшествие:

"1 ноября. Вскоре после полудня, когда багаж итальянской армии проходил по узкой дороге, находящейся близ Царева-Займища, в недалеком расстоянии, влево от дороги появился неприятельский авангард. Затем стала приближаться сотня казаков, чтобы завладеть обозами. Нельзя было выбрать более удачного момента. Масса отставших солдат, служащих женщин и раненых шли вперемешку около

повозок; тут были также пушки, лошади, которых вели под уздцы, фуры, все это двигалось так, как будто было в полной безопасности.

Повозки, служители, маркитанты пустились в бегство по полю, в направлении уже прошедших колонн, толкая друг друга, падая и увлекая за собой несчастных раненых, которых они перевозили. Самые храбрые из них сдвинули свои повозки и засели в них, решившись защищаться в ожидании помощи, и хорошо поступили, так как генерал Галимберти, командующий дивизией Пино, быстро повернул второй батальон легкой кавалерии, построенный в каре. Он быстро приблизился к нам. При виде их казаки и вся неприятельская кавалерия быстро ретировались, успевши только ранить кое-кого из новичков и разграбить несколько фургонов.

К вечеру (1 ноября), мы, королевская гвардия, останавливаемся в лесу, близ Беличева".

Кстати сказать, донесение о нападении казаков и разграблении ими части "московских трофеев" Наполеон получил только утром 3 ноября, находясь уже в Семлево. А русские войска сосредоточились у Гжатска. Там был и Платов и примкнувший к нему генерал-майор Паскевич с 26-й пехотной дивизии.

Утром 2 ноября наши войска, двинувшиеся вслед за французами, на плотине возле Царева-Займища видели следующую картину: во многих местах встречались орудия, зарядные фуры и повозки, оставленные в грязи (морозов еще не было и вязкая, тысячекратно перетоптанная грязь простиралась до самого горизонта), либо сброшенные с насыпи, чтобы очистить дорогу войскам.

При следовании от Можайска к Вязьме Наполеон отдал приказ, чтобы армия не оставляла за собой никакого обоза, но поскольку увезти все добро без лошадей было невозможно, то повозки сжигались или, если те были с боеприпасами, то взрывались. А погода портилась неумолимо.

Лейтенант де Лотье пишет:

"Федоровское. 2 ноября. Холод становится все сильнее, хотя погода продолжает быть ясной, и солнце не перестает еще греть. Все лошади приведены в одинаковую непригодность. Их впрягают по 12–15 в пушку (при норме 4–6). Малейший подъем является непреодолимым препятствием для несчастных животных. К этому надо прибавить еще многочисленные затруднения, с которыми нам еще приходится бороться: подмерзшие дороги, испорченные броды, разрушенные мосты, болота, гололедица, одним словом, препятствия, преодолеть которые не в силах истощенные люди и лошади. Каждый день приходится что-то бросать, чтобы спасти хоть часть артиллерии. С пренебрежением смотрят теперь на драгоценные камни и вещи, но кожи, или меха, которыми можно прикрываться, и пища, в каком бы то ни было виде, не имеет цены".

То же самое подтверждает и другой участник похода, пехотный офицер, капитан бригады Бонами золингенского полка Франсуа:

"К этому времени (2 ноября) положение армии было ужасно. Мои лошади еще везут кое-какие съестные припасы, но кормить их самих нечем, кроме как гнилыми листьями, добываемыми из-под снега. Лошади, столь пригодные для перевозки съестных припасов, от недостатка корма так ослабели, что требуется от 8 до 15 штук для перевозки одного орудия. Они питаются древесной корой или мхом и лишь изредка получают гнилую солому на стоянках армии. Неудивительно, что ежедневно гибнут тысячи лошадей. Приходится взрывать артиллерийские повозки (зарядные ящики), сжигать фургоны и заклепывать орудия, не имея возможности везти их дальше. Никто уже не помышляет о том, чтобы сохранить драгоценности, добытые на развалинах пылающей Москвы, каждый думает о том, чтобы не умереть с голоду".

Такая обстановка складывалась в первых числах ноября до Вяземского сражения. Но тем не менее никто из командиров высшего звена, в том числе и сам Наполеон, не считал необходимым принимать такие крайние меры, как уничтожение всего обоза с ценностями, для ускорения движения. Французская армия, миновав теснину у Царева-Займища, расположилась вдоль трассы следующим образом. Головная часть – вестфальский корпус и "молодая" гвардия с обозом, артиллерией, стадом скота стояла в 30 верстах от Вязьмы на реке Осьма у Протасова моста. "Старая" гвардия и часть резервной кавалерии – вместе с главной квартирой Наполеона, в селе Сем-лево. Вюртембергская дивизия стояла в деревне Юренево, в 12 верстах от Вязьмы. Корпус Нея занимал саму Вязьму.

Войска вице-короля, охраняющие драгоценный "Третий золотой" обоз, остановились в селе Федоровское. Корпус маршала Даву встал на отдых, не доходя Федоровского.

Ночь со 2 на 3 ноября была самая ужасная ночь из всех прочих. Предупрежденный о приближении неприятеля, Богарне отправил обозы ночью по направлению к Вязьме, до которой было 16 верст. Корпус Юзефа Понятовского шел впереди, предупреждая возможное нападение, а корпус Даву следовал позади, стараясь не отставать ни на шаг. В 8 утра они прошли деревню Максимово, отстоящую от Вязьмы на 12 верст. К полудню все 300 фургонов оказались в Вязьме. Несколько припозднившаяся с подъемом кавалерия Милорадовича вышла на высоты перед селом Максимовым. К этому времени и колонна вице-короля, и тем более Понятовского уже приближались к Вязьме. Но корпус Даву только-только выходил из Федоровского, а его авангард как раз поравнялся с селом Максимово (ныне Максимково).

Колонны русской кавалерии атаковали французов, завязался бой, который продолжался с

переменным успехом до вечера. В 4 часа пополудни, когда начало смеркаться, Милорадович приказал атаковать неприятеля в самой Вязьме. В результате этой атаки маршал Ней отступил в деревню Лучинцово. Даву отступил к селу Княгинкино, а Богарне к Новоселкам. Но положение остается угрожающим. Ценности все еще находятся под угрозой, и ему надо скорее уносить ноги от этого опасного места. В час ночи 4 ноября вице-король поднимает войска на ноги. Ни люди, ни лошади не держатся на ногах, но... надо идти вперед, во что бы то ни стало.

"В половине второго ночи вице-король счел нужным, прикрываясь темнотой, сделать отступление и опередить немного русских. Мы идем ощупью по большой дороге, загроможденной повозками и артиллерией. Останавливаемся на каждом шагу. Многие страдают от холода еще больше, чем от голода".

А вокруг Вязьмы уже кружили конные сотни, батальоны и даже полки русских войск. Их командиры и атаманы уже вполне отработали тактику своих нападений и жаждали еще больших успехов. Утром 4-го числа следующий самым последним в общевойсковом построении корпус Нея преследовался сразу несколькими конными соединениями русских. Казаки генерала Платова прочно оседлали главную дорогу, "партизан" Денис Давыдов перекрывал проселочные дороги, действуя из села Никольское, левее большой дороги, доставая своими отрядами до села Рыбки и даже до Славково. А граф Орлов-Денисов (еще один "партизан") обосновался в селе Покровском и опекал Станищево и Чоботово.

Вот какие сообщения высокородные "партизаны" слали Кутузову. Орлов-Денисов. Село Митино. 11 часов дня.

"2 ноября. Утром атаковал у Вязьмы. Взял одно орудие и канцелярию Наполеона и 40 повозок с багажом. Сейчас выступаю из Митино и иду на Юренев".

"3 ноября. Следуя к селу Покровскому, я предпринял движение к деревне Андриановой, сам же с отрядом следую к Станищеву, имея впереди село Чоботово. Денис Давыдов должен быть в селе Покровское".

"4 ноября. Дошел до деревни Колпита. 5 ноября делаю форсированный марш за Дорогобуж".

"5 ноября. Имея направление из деревни Колпита через село Волочек за Дорогобуж и переходя в близком расстоянии от гвардейского лагеря (французского) в селе Жатково (видимо, Жашково), заметил сильное движение обозов между гвардией и арьегардом".

В ночь с 3 на 4 ноября французская армия была расположена следующим образом. Корпус Жюно, "молодая" и "старая" гвардии, ночевавшие в Славково и окрестных деревушках: Емельяново и Васино, Наполеон и его главная квартира расположились в деревне Жашково, корпуса Понятовского, вице-короля и Даву двигались ночью по большой дороге к селу Семлево. Императорский обоз провел ночь в роскошном (даже и теперь) сосновом лесу на берегу огромного озера, образованного мельничной плотиной, выстроенной у Жашково на реке Костря.

Гвардейский лагерь, о котором упоминает в донесении Орлов-Денисов, был сильно укреплен, и, когда Денис Давыдов неосторожно приблизился к передовым аванпостам, по нему открыли огонь из орудий. Перестрелка (впрочем, без особых потерь с обеих сторон) продолжалась до вечера. Все же французы были еще сильны, и идти в лобовую атаку на изготовившиеся к стрельбе пушки было бы для него сущим самоубийством. Гораздо больше повезло в тот день Платову. Активно преследуя совершенно измотанного Нея, он захватил полторы тысячи человек, отставших и раненых, которых и привел в деревню Поляново.

К вечеру 4 ноября в построении колонн отступавших произошли следующие изменения. Корпус Жюно и "молодая" гвардия добрались до Дорогобужа. "Старая" гвардия растянулась между Жашково и Славково. Корпус вице-короля тащился в районе села Рыбки, а маршал Ней и Понятовский отбивались от Платова при Семлеве. А вот на следующий день, и об этом тоже упоминает Орлов-Денисов, началось активное подтягивание отставших обозов от Рыбок к деревеньке Жашково. Маршал Ней получает категорический приказ Наполеона: "Отступать как можно медленнее, чтобы спасти обоз!"

Решение, надо заметить, очень правильное и своевременное. Еще немного и партизаны вообще могли бы перекрыть движение. Тогда прощай, "Третий золотой", прощайте маршал Ней и любимый Богарне. Каких-либо иных вариантов выбраться из непроходимого леса обходными путями у отставших войск просто не было. Справа текла вязкая по берегам и уже ледяная Костря, а слева на дорогах разгуливал Денис Давыдов.

Только бросив все вооружение и золото, убегая по совершенно непроходимым лесам еще и можно было спасти свои жизни. Французы это понимали и торопились, хотя и награбленное добро бросать явно не хотели. А ведь на счету у отступавших были даже не дни, а уже часы! Напрасно писал императору Ней, что надо бы двигаться быстрее, иначе всех окружают под Смоленском или Оршей. Император сделал ставку на спасение золота. Полагаю, что ему в тот момент было вообще плевать на Нея. Богарне и обоз с огромными ценностями, так досадно застрявший в районе Рыбок, – вот что тревожило его душу.

И вот именно здесь и начинается самое интересное. Чтобы ускорить движение отставшего конвоя, требовалось послать ему на выручку лошадей. А где их взять? Их можно было только от чего-то отцепить, то есть попросту бросить весьма значительную часть ранее перевозимого ими груза.

Вот что в связи с этим пишет Довжень, адъютант штаба 1-го корпуса:

"Мы шли ночь 3-го и день 4-го ноября и вечером остановились в сосновом лесу, на берегу замерзшего озера неподалеку от имения Чаркова (Жашково), где уже два дня жил император".

Делаем вывод. Первый тонкий лед уже покрыл окрестные водоемы. Но ясно, что продвигаться по нему можно лишь пешком и пробовать утопить какие-либо тяжести на глубине водоемов, было совершенно невозможно. Кстати, вы помните один примечательный факт – именно в этот день было брошено большое количество пушек у Семлева перед Протасовым мостом. Стволы их не были найдены, но речь сейчас не об этом. Пушки на том этапе отступления бросались лишь самые тяжелые – гвардейские, 24-фунтовые. В упряжи каждой из них было не менее 12 лошадей. Итого только на этой операции было высвобождено не менее 500 лошадей! Почему же, зададимся мы вопросом, одну артиллерию французские канониры спасали, а другую гребали? Ответ прост. Спасали только ту артиллерию, которая была призвана охранять императорский обоз! А та артиллерия, что застряла в грязи еще до Протасова моста, уже никого прикрыть не могла, и, следовательно, ее нужно как можно быстрее ликвидировать. Тем более что целью этой ликвидации стало высвобождение полутысячи лошадей, которые были немедленно брошены на спасение ценностей вице-короля! Вот Вам и разгадка загадки. Прямо по Мефистофелю, из произведения бессмертного Гете – "Люди гибнут за металл". Но здесь пока за "презренный металл" гибла только артиллерия.

И понятно теперь, чего ждал император французов в безвестной деревеньке Жашково, которую не на всякой карте и разглядишь. Он ждал того момента, когда благодаря предпринятым им усилиям все же удастся вытащить бесценный обоз из-под проклятых Рыбок и доставить их под свое крыло. И план его был осуществлен именно с 4-го на 5-е. Трудились над спасением "Третьего золотого", не покладая рук. Прятали одно и перегоняли другое в более защищенное место. То-то наши "партизаны" были удивлены столь интенсивным движением обозов.

Маршал Ней буквально своей грудью прикрывал все эти меркантильные маневры. 5-го числа он все еще стоял при Сем-леве. Выставил пушки на плотину, перекрывавшую ручей при въезде в село, и огнем из всех калибров не давал возможности Платову перейти речку Семлевку. Когда у него кончились боеприпасы, маршал свернул позицию и, переправившись по Протасову мосту, вступил в громадный лес, тянувшийся до самого Славково. Основная задача, поставленная ему императором, была выполнена – обозы Евгения Богарне успели подтянуться к основным силам армии.

Транспортная сеть в той местности была такова, что теперь уже Платову никак не удалось бы достичь ускользнувших обозников, не обогнав Нея. А обогнать его нельзя было никаким другим образом. Был, разумеется, круговой путь, но столь длинный и затратный по времени, что смысла сворачивать туда не было. Никакого выигрыша ни по времени, ни по расстоянию Платов получить не мог. Но основная игра только начиналась, и игроки в лице Наполеона и Кутузова внимательно наблюдали друг за другом, стараясь использовать малейший промах друг друга.

"5 ноября. Избегнув столь очевидной опасности, армия моя продолжала отступление к Смоленску. Оно становилось со дня на день затруднительнее. Запасы, взятые в Москве, истощились, лошади нуждались в фураже, гибли целыми запряжками, и мы принуждены были бросить (читай спрятать) множество артиллерии. Зима сменила, наконец, прекраснейшую осень, необыкновенную в этих суровых странах".

Это пишет сам Наполеон. Судя по тому, что он не потерял способности оценивать достоинства золотой российской осени, с восприятием реальности у него все в полном порядке. И та опасность, о которой он упоминает, была опасность почти неминуемого окружения и потери корпусов Богарне и Нея вместе со всем вооружением и, самое главное, бесценным обозом. Но этого не случилось, император отделался достаточно малыми потерями.

Впрочем, из всей этой истории и мы должны сделать для себя весьма определенный вывод. Районы Жашковской и Чоботовской плотин на левом берегу реки Костря наиболее благоприятны с точки зрения вероятности обнаружения брошенного французами многотонного имущества. Песчаная почва, глубокие водоемы с удобным подъездом, старинные плотины в качестве местных ориентиров идеально подходят для такого рода дел. Пушки, излишнее вооружение и значительная часть малоценных трофеев с высочайшей степенью вероятности спрятаны именно здесь, в крайне глухих и совершенно заброшенных людскими местами.

Как же расположились столь счастливо избежавшие катастрофы французы? Корпус Жюно прошел Дорогобуж и встал в деревне Михалевка. Чуть отставшая "молодая" гвардия заняла позиции на опушке леса за рекой Ужа. Кавалерийские корпуса, "старая" гвардия и главная квартира императора с известным комфортом расположились в Дорогобуже. Все остальные войска: Понятовского, Богарне, Даву и изрядно потрепанный за последние дни арьергард Нея тянулись от Чоботова через Славково и чуть не до самого Дорогобужа.

Причем все последующие войсковые колонны предпочитали останавливаться именно там, где отдыхали их предшественники. Выгода такого поведения очевидна. Оборудованные кострища, запасы

дров и брошенных повозок, и среди всего этого хаоса кучи соломы или лапника. В таких нечеловеческих условиях не приходилось пренебрегать ничем. Дрова в огонь, конину в котелки, а неподъемные ценности и излишнее оружие куда девать? В землю, конечно же. То есть многочисленные стоянки, оборудованные еще более многочисленными колоннами французской армии, использовались всеми, кто хотел спрятать то, что было уже не увезти. И все они делали это примерно в одних и тех же местах, а именно на ночных бивуаках, которые нетрудно вычислить, используя описанные выше географические ориентиры.

Именно путь в 32 версты от Чоботова до Дорогобужа оказался крайне неудобен и тяжел именно для обозных лошадей и артиллерийских упряжек. Генерал Дедем в своих мемуарах так описывает этот отрезок пути:

"Нам то и дело приходилось взбираться и спускаться с маленьких холмов, на которых подъем вследствие заморозков был весьма скользкий. Французы, несмотря на все сделанные им предостережения, не позаботились подковать лошадей на шипах: это было одною из главных причин, вследствие которых мы потеряли значительную часть артиллерии. Вид всех этих экипажей, скучившихся в общей толпе, был ужасен: приходилось еле двигаться гуськом, и горе тем, которые вдруг останавливались – их моментально опрокидывали".

Дело здесь было вот в чем. Подковы русского образца имели два выступающих шипа, которые разбивали лед и позволяли лошади использовать всю силу ног. Подковы французские были совершенно плоские и просто предохраняли копыта от стачивания на каменных французских дорогах. Подковы такого вида не мешали двигаться и в грязи, но как только на дорогах появился лед, то лошади тут же стали скользить как на коньках. Дело доходило до того, что возницы срывали негодные подковы с лошадиных копыт палашами и тесаками.

Кроме того, на пути к городу Дорогобужу было и несколько тяжелых переправ. Первая – через реку Костря, перед деревней Васино, а вторая – через реку Осьма, весьма разлившуюся с того места, где ее проезжали по Протасову мосту. Узкие деревянные мосты неизбежно сужали человеческий поток, задерживали движение, и перед ними скапливалось большое количество повозок. К тому же сразу за Васино дорога вновь шла через большой дремучий лес, и поэтому повозки загораживали путь артиллерии, те – кавалерии, а те, в свою очередь, – пехоте.

Насмотревшись на то, что творилось на этом участке дороги, уже известный нам Роберт Вильсон писал из Зарубежа (примерно 40 верст от Вязьмы) лорду Каткарту:

"Сегодня (5 ноября) видел я сцену ужаса, каковую редко встретить можно в новейших войнах. 2000 человек нагих, мертвых или умирающих, и несколько сот мертвых лошадей, кои по большей части пали от голода, несколько сот несчастных раненых, ползущих из лесов, прибегают к милосердию даже раздраженных крестьян, коих мстительные выстрелы слышны со всех сторон. 200 фур, взлетевших на воздух, каждое жилище в пламени, остатки всякого рода военной амуниции, валявшееся по дороге, и суровая зимняя атмосфера – все это представляет на сей дороге зрелище, которое точно изобразить невозможно. Казаки отняли вчера у уланов французской гвардии два штандарта, а также неприятель вынужден был оставить гаубицу генералу Милорадовичу".

Раскрываем карту Смоленской области и высматриваем современное Зарубежье. Оно находится в 5 км восточнее Чо-ботова. Это там Вильсон наткнулся на тысячи отставших от своих частей, ослабевших от недостатка пищи солдат, которые не смогли удержаться за стремительно откатывающимся на запад аррьергард Нея. Раненых в боях тоже не на чем было вывозить. Повозки, разумеется, были в изобилии, но вот лошади... Их в первую очередь впрягали в пушки и фургоны с золотом. Раненые должны были выбираться сами.

Кстати, Вильсон почти ничего не пишет о захваченных русскими войсками трофеях. Два штандарта, одна гаубица (и та была вытащена из воды) да какой-то мусор на дороге... и это все. А голые трупы, так неприятно поразившие его, так это оттого, что крестьяне раздевали убитых, пока те были еще живы, т. е. не заоченели совершенно. Ему-то все равно помирать, а в небогатом крестьянском хозяйстве всякая тряпка сгодится.

Да, несомненно, 5 ноября было воистину черным днем для отступающих вояк "Великой армии", но тогда в какие же черные краски можно окрасить следующий день – 6 ноября? Утром ударил сильнейший мороз, разом прекративший мучения сотен раненых и ослабевших солдат. От ураганного, совершенно ледяного ветра сковало жидкую грязь, вся дорога покрылась толстой коркой льда.

Общая диспозиция противоборствующих сторон в тот момент была такова. Основные обозы с ценностями, охраняемые "старой" гвардией, с 8 часов утра покидали Дорогобуж. Маршал Ней, непрерывно теряющий людей и боевую технику, откатывался за Болдин монастырь. Ней взрывал ненужные повозки с боеприпасами и уже не подбирал отставших солдат, ему просто было не до того. По пятам, буквально на расстоянии орудийного выстрела за ним шла кавалерия Милорадовича, боевой пыл которых сдерживали в основном не французские ружья, а отсутствие нормальных дорог. Что примечательно, они останавливались на ночлег там же, где накануне ночевали наполеоновские войска, выбирая места для бивуаков по тем же самым причинам. Спали среди сотен окоченевших трупов.

Из письма Вильсона, направленного им 7 ноября в Петербург Александру I:

"Французская армия идет на Смоленск, тяжелая артиллерия, экипажи и прочие направляются к Духовщине. Та же печальная картина, которую я принялся было описывать во вчерашнем письме моем, продолжалась до здешнего города (Дорогобужа). Она сделалась даже поразительнее. Нельзя изобразить с точностью всей картины бедствия, один взгляд на 10 000 мертвых лошадей, отчасти обезображенных и изувеченных, поражает ужасом. Не менее 4000 человек умирающих и мертвых покрывают дорогу от Вязьмы до сего города".

Здесь английский резидент немного преувеличил, но, в общем и целом, его сообщение объективно отражало реальный ход событий. 6 ноября был вообще днем скверных известий для Наполеона. В этот день были приняты крайне важные решения, именно одно из его распоряжений от 6 ноября вскоре привело к трагической утрате того самого обоза, который мы назвали "3-й золотой".

Какие же скверные новости заставили Наполеона внезапно совершить этот поступок? Первая новость заключалась в том, что в Париже был раскрыт направленный против Наполеона заговор, возглавляемый Мале. Вторая новость касалась отхода с позиций его свежих корпусов, прежде стоящих на Западной Двине. Ну и, конечно же, сообщения об оглушительных потерях в людях и лошадях, понесенных армией за последние два дня.

Западная Двина уже близко и тут император действует энергично, отправляя депешу маршалу Виктору, герцогу Беллунскому, с приказом вновь занять Полоцк. Следующий приказ был несколько странным. Он повелевает сплоченной до той минуты армии разделиться! Все прочие корпуса и отдельные части должны идти прямо на Смоленск, но корпусу вице-короля предписывается срочно повернуть направо и двигаться в направлении на Духовщину! Удивительное решение! Совершенно непонятный маневр! Явно он имел под собой какую-то тайную подоплеку!

Может быть, император надеялся, что Богарне найдет на этом направлении свежих лошадей или как минимум больше фуража для оставшихся животных? Может, он надеялся на то, что казаки будут двигаться за ним и оставят Богарне в покое. Или рассчитывал, что такой хитрый маневр поможет "Третьему золотому" обозу быстрее достичь Орши или Витебска. Вопросов и ответов здесь может быть множество, но факт есть факт, и такой приказ Евгению Богарне был отдан.

И вот настало 7 ноября. Ранним утром кавалерия Мило-радовича набрасывается на войска маршала Нея, которые, затыкая своей массой переправу на реке Осьма, мешали выйти русским частям к Дорогобужу. Они с такой живостью начали теснить противника у деревни Горки, что вызвали в рядах арьергарда настоящую панику. Бросая все, французы поспешили отойти на левый берег реки. А в это время корпус Богарне, отягощенный тяжелой артиллерией и громадным обозом, в том числе и "Третьим золотым", сворачивает с большой дороги на второстепенную трассу, и насколько хватает прыти, движется к деревне Бизюково и далее на деревню Засижье, которая значилась как конечный пункт для дневного перехода.

Вначале в порядках отступающих все шло как обычно. Но затем начались крупные неприятности. Передаю слово очевидцам.

Капитан Франсуа, Золишенский полк бригады Бонами:

"Покидая Дорогобуж, генерал Бонами теряет несколько пушек и более сотни повозок. Истощенные лошади, то и дело скользящие по льду, не могут перебраться через овраги, пересекающие дорогу, и мы принуждены заклепать свои орудия и покинуть большую часть обоза".

Лабом (служил при штабе вице-короля):

"7 ноября, как раз напротив города Дорогобужа, мы на плотках переправились через Днепр. Дороги обледенели, и запряженным лошадям приходилось очень трудно. Измученные животные не могли больше везти повозок, и часто несколько пар лошадей были не в силах везти только одну пушку на самую незначительную возвышенность. Мы хотели в тот день дойти до Засижья, но дорога была так плоха, что даже к утру следующего дня (8 ноября) наши экипажи не достигли еще назначенного места. Масса лошадей и муниционных повозок были покинуты. В эту ночь солдаты без зазрения совести грабили фургоны и повозки. Вся земля кругом была покрыта чемоданами, платьем и бумагой. Масса вещей, вывезенных из Москвы и до сих пор припрятанных, появилась на свет Божий. Ночью около замка в Засижье повторились сцены, виденные нами накануне. Несчастные лошади, которые мучимые жаждой били по земле копытами, стараясь пробить ледяную кору, чтобы под ней найти хоть немного воды.

Наш багаж был настолько велик, что, несмотря на грабеж, у нас его все-таки осталось много".

Какие выводы мы можем сделать из этих небольших отрывков. Их несколько. Вывод первый – лошади и люди находятся на крайней степени истощения, и малейшая более или менее серьезная преграда может привести к самым нежелательным последствиям. Вывод второй – едва корпус освободился от недреманного ока своего императора, как тут же в войсках происходит бунт, сопровождающийся повальным грабежом своих же сослуживцев и даже трофейных ценностей, принадлежащих государству. Вывод третий – количество перевозимых трофеев все еще очень велико, и масса их превышает возможности дальнейшей транспортировки. Ясно, что развязка уже близка. Ощущение неминуемой

катастрофы буквально висит над корпусом Богарне.

Колонна двигалась довольно медленно, растянувшись на 8 (!) верст. Скорость продвижения сдерживалась еще и тем, что по приказу маршала Бертье пехотные колонны были удалены с дороги и шли по бездорожью, справа и слева от трассы. Таким образом, они являлись живой (но еле бредущей) защитой для обозных повозок, прикрывая их от возможного нападения казаков. А граф Платов особо и не спешил. Получив донесение от разведчиков, он потянулся вслед за Богарне, с нетерпением ожидая того момента, когда противник вообще не сможет передвигаться. Он на 100 процентов был уверен в том, что еще день, от силы два, и отколовшийся корпус замрет, даже не дойдя до реки Вопь, и там, уткнувшись в разрушенные переправы, потеряет всякую способность к активному сопротивлению. Более мобильные войска русских (без обозов, легкие пушки поставлены на сани, вся конница с шипованными подковами) постоянно теребили еле ползущих французов.

Весь ужас своего положения вполне понимал и сам Богарне. Добравшись к 6 часам вечера до Засижья, он срочно пишет письмо в главный штаб. Это письмо просто необходимо привести в полном объеме.

"Я имею честь дать отчет Вашему Высочеству, что я отправился в путь из Дорогобужа в 4 часа утра 7 ноября, но естественные препятствия и гололед явились помехой марша моего 4-го армейского корпуса, что единственная головная часть смогла прибыть сюда (в Засижье) в 6 вечера, а хвост колонны только смог занять позицию в двух лье (8,5 верст) позади. С двух часов дня до пяти вечера враг оказался на правой стороне. Он атаковал в одно и то же время головную часть, центр и хвост (колонны) с помощью артиллерии, казаков и драгун. В головной части он нашел слабое место, чем и воспользовался, чтобы закричать "ура" и взять приступом 2 полковых орудия (6-фунтовые пушки), которые находились на очень крутом и отдаленном склоне. Враг выстрелил в аррьергард из четырех пушечных орудий, и генерал Ориано полагал, без подтверждения, что видел пехоту. На каждом из других опорных пунктов было по 2 орудия.

Ваше Высочество легко решит, что поставленный в затруднительное положение моим громоздким транспортом, который мне доставили, и многочисленной артиллерией, более 400 лошадей, которые без преувеличения сейчас пали, мое положение довольно критическое. Тем не менее я буду продолжать мое движение очень ранним утром завтра, чтобы прибыть в Пологи.

Оттуда я отправлю новости и сообразно с тем, что мне сообщат, я приму решение отправляться в Духовщину или Пне-во. Я не должен скрывать от Вашего Высочества, что, использовав все способы (к продвижению вперед), я лишаю себя возможности использовать мою артиллерию и что она должна приготовиться в этом отношении к очень большим жертвам. Уже сейчас многие орудия заклепаны и врыты в землю.

Я повторяю Вашему Высочеству заверения во всех своих чувствах".

Как видим, артиллерия им уже обречена на уничтожение. А ведь только она одна и была способна несколько сдерживать ретивость рвущихся к французским обозам казаков. Но иного выхода у вице-короля нет. Серебро и золото, буквально навязанное ему в Дорогобуже, он бросать не имеет права (император не велел делать этого ни в коем случае), лошадей же на подмену нет. А ведь планы у него в письме заявлены серьезные. На следующий день он планирует добраться до селения Пологи, то есть форсировать Вопь и продвинуться еще как минимум на 4 версты. Но как это сделать, если войска безмерно растянулись, а на завтра предстояло пройти еще 25 верст? И все по такой же ужасной, перерезанной во многих местах оврагами дороге.

И тут напрашивается одно соображение. Если Евгений Богарне был столь уверен в своем завтрашнем ускоренном марше, то не потому ли, что закопал львиную часть обременявших его тяжестей прямо на месте своей стоянки, т. е. в Засижье? Очень даже может быть. Причем он мог зарыть не только пушки, но и солидную часть "Третьего золотого"!

Где именно? Ответа на этот вопрос пока нет. Но есть одна интересная фраза из письма Лабома. Помните? "Ночью около замка в Засижье повторились сцены, виденные нами накануне". Вряд ли он имел в виду сцены массового падежа лошадей. Мы полагаем, что Лабом пишет о грабежах, вторично случившихся как раз в ночь с 7-го на 8-е. Раз кто-то закапывал большие ценности, то у многих опять могло возникнуть непреодолимое желание пограбить во время этого процесса, так сказать "под шумок".

А где же, в самом деле, французы могли зарыть какие-либо ценности? Ответ напрашивается сам собой. Там же, где и грабили, около некоего "замка". Что же это был за "замок", непонятным образом оказавшийся в деревне со столь неблагозвучным названием? По сохранившейся до нашего времени гравюре видно, что это был очень приличный, двухэтажный господский дом. Четыре колонны парадного входа, симметричные флигели, и даже площадь, на которой могло стоять сразу несколько конных экипажей. При таком солидном доме наверняка был и обширный сад, либо даже настоящий парк. Там, скорее всего, французы и зарывали награбленные ценности. Правда, с того времени прошло очень много лет. От той блестящей усадьбы к настоящему времени почти ничего не осталось, и доживают свой век лишь несколько вековых деревьев, которые шумом своей листвы напоминают нам о былом великолепии этого примечательного исторического места.

Но это было соображение самого общего порядка. В действительности все могло быть совсем и не так. Ведь вблизи Засижья есть несколько днепровских стариц (превратившиеся в замкнутые озера части древнего русла), и что-то утопить в них было проще простого. Лед на них был уже вполне приличный, как и на всех стоячих водоемах, потому было совершенно нетрудно за ночь сгрузить в эти старицы даже сотню груженных телег.

Одному из авторов довелось побывать в современном Засижье. На месте выяснилось, что почти все здесь сохранилось, пусть и не полностью. Разумеется, от господского дома осталась лишь небольшая часть, но зато почти в неизменном виде сохранился приусадебный парк, украшенный великолепными трехсотлетними дубами, липами и елями и охраняемый государством. Обнаружилось в данном парке несколько весьма подозрительных подземных аномалий, которые, увы, так и остались нетронутыми, по недостатку времени. Особое внимание привлекло удивительное земляное сооружение, назначение которого так и осталось полной загадкой. Те из поисковиков, которые когда-либо доберутся до указанного места, будут вполне вознаграждены за свои усилия одним видом данного сооружения. Впрочем, не будем отвлекаться на мелочи, пора возвращаться в 1812 год.

За перечисленными выше заботами случились у вице-короля и более приятные известия. На следующий день ему доложили, что отрезанная накануне казаками хвостовая часть колонны смогла сориентироваться в ночной мгле и к утру подтянуться к головной, самой боеспособной части его войск. Это подбодрило Богарне, и в 5 часов утра он спешно выступил из Засижья и направился к Уховой Слободе, до которой было 18 верст. И тут надо сказать, что от данного селения дорога вначале идет под уклон, в овражек, после чего выходит на своеобразное плато. Но через пару верст дорога вновь спускается в уже довольно глубокий овраг. По дну оврага протекает ручей, а справа, за плотиной, в 1812 году расстиралось довольно обширное озеро. От плотины озера дорога очень круто поднимается вверх, к деревне Клемятино.

По дошедшим до нас преданиям, в районе этой деревни после ухода французов было найдено множество нательных крестов и другой мелкой церковной утвари. Отсюда возникла гипотеза о том, что именно в этом озере была затоплена значительная по массе часть "Третьего золотого". Почему именно здесь? Да просто потому, что фургоны из-за сильнейшей наледи просто не могли подняться на противоположный склон оврага, и вице-король, попав в безвыходное положение, принял решение избавиться от сковывавшего его чересчур массивного груза. А валяющаяся на земле серебряная и медная "мелочь" явилась лишь следствием того, что перед затоплением тщательно упакованных ящиков их "малость порастрясли". Искали грабители, разумеется, вовсе не ценности, а продукты питания и теплую одежду, поскольку именно этого "товара" крайне не хватало голодным и замерзающим солдатам.

По поводу данного эпизода у нас имеется собственное мнение, которое мы не решаемся вынести на страницы этой книги. Оно подкрепляется только тем, что в данном озере не обнаружено никакой подозрительной аномалии, указывающей на наличие под толстым слоем ила какого-либо металла.

Но вот многочасовой марш закончен. Головная часть 4-го корпуса, несмотря на все усилия, так и не смогла добраться до назначенных накануне рубежей. Вице-король подсчитывает ущерб и пишет очередное донесение:

"Ваше Высочество, подвергшись внезапному нападению противника, не могу не дать Вам знать, что нахожусь еще около Вопи. Я с меньшим отрядом покинул Засижье в 5 утра, но дорога так пересечена оврагами, что даже усиленным маршем не достиг места (селения Пологи).

Жестокая необходимость принуждает меня с сожалением признаться в тех потерях, которые мы потерпели, желая ускорить наше движение. Вчера умерло 400 лошадей, а сегодня может быть вдвое не считая тех, которые я велел прикалывать из военных и частных повозок. Целые упряжки издыхали в одно время.

Последние три дня страданий так подавили дух в солдатах, что я не думаю, чтобы они были в состоянии сделать теперь какое-нибудь усилие. Много людей умерло от голода и стужи, другие, отчаявшись, сами сдались неприятелю. (В тот день Платову действительно сдалось в плен порядка 3000 человек.)

Сегодня головная часть корпуса армии была спокойна на марше. Появились какие-то казаки без артиллерии, это, оказывается, явились местные жители. Если верить донесениям стрелков, это является предвестником грабежа. Они следуют за колоннами пехоты, артиллерии и кавалерии, следуют сами, говорят, что к Духовщине.

Этой ночью отправлена сильная разведка на Духовщину, от которой я завтра получу подробный отчет о противоположном берегу и неприятеле. Но не одно сопротивление противника важно для нас. Потому я во второй раз не скрываю от Вашего Высочества, что эти три дня страданий так изнурили дух солдат, что я не верю в этот момент в то, что мы избрали достаточно хороший способ доставки. Необходимо сделать какие-то дополнительные усилия. Корпус армии в последние три дня потерял две трети артиллерии. Я повторяю Вашему Высочеству заверение во всех моих чувствах.

Ульхова Слобода. На пути к Вопи. 8 ноября, 9 вечера. Е. Богарне".

Какое странное письмо. Путаное, противоречивое, полное каких-то недомолвок и неясностей. Давайте разберемся в нем немного подробнее. И начнем с его окончания. Не с чувств Евгения Богарне, разумеется, а с пушек и лошадей. Вице-король пишет, что уже потерял 1200 лошадей. Запомним это число. До реки Вопь он все же доволот 35 орудий. Следовательно, потерял он за два дня не менее 70 пушек. Каждую такую пушку тащило минимум по 12 лошадей. Значит, всего на перевозку этих пушек потребовалось бы минимально 840 лошадей. Кроме того, артиллеристы бросали и ненужные ящики со снарядами (не менее двухсот). Каждую такую повозку везли по 4 лошади. Значит, и на их транспортировку тоже требовалось 800 лошадей.

Результат получается такой. Потери лошадей составили всего 1200, пусть даже 1500. А это означает, что от повозок с трофеями не было взято ни одной лошади! То есть все триста повозок с ценностями с 8 на 9 ноября, скорее всего, были на ходу. А если ранее из них что-то и было закопано либо утоплено, то оставшиеся в распоряжении Богарне фургоны были исправны и обеспечены лошадьми. Заметьте, в своем докладе он четко различает тех лошадей, которые обеспечивают ему выполнение основной задачи, и всех прочих, которых он велел прикалывать. И еще эта неопределенная фраза, в самом конце письма: "что я не верю в этот момент в то, что мы избрали достаточно хороший способ доставки".

О доставке чего именно пишет Евгений Богарне? Во что он не верит? В то, что ему все же удастся сохранить пушки или боеприпасы? Да он их щедро бросает при первой возможности, нимало не сожалея! Только на безвестном ручье Жерновка, что неподалеку от еще более безвестной деревеньки Войновка, казаки Платова взяли 62 брошенные вице-королем пушки. И искать не нужно было, они в рядок стояли. Нет, как минимум 200, а то и 250 фургонов с ценностями Евгений Богарне сохранил. Затем и разведку на переправы через Вопь послал. Очень ему интересно выяснить, удастся ли ему без проблем перескочить на другой берег, или же, придется прорываться с боями. А как воевать, если даже идти не по силам". Однако оставим его на время со своими невеселыми мыслями и посмотрим, что в тот момент происходит в стане русских войск.

8 ноября в районе деревень Марково и Мантрово казаки Платова взяли в плен 2800 человек солдат и 109 офицеров. На почтовом тракте у Войновки наши кавалеристы захватили 62 пушки и 64 ящика с боеприпасами. Кроме того, в скоротечных боях и кратковременных стычках убито еще порядка 1600 французов. Казаки довольны. Еще бы. Только успевай подбирать трофеи. Да и французы все чаще начинают сдаваться в плен.

Стараниями собирателей устного народного творчества сохранился рассказ крестьянина по имени Кирей, из деревни Плоское, Копыревщинской волости, о событиях происходивших в районе Ярцево 7–8 ноября 1812 года.

"Мне было тогда 25 лет, когда французы шли к Москве. Тогда их у нас в деревне Плоское тьма была: большак ведь от нас в 4-х верстах напрямик. Они забирали все наши стада и угоняли. Станешь просить – они часть себе оставят, а часть отдадут. Когда же их назад гнали, то их с дороги не спускали: как сойдут которые, то казаки, которые ехали по сторонам (только по одной стороне, слева от дороги), закалывали сейчас: да мужики многих перебили, которые ходили грабить по 5–8 человек. Казаки Платова ночевали у нас, а он сам в Пушкине, у священника. Церковь видна недалеко из дому.

Казаки, выходя утром 8-го ноября из деревни, сказали нам: "Ну, ребята, ступайте к Ярцеву, там Вам пожива будет". Мы и отправились и все видели. Французов, как переправилась их часть через Вопь, казаки на них и налетели, да всех и захватили: кого побили, кто в реке утонул, кого в полон (плен) взяли. И начали все брать. А добра-то, добра! Видимо-невидимо! И нам сказали: "Берите". Как сами уже набрали, и девать было некуда. Прежде много было на лошадях, а теперь лошади насилу шли, так на них навалили, навьючили. Платов в 3-х верстах велел у казаков все отобрать, у них уже лошади были попорчены, сбиты. Собрал Платов в кучу все добро, да и попалил (сжег), а казаков послал догонять французов и бить, и сам поехал за ними. А мы как бросились на добро, со всех сторон набегали мужики, как на ярмонку (ярмарку) о Светлую – и глаза разбегаются: не знаем, что брать. Наберем, наберем – брать некуда. Как опять казакам попадутся французы, они лучшее отберут себе, лучшее в кусты спрячем и опять за добром. А многие были догадливы: с возами туда (к реке Вопь) приехали, со товарищами. Да, набрав на воз, за кустами положат: один останется караулить, а другой таскает. Иные куды много набрали, да дорогих вещей!"

Сцены грабежа рассказаны очень достоверно. Вот только нет ни одного упоминания о том, что казаками или крестьянами были найдены и захвачены церковные ценности. Вполне понятно, что сжег Платов – носильные и бытовые вещи, предметы сервировки и рядовые украшения. И не стоит обращать внимание на слова "дорогих вещей". Для обычного крестьянина Смоленской губернии даже обычное пальто представляло собой невиданную ценность.

Однако вернемся к письму вице-короля. Он пишет, что достиг Ульховой Слободы (ныне Ольхово). Причем двигался ускоренным маршем, бросив на произвол судьбы основную массу своих солдат. Теперь прикладываем линейку к карте и легко подсчитываем, что от Засижья до Ульховой Слободы всего-то 21 километр. Двигаясь обычным шагом, налегке, это расстояние легко можно преодолеть всего за 5 часов. А ведь Богарне вышел из Засижья в 5 утра. Следовательно, не встречая на пути никакого сопротивления

(казаки еще почивали), он уже к 10 часам утра мог добраться до Слободы. Ему ничего не стоило потратить еще 2 часа и выйти на берег Вопи.

Тут возникает законный вопрос. Почему Богарне выдвинулся так рано, в столь жуткий мороз? (В ту ночь заживо замерзло 300 человек.) Почему при этой спешке он двигался так медленно, если очень торопился и его ничего не сковывало на марше? Ведь усредненная скорость отходящих войск не превышала в действительности полутора (!) верст в час. Значит, даже продвигаясь "ускоренным маршем", основная колонна Богарне больше стояла, нежели шагала. Совершенно непонятно, что мешало ему прибавить ходу? В отсутствие реально противодействующего противника мешать более быстрому движению могло только одно – наличие в головной части его колонны достаточно массивного обоза, продвигать который в тех конкретных условиях было совсем нелегко. Взглянем еще раз на карту. От Засижья до места его следующей стоянки войскам Евгения Богарне пришлось преодолеть как минимум 3 мощные естественные преграды.

Первая преграда – между деревней Засижье и деревней Клемятино. Смотрим на фотографию этого участка и мысленно представляем медленно ползущие по обледеневшей дороге фургоны. Длинный спуск вниз и крутой, затянутый подъем вверх. Справа от дороги, в самой глубокой точке оврага, имелся водоем, подпертый плотиной.

Сразу же возникает мысль: а почему бы возницам не спустить под воду ту часть груза, которая осталась без конной тяги? Ведь кони в основной массе погибали именно на таких затянутых и обледенелых подъемах, когда они, выбиваясь из сил, скользили совершенно негодными (летними) подковами по свежеобразовавшемуся льду. Ведь этому на самом деле ничто не препятствовало. Лед на относительно небольших водоемах был уже достаточно прочен, и по нему вполне могла ехать даже тяжело нагруженная телега. Даже без лошадей ее было нетрудно вытолкать на руках. Пробить во льду прорубь тоже было несложно, поскольку толщина ледяного панциря на тот момент не превышала 10 см. При этом уже на другой день не осталось бы никаких следов затопления. Любая прорубь в условиях сильно минусовых температур затягивается очень быстро. К тому же прорубей этих делалось немало, поскольку Лошадей требовалось поить, а их все еще было очень много.

Вторая преграда возникла перед обозом за деревней Петрово, в виде реки Великой (правый приток Днепра). Та же самая картина: длиннющий полукилометровый спуск и не менее приятный подъем. Дорога идет по глубокой выемке, и передвигаться можно только гуськом. Спустившись к самой реке, обозы встретили новое препятствие – узкий деревянный мост. Малейший затор и останавливалось все движение. Что характерно, и тут был подходящий для сброса груза водоем. Почему бы здесь не утопить часть груза, снятого с тех повозок, которые уже некому было везти? Третья преграда была точно такой же, как и на реке Великая, только теперь это была речка Ракита.

Пожалуй, на всем пути от Дорогобужа до Ярцева это было последнее место, где можно было без особых затей затопить остатки "Третьего золотого" обоза. Далее тащились бы только артиллерийские орудия, которые могли обеспечить относительно безопасную переправу и удерживать на достаточном расстоянии казаков.

Была ли у вице-короля иная альтернатива? Мог ли он спасти порученные ему императором ценности? Возможно, что сам Наполеон на это даже и не надеялся. Но все же отправил Богарне из Дорогобужа по другой дороге, втайне, видимо, рассчитывая, что погнавшиеся за двумя зайцами казацкие полки упустят и тех и других. Что ж, так во время войн поступали многие, и до Наполеона, и после него. Да, он потерял "Третий золотой", но сохранил (по крайней мере, на время) другие два не менее ценных обоза. К тому же Евгений Богарне все-таки выполнил категорический приказ императора – ничего ценного русским не оставлять. Он и не оставил. Весь обоз из 300 подвод был им спрятан по частям на примерно 10-километровом участке дороги. Часть грузов видимо была зарыта, а другая часть затоплена.

Вот теперь вице-король был готов к переправе. Он освободился от сковывавших его маневр грузов. Он усилил высвободившимися лошадьми артиллерию и кавалерию, очистил войска от раненых и ослабевших солдат. Правда, в этой проблеме ему сильно помог Платов. Под началом Богарне теперь находилось хоть и сильно поредевшее, но все еще боеспособное воинство, которое имело некоторые шансы пробиться на соединение со своими войсками, базировавшимися в Витебске. А ценности потом и отыскать можно. Благо, где именно их закопали и затопили, лично ему прекрасно известно. Война, глядишь, повернется как-то по-другому и тогда... Но "тогда" так и не наступило.

Теперь становится более понятен рассказ крестьянина Ки-рея. Видеть, как французы прячут самое ценное имущество, он, как, впрочем, и казаки Платова, никак не мог, поскольку толпы деревенских мародеров и строевые кавалерийские части двигались на достаточном удалении от столбовой дороги, справа от нее. А французы освобождались от излишних тяжестей либо ночью, либо в естественных низинах глубоких оврагов, которые сами по себе являлись хорошим укрытием от посторонних глаз. Так что шансы доехать до переправы через Вопь, при прочих равных условиях, имели только небольшие повозки, по большей части набитые относительно легкими вещами.

Приведем для подтверждения строки из дневника де Лотье:

"Двигаться дальше невозможно – так трудна дорога. В два дня (7 и 8 ноября) мы потеряли 1200 лошадей, на которых держалась вся наша надежда. Казаки то идут впереди нас, то за нами следуют, и мы больше не можем посылать ни отрядов, ни фуражировщиков, так как у нас осталось лишь небольшое количество всадников.

Не находя никакого пропитания по дороге и увидев вдали деревню, которая представляется уцелевшей, многие солдаты выходят из строя и, перестреливаясь с казаками, идут туда наудачу. Некоторые из наших были, таким образом, захвачены в плен. Другим же удалось купить немного ржаного хлеба, сухого и черствого".

Это пишет офицер, который находился при штабе, рядом с вице-королем. Если для них все было так трудно, то что же говорить об отставших пехотных частях и батареях? Там-то положение вообще было нестерпимое! Но, несмотря ни на что, какую-то часть ценностей несли и везли до крайнего предела. И ведь дотасили! Форсировали Вошь у Ярцева перевоза и вышли-таки к долгожданным Пологам. Но ждало их совсем не то, на что надеялись французы.

Сделаем небольшое отступление. О тех далеких событиях рассказывает двоюродная сестра княгини Друцкой-Соколинской. Вскоре после войны она приехала в гости к Б.И. Потемкину. Как раз напротив его дома происходило избиение переправившихся французов казаками. По стечению обстоятельств личная карета Евгения Богарне досталась местному крепостному. Тот продал ее как раз отцу сестры за 10 четвертей ржи. Тот в свою очередь с барышом перепродал ее другим лицам, несмотря на то, что она была с оборванной обивкой. При капитальном ремонте пресловутой кареты, устроенном последним покупателем, в ней нашли несколько тайников с золотыми монетами, "бриллиантовыми вещами" и "другими богатствами"!

Остается только пожалеть того недалекого крестьянина, который отдал доставшиеся ему на "халяву" ценности за несколько мешков ржи.

Однако вернемся к 4-му корпусу. В Ульховой Слободе вице-король со своим штабом ночевал в красивой церкви, остатки которой до сих пор привлекают взор случайного путника. Солдаты и офицеры ночевали по домам и сараям. Известия со всех сторон приходили самые безрадостные. Громадные потери, падеж множества лошадей, утраты во всем. Все вокруг было разорено, и казаки толпами носились вокруг лагеря, убивая всех, кто осмеливался отлучиться в сторону в поисках пропитания. Но пока сохранялся хоть малейший шанс на спасение, Богарне был просто обязан его использовать. Поэтому он уже с вечера посылает генерала с инженерами и саперами наводить переправу. На рассвете 9 ноября он, собрав все наличные силы в кулак, начинает движение к переправе. Но удача явно не на его стороне. За ночь, поднявшаяся в реке вода снесла наскоро выстроенный мост.

Пришлось солдатам восстанавливать мост заново, и это сильно замедлило начало переправы. Но вот мост собран.

Вначале через реку переходит гвардия и часть артиллерии. Вслед за ней Вошь пересекает и вице-король. Далее повозки, повозки, повозки – нескончаемой чередой. Наступает ночь, а переправа все еще не закончена. Те, кому совсем плохо и у кого пали лошади, вынуждены заночевать на левом берегу.

"Мороз все усиливался, а пушечные выстрелы казаков делались все ближе и ближе. Вице-король был принужден, в конце концов, бросить всю артиллерию и те повозки, которые не были переправлены через Вошь. Как только это вызванное "жесточкой необходимостью" распоряжение сделалось известным на берегах реки, открылось зрелище, не виданное в летописях военной истории. У кого были еще повозки, и кто вынужден был теперь их бросить, те поспешно стали навьючивать на лошадей наиболее ценные вещи и припасы. Как только кончилась переборка этих вещей, толпа отсталых кинулась к повозкам, выбирая наиболее роскошные экипажи.

Казаки, сдерживаемые горстью солдат, скачут вокруг и наблюдают, но не смеют приблизиться. Между тем жадная толпа кидается скорее на съестные припасы, чем на богатства. Ценные картины, вышитые одежды, серебряные канделябры валяются разбросанными, и никто не обращает на них внимания. Храбрые канониры и саперы пытаются сделать последнюю попытку спасти свои пушки, а затем в отчаянье принимают их уничтожать и разбрасывать порох по ветру. Другие посыпают им дорогу к артиллерийским повозкам, которые находятся позади обоза. Они кидают на этот порох бивуачные огни. Огонь с быстротой молнии пробегает по проложенной дорожке, артиллерийские повозки взрываются, гранаты лопаются, и казаки в ужасе стараются спастись".

Автор этих строк – Цезарь де Лотье – мастерски описывает все страсти, которые кипели в тот момент на, казалось бы, заурядной переправе через самую заурядную речку (переправа происходила в том самом месте, где речка Пальна впадает в Вошь). Наверное, многие из тех ценных вещей, что так торопливо сыпали на землю в панике и хаосе, так и были затаптаны в землю. Найти их сегодня уже нет никакой возможности. Вокруг этого места давно выстроились городские постройки.

Но есть сведения о том, что где-то здесь, вблизи воды, было под шумок закопано несколько пушек, до последнего момента прикрывавших переправляющиеся войска. Вот их поискать очень даже можно. Это тем более интересно, поскольку в некоторые стволы напоследок заталкивали всевозможные ценности.

Вряд ли эти пушки нашли казаки. Прятали-то их в полном мраке, а ямки делались с помощью взрывов. Мародеров, накинувшихся поутру на брошенные экипажи с "добром", пушки не занимали. У них были иные, более приземленные заботы.

Но что же вице-король? Он, с остатками корпуса, несколькими пушками и какой-то небольшой частью все же спасенных ценностей, двинулся на Духовщину. В этом городке он провел весь день 11 ноября, отдыхая и "зализывая раны". 12-го же, как обычно, затемно, войска 4-го корпуса двинулись совсем не туда, куда они стремились изначально. Какой там Витебск! Внезапный резкий поворот на юг, в сторону Смоленска! Позади еще догорала сожженная дотла Духовщина, когда в 17.00 голова колонны корпуса вошла в деревню Володимирово, преодолев за переход расстояние в 28 верст. Здесь Евгений Богарне уже однажды бывал, когда шел на Москву. Он, разумеется, тут же занял знакомую барскую усадьбу и провел в ней ночь.

13 ноября был последним днем, когда вице-король путешествовал самостоятельно, в отрыве от основной группы войск. Вечером того же дня он добрался до Смоленска, где его уже поджидал Наполеон.

Теперь можно сколько угодно размышлять на тему о том, имел ли маневр вице-короля какое-то тайное значение или нет. Маловероятно, чтобы Наполеон не понимал всю мизерность шансов для Богарне без проблем добраться до Саксонии, как намечалось вначале. Не для этого он отягощал его малоподвижными обозами и неподъемной артиллерией. Но все же нельзя не признать, что одной своей цели император добился. На самом проблемном участке пути от Дорогобужа до Смоленска он все же смог рассеять внимание преследующих его русских войск и ослабить их давление на собственную, более ценную колонну. Несомненно, он вынужден был пожертвовать частью захваченных сокровищ, чтобы сохранить остальное.

А ведь Наполеону было крайне важно доставить в Смоленск без потерь еще два самых важных золотых обоза. Здесь можно было отдохнуть измученным солдатам, накормить оставшихся в строю лошадей. В условиях той поистине экстремальной погоды именно в этом и заключался единственный шанс на спасение основных сил армии и транспортируемых ею сокровищ. И мы видим, что своей цели он достиг. Пусть Богарне вынужден был расстаться и с огромным количеством пушек и "Третьим золотым" обозом. Зато было сохранено самое ценное – императорское золото!

Вернемся к выдержкам из дневников Каstellана и Цезаря де Лотье.

14 октября

"Его Величество производит смотр кавалеристам, оставшимся без лошадей; их организуют в батальоны и оставляют в Кремле в качестве гарнизона. Эта неудачная операция вконец погубит нашу кавалерию. Это старые солдаты – драгоценные люди; их следовало бы отослать в депо и дать им лошадей. Самый плохой пехотный полк гораздо лучше исполняет пешую службу, чем четыре полка кавалеристов без лошадей. Они вопят, словно ослы, что они не для того предназначены. Сыро, но не очень холодно".

15 октября

"Император приказал генералу графу де Нарбону осмотреть госпитали, эвакуировали 1400 раненых, осталось 900; из них 500 таких, которых нельзя везти; их устроят в Кремле, Товарищи, которым предстоит выступать, ропщут, что это не их очередь. Во избежание препирательств я отсылаю подставных лошадей. Шабо отправляется к Неаполитанскому королю, он должен был уехать в 6 часов утра, но его слуга Жан не мог собраться раньше 3-х часов пополудни.

Во время похода, особенно трудного, надо быть строгим со своими людьми, не прощать им ни малейшей ошибки, не позволять им ротозейничать. Но я не решился бы их бить. В армии многие это делают. Это почти необходимо. Мой лакей Эйар тоже порядочно разбаловался: он видит все в черном свете. Он служит у меня 8 лет, привязан ко мне, обладает хорошими качествами. Мне приходится часто об этом напоминать себе. Для похода надо брать людей сильных; этот же слаб, это делает меня снисходительным. Каждое утро он ворчит на меня за то, что я без сапог; моя единственная пара продырявилась.

Я не знаю, как достать новые; из вещей, посланных мне из Франции, ко мне ничего не дошло. А будь у меня эти вещи, я был бы одним из наилучше экипированных офицеров в армии..."

16 октября

"Приближается эвакуация раненых. Разрушили часть кремлевского собора и свалили крест с Ивана Великого. При падении он сломался. Забрали и расплавили серебряную утварь кремлевских церквей, пополнив этим кассу армии. Генерал Лористон вечером уезжает на аванпосты, чтобы узнать ответ Царя на предложение Наполеона. Великолепная летняя погода. Тепло и сухо".

"Наполеон велел забрать брильянты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквях Кремля. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Поэтому Наполеон велел вывезти все трофеи Кремля. Ими нагрузили 25 телег. У него были телеги полные золота. Офицерам и солдатам выдали двойное жалованье, но вместо серебра выдали русские кредитные билеты и солдатам приходится менять бумажный рубль на 20 копеек серебром".

17 октября

"С утра была генеральная раздача по всей армии. Раздают тулупы, белье, хлеб и водку. Французы, проживающие в Москве, видя громадную добычу, укладываемую в повозки с офицерским багажом, а также сокровища московского искусства, решили, что им тоже следует уйти из Москвы вслед за отступающей армией".

18 октября

"С утра был сделан смотр корпусу маршала Нея в составе 10000 человек. Было роздано много орденов и назначены офицеры на все свободные места (должности). Смотр продолжался два часа. После смотра получен приказ – выступить из Москвы. Корпус Вице-короля и корпус Даву выступили вечером из города на Старо-Калужскую дорогу. Корпус Нея и "старая" гвардия ночевали в Москве. На Можайск (т. е. по "старой" Смоленской дороге) были отправлены все раненые и больные в сопровождении дивизии генерала Клапареда".

"После смотра император объявляет о своем намерении ночевать вне Кремля, в предместье... Помещение Императору готовят у графини Орловой. Его Величество находит, что это слишком близко. Все будут в дежурной комнате; в 22 вечера нам объявляют, что император ночует в Кремле".

19 октября

"Рано утром Император уехал по Калужской дороге. Я остаюсь до 3-х часов пополудни для того, чтобы вместе, с генералом Нарбоном обойти госпитали; раненые в количестве 1500 собраны в Воспитательном доме около Кремля, где... оставлен гарнизон под начальством маршала Мортье.

Не было времени до отъезда пронумеровать повозки: (он свои собственные повозки имеет в виду, а не армейские) за нами следует, по меньшей мере, 15 000 (!!!) их; почти все захваченные в этом городе или принадлежащие поселившимся в России иностранцам. Они причиняли большие затруднения при выходе из Москвы. Вечером в Троицком – плохом поместье – мы догоняем императора. Погода мягкая".

"Старая" и "молодая" гвардия выступили из Москвы после полудня. За гвардией выступает общевойсковой обоз в 15 000 повозок; телеги, дрожки, кареты, фуры, палубы и фургоны двигались в несколько рядов, на протяжении более чем в 30 (!!!) верст. Среди этого необозримого обоза находился особый обоз с так называемыми "трофеями"... Вечером Наполеон остановился в плохом предместье села Троицкое, в 28 верстах от Москвы (дер. Ватутинки). Императорский обоз под охраной полков "молодой" гвардии и дивизии генерала Роге расположился позади в лесу. Впереди села Троицкое расположились войска Вице-короля и маршала Нея".

20 октября

"4 часа я получил приказ отправиться с 25 уланами гвардии и инспектором почт в Малую Вязему, поместье князя Голицына по дороге из Москвы в Можайск. Передавая мне этот приказ, Коленкур, очень ко мне расположенный, выражает мне свое огорчение по поводу того, что император доверяет мне такое опасное поручение. Я должен был проследить за движением войск, отступавших этой стороной и дать о нем отчет. Так как я должен был проезжать по краю, занятому неприятелем, то моя миссия была очень щекотливая. Мой близкий товарищ Мортемар попрощался со мной, как с другом, которого ему больше не суждено видеть; он советовал мне, если на меня нападут, приказать броситься врукопашную, не отвечать на неприятельские выстрелы и пробиться на всем скаку. Я разделил свой отряд на два взвода; посредине первого ряда я поместил проводника – русского, связанного веревкой, оба конца которой держали два улана. Его предупредили, что его пристрелят на месте, если он проводит нас к русским. Ночью во весь опор мы помчались по местечку, которого нельзя было миновать. Оно было занято. На оклики по-русски "кто идет?" мы не отвечали. На некотором расстоянии мы услышали "кто идет?" по-французски. Никогда более мелодичный звук не касался моих ушей. Мы таки ускользнули от казаков, это нельзя назвать неудачей".

Пока столь красноречивый адъютант крепко спит, мы анализируем его последние записи. Из них мы узнаем, что после длительных проволочек и неудачных переговоров Наполеон понял, что его жестоко

"надули" с переговорами о мире, и принял решение покинуть столицу столь коварного государства. Завершающий, повальный грабеж во всех столичных церквях и монастырях, а также его попытки взорвать многочисленные кремлевские сооружения нельзя объяснить ничем иным, кроме как чувством обиды и мести.

"Корпус вице-короля, шедший впереди всех корпусов, достигнув села Горки на реке Пахре и переправившись на другую сторону реки, свернул вправо по проселочной дороге к Фоминскому. Корпус маршала Нея соединился с авангардом Мюрата и расположился в деревне Чириково и занял позицию при развилке дороги на Подольск и Фоминское. Наполеон остановился в Троицком. "Старая" и "молодая" гвардия пешая и конная двигались по дороге берегом реки Пахры вслед за корпусом вице-короля к деревне Плесково и далее к деревням Игнатово и Руднево. За гвардией тянулся такой огромный обоз с поклажей, какого, вероятно, не было видно ни в одном походе. Все генералы и офицеры имели экипажи, нагруженные доверху ценными вещами. Тут были ковры, покрывала, церковные одежды, вышитые золотом и серебром, картины, множество шелковой материи. У иного ларец с бриллиантами, у другого драгоценные камни и целые пачки золота. У многих масса всевозможного серебра. Не было такого служащего, который не имел бы экипажа и драгоценных вещей. Меха, картины, некоторые везли даже библиотеки прекрасных книг в красных сафьяновых переплетах с золотым обрезаем. Среди этого обоза двигался и обоз главной квартиры императора с казной армии и московскими трофеями. Сопровождали обозы полки "молодой" гвардии. Обслуживали императорский обоз 715 упряжных и верховых лошадей. За обозных лошадей нес личную ответственность Арман де Коленкур. В арьергард двигалась дивизия Мюрата из корпуса Даву и гвардейская кавалерийская бригада Кольбера".

Заметим, коалиционная армия вошла в Москву 1 сентября, а взрывы зданий, погромы начинаются в Кремле только 16 октября, т. е. через 10 дней после того, как вернулся генерал Лористон, так и не договорившийся с Кутузовым. Ни в одном из захваченных Наполеоном государств его не подвергали таким унижениям. Тем более что это происходило после одной из самых, на его взгляд, убедительных и решительных побед при Бородине. Надо думать, он просто кипел от ярости и негодования и вопреки всей военной логике решил нанести напоследок России, кроме военного поражения, и сокрушительный экономический удар. Только принимая во внимание буквально затмевавшую его разум ярость, можно хоть как-то оправдать его решение о вывозе столь большого по массе и объему количества трофеев.

В конце концов, по нашему мнению, именно их совершенно безумное количество, тяжесть и объемы и погубили "Великую армию". К тому же было безвозвратно упущено и благоприятное для отхода время. Согласитесь, что одно дело путешествовать на лошадях в середине сентября, когда на полях созрел урожай и вокруг полно подножного корма, а другое дело в ноябре или декабре, когда надеяться можно только на тот провиант и фураж, который везешь с собой. Ведь по неоглядным российским просторам перемещался не один человек, не два и даже не сотня. Десятки тысяч человек и десятки тысяч лошадей разом двинулись по дороге, заполонив своей массой пространство на десятки километров.

Можно с полной уверенностью утверждать, что основная масса спрятанных на всем пути продвижения французов к российской границе исторических кладов была обусловлена крайней измотанностью охранявших их солдат и изможденностью перевозивших ценности лошадей. Но самый первый, достаточно массивный клад, был закопан французами еще тогда, когда они были вполне в состоянии везти свои трофеи и защищать их. И произошло это именно 20 октября совсем недалеко от Москвы, на реке Десне.

Наткнулись мы на эту историю совершенно случайно, но именно с нее и началась наша работа по освещению вопросов, связанных с многолетними поисками "московской добычи Наполеона". Первую статью, посвященную данной проблеме, мы опубликовали в газете "Клады и сокровища" и назвали ее "Секрет сундука бабки Натальи!". Приведу ее полностью, поскольку она касается самого неразработанного в поисковом смысле участка трассы, по которой первоначально отступала французская армия.

"О наполеоновских кладах написано и сказано так много, что найти что-то новое в этом вопросе достаточно сложно, однако, вот история, открывающая еще одну грань этой проблемы. Будучи в гостях (лет пять назад) у своего друга на даче в Апрелевке, я получил приглашение навестить его тетюшку, жившую в нескольких километрах от его собственного дома. После часовой прогулки по живописным окрестностям мы пришли в деревню к старому, но еще крепкому дому, где и жила его родственница. Погостив часа полтора, мы собрались обратно и тут, выходя из дома, мой друг обратил мое внимание на стоявший в сенях объемистый сундук с коваными ручками и полукруглой крышкой, украшенной резной, но потускневшей от времени латунной лентой. Пока мы, не слишком торопясь, возвращались в Апрелевку, мой друг поведал мне историю этого сундука.

– Тот живописный сундук, что стоит у моей тетки Натальи в сенцах, достался ей в наследство от ее прадеда, – начал он свой рассказ. – Появился он в их семье, которая издавна жила в этом селе, осенью 1812 года при весьма трагических и загадочных обстоятельствах.

Историческая ситуация на тот момент сложилась следующая. Часть большого обоза наполеоновских войск, отступавших из Москвы, заняла село Мартемьяново, и охрана обоза сразу же занялась грабежом,

разоряя хлева и очищая от зимних запасов амбары. На стихийный отпор разозленных такой бесцеремонностью крестьян, французы ответили огнем из ¹ ружей и пистолетов, убив нескольких самых ретивых защитников. После чего они согнали всех остальных жителей села в церковь.

Среди народа, запертого в храме, оказался и прадед Натальи Васильевны, тогда еще подросток. В то время, пока французы, отбиваясь от крестьян, стаскивали мешки со съестными припасами и фуражом для лошадей в свои фуры, к селу внезапно подошло около двух сотен казаков, видимо искавших место для ночлега. Обнаружив неприятеля, казаки попытались с ходу выбить захватчиков, но не тут-то было. Во-первых, французов было довольно много, во-вторых, у них было несколько малокалиберных пушек, да и не были они еще измучены долгими неделями отступления и голода.

В результате бой принял затяжной характер. Сил у нападающей стороны явно не хватало для успешного наступления, а у обозников сил было недостаточно для прорыва, с тяжелой поклажей, размещенной на многих десятках телег, к основным своим войскам, отходившим тогда к Малоярославцу. Два дня, укрывшись за домами и рядами телег, охрана обоза вместе с возницами и полусотней польских улан держали круговую оборону на холме около реки Нары. На третий день к казакам подошла на помощь кадровая артиллерийская часть, и грозный свист картечи ясно сказал французам, что дело близится к развязке.

Тогда, воспользовавшись ранними осенними сумерками, обозная охрана собрала все боеспособные силы в ударный кулак и сумела внезапным кавалерийским ударом прорвать кольцо окружения и без потерь уйти к ближайшему лесу. За всеми этими событиями все три дня и наблюдал, взобравшись на стропила церкви, прадед Натальи – Федор. Утром наши воины освободили узников, и вырвавшиеся на волю крестьяне тут же увидели на улице, кроме большого количества разбитых ядрами телег, множество прекрасных дубовых сундуков, валявшихся чуть ли не кучами по всему селу. Но сундуки были совершенно пусты, а куда исчезла из них поклажа, так никто и не узнал. Лишь на берегу неширокой речки Нары в кустах обнаружилось несколько серебряных тарелок и кружек.

Что настораживает в этой истории больше всего, так это то, что французы перед ночным прорывом перебили всех своих раненых – их утром обнаружили в погребе одного из домов. Держаться в седлах те явно не могли, а оставить их в живых французы почему-то посчитали невозможным. Видимо, раненые могли рассказать что-то очень важное, может быть поведать о том, куда исчезла поклажа с десятков подвод и нескольких сотен весьма солидных сундуков. Вопрос остается открытым вот уже почти двести лет. Кто ответит на него?

К сожалению, местность эта теперь плотно застроена всевозможными особняками и дачами, так что провести полномасштабные поисковые работы здесь вряд ли теперь удастся. Но и по сию пору можно видеть странных людей, таящихся вдоль оврагов и опушек окрестных лесов и явно что-то разыскивающих".

Вот такая история случилась недалеко от Москвы, всего в двух переходах от ее центра. А дальше ситуация для отступающей армии только ухудшалась, и весьма скоро все чаще и чаще она была вынуждена освобождаться от сковывающих их движение тяжестей. Последуем за ними и постараемся подсмотреть, выведать или хотя бы вычислить, где, как, когда и почему это происходило.

21 октября

"Главная квартира императора в деревне Игнатьево. Повозки, обремененные московскими трофеями, ночуют в Горках (в 12 верстах позади главной квартиры) до 4 часов утра. Это вызвано крайней усталостью лошадей. Для их охраны генерал Роге выделил батальон гвардии. Корпус Вице-короля в Фоминском. Небо покрыто тучами и идет мелкий осенний дождь".

"Вчера прибыли 1200 русских пленных, конвоируемые португальским батальоном. Майор, который ими командовал, нашел на дороге трех жеребят; он их отдал пленным в пищу, а то эти несчастные оспаривали друг у друга куски трупов. Португальцы будто бы получили приказ расстреливать пленных, которые не идут; поэтому они прикладывают ружейное дуло к голове выбившихся из сил, которые уже не могут идти, и пристреливают их. Они совершают все это с большой жестокостью, а сверх того, еще и неловко. Если бы они пристреливали их по краям дороги – можно было бы подумать, что эти люди пытались убежать; но они совершают свои "милые экзекуции" прямо посреди дороги. Боюсь, такое варварское поведение вызовет по отношению к нам беспощадную месть".

22 октября

Императорская штаб-квартира перенесена в Фоминское. Из Малой Вяземы мы отправляемся в Кубинское. Из Кубинского шли три дороги: одна в Звенигород, две на юг, в Верею и Фоминское через Ожигово – Бекасово. Этот пост занят вестфальским батальоном, насчитывающим лишь 100 человек, накануне на мельнице он потерял 40 человек. Вскоре после нашего прибытия показались казаки. Они на

"ура" накинулись на обоз с ранеными; эскортировавшие их солдаты плохо вели себя.

Полковник Бурмон приказал взяться за оружие; вестфальский отряд, продвинувшийся на четверть мили, выручил нескольких человек, бросившихся в лес.

Я передал приказ баварскому полковнику начать атаку со своей бригадой; он мне ответил, что его истощенные лошади не могут галопировать. Во время этой экспедиции он (Бурмон) нам годился лишь на то, чтобы ежедневно забирать по 50 человек пехоты для охраны своего собственного фуража, да уничтожать баранов из стада, собранного испанцами, к большому неудовольствию последних".

"Целый день сильный дождь, дороги непроезжие".

"В 4 часа утра императорский обоз двинулся из деревни Горки по проселочной дороге в деревню Плесково. К вечеру этот обоз прибыл в Бекасово. (От Горок до Бекасова всего 28 верст.) Главная квартира перенесена в Фоминское (ныне Наро-Фоминск). Из-за дождя дороги испортились, что сильно затруднило движение обозов и артиллерии.

В 7 часов вечера последние войска покидают Москву. К 11 часам вечера город и Кремль были совершенно очищены. Маршал Мортье с 10 000 человек двинулись по Можайской дороге".

23 октября

"В 2 часа 30 минут ночи послышался чудовищный взрыв, это в Кремле была взорвана Филаретовская пристройка. Толчок был так силен, что в 12 верстах от Москвы ощущалось колебание почвы под ногами. В 2 часа дня маршал Мортье с канцелярией Наполеона остановился в Яшкино.

В 5 часов утра отправлены инструкции герцогу Жюно, стоявшему с 8-м корпусом в Можайске. Ему приказано сжечь все, что нельзя захватить с собой и быть готовым к тому, чтобы по первому сигналу двигаться к Вязьме. Все начальники вплоть до Смоленска предупреждены о движении армии. Генералу Эверсу приказано выступить из Вязьмы с 4–5 тысячами и обеспечить коммуникационную линию на Смоленск.

Между Гжатском и Вязьмой тянутся обозы под прикрытием пехоты до 1500 человек. Обозы идут днем и ночью с фонарями. Целый день льет дождь, дороги совершенно размокли. Грязь...".

24 октября

"Штаб-квартира императора находится в Городне. Мы отправляемся в Щелковку, пост, тоже занятый вестфальским батальоном. Батальон в Кубинском лишился людей и экипажей, посланных вперед батальонным командиром. Этот офицер высшего ранга в отчаянье, но не от потери своих солдат, а от пропажи 1 000 экю – всех его походных сбережений, которые были спрятаны в одной из повозок.

Мы выбрали нескольких человек из конвоя французских раненых, брошенных казаками. По дороге (Кубинка – Щелковка) мы видели до сорока пленных русских, убитых португальцами. Один из них обязан жизнью лениности их арьергарда. Этот русский упал, не будучи в состоянии идти дальше. Португалец стреляет в него в упор. Его ружье дает два раза осечку; в третий раз он восклицает: "Я буду великодушен!"

Следовало бы прочистить мое ружье. Пусть себе остается". Несчастный пленный отполз на четвереньках с дороги, боясь следующих отрядов; они его, конечно, замечали, но не имели ни малейшего желания причинить ему зло.

Наш ночлег отвратителен; рядом с комнатой, в которой мы скучены, находятся трупы; воздух убийственный!".

"Обоз с московскими трофеями находился близ Боровска. Дождь идет, не прекращаясь третьи сутки. В этот день с утра и до позднего вечера шел бой за город Малоярославец с переменным успехом. Поздним вечером "старая" гвардия заняла позицию в Городне. Корпуса маршалов Нея и Даву выстроились между Городней и Малоярославцем. У деревни Колодези казаки из отряда Кутейникова отбили часть обоза с церковным серебром".

"Император приказал разбить свой обоз на два. С первым в сторону Смоленска был отправлен обоз, состоявший из части экипажей императорской квартиры. Этот обоз в 200 подвод вез золото и серебро, собранное в церквях и монастырях Москвы и Кремля. Начальнику обоза было предписано идти скорым маршем, опережая авангард армии на 2–3 перехода. Охрану обоза составили примерно 500 человек егерей и гренадеров из 2-го полка "Старой" гвардии".

25 октября

"Наполеон провел ночь в Городне. Ночь была очень холодна. Стоял густой туман. В 7 часов 30 минут Император выехал в сопровождении большей части своего штаба и тремя гвардейскими взводами по направлению к Малоярославцу. Возле деревни Малечкино Наполеон подвергся нападению казаков. Казаки не атаковали конвой и свиту Наполеона, а кинулись на дорогу, по которой следовала артиллерия дивизии

генерала Бриана. Часть казаков старалась захватить пушки, другая кинулась на обозы, в которых нашли бочонки с золотом. Подоспевшие конвойные драгуны и конные гренадеры атаковали казаков и принудили их отступить. Казаки захватили 11 орудий и богатую добычу деньгами.

В 10 часов утра Наполеон вновь выехал на поле битвы при Малоярославце, для принятия дальнейших решений. В 5 часов вечера Наполеон вновь осмотрел поле битвы и затем возвратился в Городню. В 10 часов вечера был отдан приказ – отступить к Можайску на Старую Смоленскую дорогу.

От Боровска до Смоленской дороги не было настоящего пути и императорский обоз пробирался через поля, леса и болота. Погода пока благоприятствовала отступлению армии. По дороге к Уваровскому на всем протяжении виднелись покинутые муниционные повозки, обломки телег и фургонов, брошенных и сожженных по причине отсутствия лошадей. Тот, кто вез с собой добычу из Москвы, дрожал за свои богатства. Наполеон отдал приказ не оставлять русским никакого обоза".

"Казаки ежедневно захватывают по несколько человек. Во время нашего перехода они показывались и справа и слева от дороги. Трупы полусотни пленных, попадающихся на нашем пути, словно вехи указывают, это португальский эскорт по-прежнему идет перед нами.

Я отправляюсь в Верею. Приезжает из Москвы герцог Тревизский, маршал Мортье; он выехал из нее 23-го, приказав взорвать Кремль".

"Наполеон ночевал в Городне. Утром туман, сыро. Солнце проглядывало сквозь туман. Нападение на Императора".

"Выступили в путь, перешли речку Протву".

26 октября

"Утром Наполеон приказал маршалу Нею с третьим корпусом и со всеми обозами, стоявшими у Боровска, перейти к вечеру к Верее, и на следующий день к Можайску. Сам император отступил с гвардией к Боровску, где остановился на ночлег. Корпус Нея вечером подошел к Боровску из дер. Чириково и присоединился к главной квартире. Кавалерийские и артиллерийские лошади были до крайности истощены непосильным трудом и плохим питанием. Дорога на Верею была вся завалена брошенными повозками, это затрудняло движение обоза. Кроме того, ручьи и речки от прошедшего накануне дождя вышли из своих берегов, поэтому приходилось строить временные мосты, чтобы провести артиллерию и тяжести.

Маршал Мортье, который должен был прибыть вечером к Верее, ускорил движение к Можайску. Клапареду приказано присоединить свою дивизию к корпусу Мортье. Корпус Жюно должен был двинуться к Вязме немедленно по прибытию Мортье к Можайску".

"Опять остановились на привал".

27 октября

"Наполеон прибывает в Верею. Там он встречает маршала Мортье и "молодую" гвардию, пришедшую из села Фоминского. Ночью сделалось холодно, до – 4 Реомюра".

"Главный штаб Вице-короля расположился в дер. Алферове в 15 верстах не доходя до Вереи. Лужи замерзли, грязь покрылась ледовой коркой".

"Стоял сырой туман, наша одежда промокла насквозь, а почва размокла как в самые сильные дожди. Пронумерованные повозки с трудом продвигаются вперед".

28 октября

Из Вереи мы выступаем в 6 часов утра. Мы прибываем в Можайск, почти целиком сожженный, уцелевшие дома полны трупов. Император ночует в поместье в 8 верстах за Можайском по Смоленской дороге. (Село Успенское, церковь и господский дом.)

Мои лошади очень удобно помещены в церкви (г. Можайска). Нам позволяют носить меховые шапки. (Наступили первые холода, утром подморозило, пошел снег.) Всем имеющим повозки приказано было забрать по одному раненому; я получил бригадира конных охотников гвардии, раненого штыком в плечо. Я рассердился на моего слугу за то, что он выбросил железную кровать, увезенную из Москвы, так как моя повозка была слишком нагружена. Холодная солнечная погода (-2 C°)".

"Ночью термометр ужасно упал. Да, это зима. И, тем не менее, погода хорошая. Солнце достаточно пригревает. Только ночи тяжелы. Мы снова переходим Протву выше Вереи, которая петляет и идет в Мятлево".

"Каждый мост загроможден людьми, лошадьми и багажом, все эти затруднения отнимают силы у солдат... Многие телеги сломались или попортились до того, что дальше их использовать невозможно".

"Ставка Наполеона расположилась в селе Успенском за Можайском. В три часа ночи Император еще

не спал и сказал Коленкуру: "Возможно, и даже вероятно, я поеду в Париж, после того как расположу армию на позиция х"".

"В 5 ч. 30 мин. Наполеон заснул. В эти два дня промерзла только поверхность почвы".

Этот день примечателен множеством мелких эпизодов, которые тем не менее могут стать надежным основанием для организации ряда небольших поисковых экспедиций. Дело тут вот в чем. Как следует из вышеприведенных цитат, сущим проклятием для отступающей армии стали многочисленные узости на дорогах, которые в основном были там, где приходилось форсировать очередную водную преграду. То есть образовывались самые настоящие "пробки". И если происходила серьезная поломка транспортного средства, то с телегой или фаэтоном поступали весьма просто, но решительно – сбрасывали с моста. От Боровска до Вереи было несколько таких узких мест. Французы неминуемо должны были проходить через следующие водные преграды: через 8 и 10 верст – два малых притока реки Протвы; через 40 верст – река Истьяма; через 56 верст – река Протва; через 60 верст – снова река Протва.

Для поисковиков достаточно отыскать места, где прежде располагались старинные мосты, и тщательно исследовать прилегающую к ним местность и акваторию. Ведь грузы могли сбрасывать не только в воду, но и отгаскивать на обочину. А владелец ценностей мог тут же зарыть то, что ему не удавалось унести с собой.

Кутузов писал в те дни: "В бегстве своем оставляет он (неприятель) обозы, взрывает ящики со снарядами, и покидает сокровища, из храмов Божьих похищенные". Его слова более предназначались для поднятия солдатского духа, а не для прямого указания к поискам. Но вот сведения более конкретные.

Как-то Павел Андреевич Жилиц, бывавший во Франции и поддерживающий контакты с французскими военными историками, обмолвился о том, что при отступлении от Малоярославца, на участке между Боровском и Можайском, командовавший частями арьергарда генерал Жерар потребовал от колонны отставших от своих частей солдат, сдерживавших темп марша, разгрузить заплечные ранцы, выбросив их содержимое в реку. В противном случае раненым и отстающим грозила опасность попасть в плен.

Что ж, такой приказ вполне мог быть отдан. Вы увидите в дальнейшем, как при действительно реальной опасности французы легко жертвовали куда более значительными ценностями. От деревни Волчанки до брода на реке Протве, где происходили эти события, примерно 4 километра на северо-запад. Да и вообще, судя по карте, в Протве могло быть много чего утоплено и, следовательно, не мешает проверить ее русло на всем протяжении от Вереи вплоть до Спасского.

Настало самое время немного отстраниться от чисто французских приключений и вспомнить о союзных французам войсках, а именно польских. С ними связана одна интересная история.

Дело о бочке с золотом и сундуке с серебром

При выходе из Москвы 5-й корпус князя Понятовского насчитывал 5712 человек личного состава, 239 тяжелогруженных повозок обоза и артиллерийский парк в составе 49 орудий. Как раз 28 октября этот корпус выступил из села Егорьевского и по проселочным дорогам двинулся в направлении города Гжатск (нынешний Гагарин). Поляки двигались через следующие населенные пункты: Троицкое, Федисово, Якушкино, Соснавцы, Головино, Шахово, Губи-но, Бараново, Ивакино, Слащево, Марьино, Ивановское и далее на Гжатск и Вязьму.

Из ныне исчезнувшей деревеньки Марьино дошла до наших времен интересная легенда, которую со слов местных жителей записал и в 1880 году опубликовал А.Н. Величков. Легенда гласит: "В одной версте от Марьино находилось сельцо-усадьба, называемое Варганово, в котором была барская усадьба некоего господина Самбурова. Тут была плотина и завод сыроваренный. Близ деревни Марьино находился глубокий пруд, без дна. И крестьяне этой деревни имели стойкое убеждение в том, что именно в этом пруду утоплена "бочка с золотом". Они, кстати сказать, не только знали эту тайну, но и несколько раз пытались достать пресловутую "бочку". Но действовали при этом самыми примитивными методами – таскали по "бездонному дну" "кошку" (кто жил в деревне, тот хорошо знает, что это за зверь), приспособленную для извлечения из колодцев сорвавшихся ведер. Но вот интересный факт. Тех крестьян, что дерзнули проводить поиски, сослали на каторгу! Причина ссылки нам, разумеется, неизвестна, но факт есть факт".

Вот такое интересное сказание! И здесь мы имеем сразу несколько вполне правдоподобных гипотез. Первая связана с самим господином Самбуровым. Этот помещик вполне мог утопить в этом пруду все свое более или менее ценное имущество, забив его в бочку из-под квашеной капусты. Почему он это сделал? Ответ ясен. Когда прискакали крестьяне с дальних полей его имения и объявили о том, что приближаются неприятельские войска, бедному помещику не оставалось слишком много времени на раздумья и подготовку более разумного тайника. Бочки в каждой деревне всегда под рукой. Все ценности туда валом. Крышку покрепче набить, бочку на телегу мигом погрузить и скорее, галопом к "бездонному" пруду. Помещик был не дурак, знал, что дно у пруда есть, и был уверен в том, что сокровища свои рано или

поздно достанет. А вот французы их точно извлечь не смогут.

Согласитесь, что данная гипотеза не хуже прочих. Потому и крестьян тот Самбуров выслал после войны на каторгу – за то, что дерзнули покушаться на барское добро. Сидел помещик, словно собака на сене. Сам, видимо, вытащить свою бочку не мог, но и другим не давал.

Но есть и другие предположения на этот счет. И связаны они именно с прохождением по этим местам корпуса пана Понятовского. Ведь поляки терпели те же трудности, что и остальные части коалиционных войск. Яркий пример: если в начале отступления польский корпус имел под ружьем 5712 человек, в Вязьме их осталось около 3500. Заметьте, от Москвы до Вязьмы совсем недалеко, а уже какая разница в численности. И совершенно не исключено, что, проходя глубокой ночью мимо деревеньки Марьино, польские войска втихую избавились от части своего груза. Мы не случайно поставили слова "бочка с золотом" в кавычки. Ведь на самом деле это вполне могла быть и не бочка, и даже не с золотом. В марьинском пруду запросто могли утопить и колокола, и часть вооружения, и церковную утварь, и фарфоровые сервизы и еще много чего ценного и полезного, но слишком тяжелого. С абсолютной уверенностью можно утверждать, что золото в те дни еще не бросали. Очередь до столь ценных сокровищ дошла гораздо позже.

Но легенда о самом факте затопления в Марьино осталась. Что конкретно утопили в барском пруду иноземные супостаты, крестьянам было неизвестно, и они наивно посчитали, что это была как минимум целая бочка с бесхозным золотишком. Так это или нет, можно выяснить, только проведя соответствующие изыскания. К тому же заняться данным районом нас побуждает еще одна замечательная легенда. И связана она (вот удивительное совпадение) все с тем же районом.

С правой стороны проселочного Калужского тракта, по которому отступал корпус Понятовского, некогда стояла деревня Дорогинь. В ней насчитывалось 20 крестьянских дворов, и располагалась она на реке Воряке. Так вот, легенда повествует о том, что как-то молодая женщина шла из деревни Дорогинь в хутор Блинова. Шла не по дороге, а напрямик. Недалеко от хутора в березняке она случайно наткнулась на плохо закопанный сундук, в котором было много церковного серебра. Поскольку предметы были явно культовые, то она рассказала о своей находке священнику церкви села Семеновское. Вдвоем они вернулись на место находки, и священник взял себе несколько предметов из того сундука. Но, видимо, его обуяли сомнения насчет сохранности всего остального, и он постарался замаскировать неожиданную находку получше. Батюшка сделал это так удачно, что впоследствии и сам отыскать сундук не смог.

Напомним, что именно поляки бойко грабили московский Спасо-Андроников монастырь. Но как их могло занести в какой-то глухой хутор? Постепенно удалось выяснить причину их бокового рейда. Дело в том, что на хуторе Блинова была кузница, на которой ковали лошадей. Многочисленные отряды польской конницы вполне могли заменять там подковы, снимая французские (плоские) и ставя русские (шипованные), способные держать лошадь на льду. А заодно, пока шла перековка, поляки могли втихую освободиться от части излишнего груза. Разумеется, одним сундуком тут дело явно не обошлось. Наверняка поляками в роще у хуторка было закопано гораздо большее количество ценностей, но лишь один из сундуков был спрятан ими недостаточно тщательно, и именно потому был довольно быстро обнаружен местной жительницей.

Но и это еще не все. Существует еще одна легенда. У хутора Блинова, оказывается, был приметный колодец с дубовым срубом. Так вот, в этом колодце будто бы нашла свое упокоение богатая серебряная посуда, якобы со стола самого графа Чернышева. Рядом с кузницей и колодцем к тому же росла сосна и на ее коре была вырезана сабля и крест... Неправда ли, странные знаки были вырезаны на сосне? Совершенно не характерны они для русской символики. А вот для польской шляхты такие символы были свойственны и даже традиционны: сабля и крест постоянно и в массовом количестве встречаются на польских гербах и старинных знаменах.

Таким образом, у нас имеется чрезмерное сосредоточение легенд о кладах на крохотном участке в общем-то ничем не примечательной местности. Из всех известных нам исторически значимых событий там происходило только одно – передвижение польской конницы в конце октября 1812 года.

29 октября

"Ночью и утром холодно, небольшой мороз. Почва немного подмерзла. Утром, при переправе через реку Колочь, утонуло несколько гвардейских пушек, их хотели переправить вброд".

"Его Величество почти в авангарде, вестфальцы – голова колонны. Армия двигалась по дороге густыми, беспорядочными толпами, артиллерия и армейские фуры посередине, кавалерия и пехота подле. Холода давали себя уже чувствовать. Не все были одеты хорошо, многие носили еще летние штаны, ни у кого, в общем, не было перчаток и тому подобных теплых вещей.

Это был несчастный день, отступление французской армии превратилось в бегство. В пути находились более 12 часов и за это время прошли 57 верст. Небольшая остановка была в Колоцком монастыре, чтобы забрать раненых".

"Мы оставляем наш ночлег (в Можайске) в 7 часов утра и в 6 часов вечера достигаем Гжатска; по пути останавливаемся в монастыре (Колоцком), служившем госпиталем для раненых, для того чтобы забрать их в проезжающие повозки. Ужасно зрелище этих искалеченных несчастных; которые все желают быть увезенными. Несмотря на значительное число экипажей, средств для перевозки недостаточно и приходится браться с провожатыми, отказывающимися принимать раненых".

(В тот момент в монастыре было около 1 000 раненых, не имеющих возможности передвигаться самостоятельно.)

"Гжатск – хорошенький городок, при нашем первом вступлении в него, стоял, сожжен за исключением двух или трех домов. Холодно".

Оценим состояние и положение французской армии на конец октября. Судя по дневниковым записям и прочим документам, положение отступающих войск достаточно стабильное. Потеря железной кровати некоторыми воспринимается, как значительная утрата, и тысячи повозок все еще набиты доверху. Набиты так, что класть раненых некуда.

По приказу императора раненых укладывали на повозки маркитантов. Но через некоторое время маркитанты побросали их под разными предлогами – и все для того, чтобы не лишиться добычи, которую везли из Москвы и которой были нагружены все повозки.

В ночь с 29 на 30 октября впервые пошел снег. К вечеру 29-го императорская колонна достигла Гжатска. Колонна русских пленных количеством до 2000 человек двигалась впереди. Их конвоировали португальцы, испанцы и поляки. В разоренном войной Гжатске отступающие неожиданно наткнулись на остатки обоза, посланного из Франции для императорского двора.

30 октября

"В течение двух суток (29-е и 30-е) я не видел никого из моих людей. Я остался без шубы и не могу заснуть – 4 градуса мороза. Если мерзнешь всю ночь, утром чувствуешь себя не весьма хорошо. Мы говорим о наших зимних квартирах; предполагаем устроить их на Днепре (Смоленск), или Двине (Витебск)".

"В Гжатск прибыл курьер (из Парижа), он привез много денег, орденов, серебряных медалей и почетных сабель".

"Обозы Вице-короля и его гвардия утром проходили по Бородинскому полю. Вечером Вице-король расположился между Колоцким монастырем и Прокофьевым".

"В Гжатске оставались до полудня. В полдень император требует своих лошадей и останавливается за городом на 2 часа, чтобы пропустить мимо себя войска и обозы. Из-за шедшего ночью мокрого снега дороги испортились, повозки, нагруженные добычей, тащились с трудом. В тот день армия побросала повозки и фургоны разного рода, так как бывшие в запряжке лошади, изнуренные голодом и трудностью дороги, покрытой гололедицей, не могли продвигаться далее. Дорога от Гжатска до самой Вязьмы была усеяна ценными предметами: картинами, канделябрами и множеством книг, переплетенных в красный сафьян. Особенно вязкая дорога была у Царева-Займища, где дорога шла по плотине".

"Утром вюртембергская дивизия выступила из Колоцкого монастыря и к вечеру достигла Гжатска".

31 октября

"Вице-король остановился вечером 31 октября в двух верстах от большой дороги в деревушке (Ивашково) между Колоцким монастырем и Прокофьевым.

Утром 31 октября выступили и, подойдя к Прокофьевским высотам, услышали канонаду – это Платов атаковал Даву у Колоцкого монастыря. Даву на ночь остановился в Гриднево".

"Император надел меховую шапку, зеленую шубу. Мы делаем 10 миль и приходим в Вязьму, почти совершенно сожженную. Находим там 8 эстафет, их не хотели отправлять дальше по причине казаков и вооруженных крестьян. Никогда никому не придется идти столь длинным путем, усеянным трупами, как тот, которым прошли участники этого похода. Трупы видны по всем закоулкам, на всех дорогах, свежие и разлагающиеся.

Ясная солнечная погода, холодная, но сухая. Артиллерия и повозки продвигаются легко. Фураж можно найти в 4-х верстах от большой дороги. Я ночую в сводчатой комнате со своей лошадей. Жиру и Шабо, у которого украли часы. Лошади отвязываются, мешают нам спать, в чем им помогает и холод".

(Капитан Жиру был впоследствии ранен при битве у города Красный и скончался в городе Толочин.)

"Полки "молодой" гвардии и императорский обоз в тот день прибыли в Вязьму вместе с Императором. Впереди колонны гнали русских пленных около 800 человек. Наполеон прибыл в Вязьму в 4 часа пополудни. К вечеру войска расположились следующим образом. Полки "молодой" гвардии из дивизии генерала Роге и кавалерия Мюрата в 8-и верстах за Вязьмою в лесу между деревнями Княгинкино и Новоселками. Мортье и Жюно (Вестфальский корпус) не доходя до Вязьмы. Вюртембергская дивизия, в

2-х верстах не доходя до Вязьмы в лесу. Корпус маршала Нея в Величеве. Корпуса Вице-короля и Понятовского близ Гжатска. Корпус Даву в арьергарде у Гряднево. Вечером на расположившихся в лесу вюртембергцев напали партизаны, и их дивизия отступила в Вязьму".

Отвлечемся на еще одну интересную историю.

Вестфальские ценности

Вышедшие из Москвы полки гвардии конвоировали крупные ценности. Но были и другие обозы с трофеями, не менее для нас значимые. Например, обоз Вестфальского корпуса. Этот корпус имел в своем составе до Бородинского сражения 13 000 человек. После Бородина вестфальцы не пошли в Москву, а были оставлены в Можайске и Гжатске. Задачей корпуса было охранять Смоленскую дорогу и обеспечивать жизнедеятельность обширного госпиталя в Колоцком монастыре, где находилось на излечении более тысячи тяжело раненных солдат французской коалиции. Кроме того, командиру этого корпуса, маршалу Жюно, предписывалось собрать на Бородинском поле все брошенное там оружие и перевезти его в Колоцкий монастырь.

13 октября маршалу поступил секретный приказ: сжечь и спрятать все то оружие, которое невозможно взять с собой и принять все необходимые меры для эвакуации подчиненных ему войск. По ведомости от 16 октября в Вестфальском корпусе числилось: 1916 пехотинцев, 775 кавалеристов, 34 орудия и 130 повозок строевого обоза. Общая численность людского состава корпуса – 5690 человек, конского состава – 1375 голов.

Второй секретный приказ пришел 23 октября. Он гласил: сжечь все, что нельзя захватить с собой, и быть готовым по первому сигналу двигаться на Вязьму. Естественно, все имевшееся в их распоряжении время вестфальцы употребили "правильно". Они упаковали все захваченные в округе ценности, запаслись провиантом и фуражом. Кроме того, они закопали вблизи монастыря 27 пушек, около 5000 ружей, 500 сабель, 15 000 бомб и ядер, собранных на Бородинском поле.

Что же забрали с собой хозяйственные германцы, скоропалительно избавившись от столь громадного количества вооружения? А забрали они с собой много всякого добра. Ограбили Лужецкий монастырь, существующий с 1408 года. Очистили Введенский храм, а в церкви святого Ферапонта даже устроили столярную мастерскую, где сколачивали ящики для укладки трофеев. То же самое происходило и в Савино-Сторожевском монастыре, что стоит вблизи Звенигорода. Естественно, что в Можайске, Гжатске и в 50 километрах от них не осталось ни одной не обобранной церкви, ни одной усадьбы. Все ограбленные ценности – лампы, кресты, серебряные оклады, посуда, украшения с гробниц, металлические деньги и даже колокола (точно известно, что они сняли и увезли два старинных и очень ценных колокола, один весом в 13 пудов, а другой в 10 пудов) – заботливо уложили в новенькие ящики.

Получив приказ на выступление, вестфальцы спешно покинули Можайск, бросив в монастыре несколько сотен раненых, для которых места на повозках, разумеется, не нашлось. Шли они очень быстро, стараясь опередить всю армию и встать в ее авангарде. Именно такое положение обеспечивало наибольшую безопасность эвакуировавшимся ценностям. По пути к корпусу присоединился 8-й пехотный вестфальский полк, тоже с большим количеством груженых повозок. Но как они ни торопились, 29 октября их обозы смешались с обозами гвардии, также двигавшейся впереди армии. Начался беспорядок и путаница. Дошло до того, что солдаты "молодой" гвардии отобрали у вестфальцев стадо рогатого скота, которое они гнали из Можайска.

2 ноября авангард армии ночевал за Семлево, на речке Осьма, у Протасова моста. Наполеон и его штаб ночевали непосредственно в Семлево. 3 ноября вестфальцы ускоренным маршем двинулись на Славково. Задачу имели одну – как можно быстрее достичь спасительного, как им тогда казалось, Смоленска.

Вот выдержка из письма маршала Жюно, которое он отправил 9 ноября из Смоленска, в котором он описывает свои мытарства.

"С самого начала нашего отъезда (из Можайска) я не спал и двух ночей в доме, а все на бивуаках, или у себя в карете, не евши целый день, до 9 или 10 часов вечера. 8-го ноября я прибыл в Смоленск, а теперь 9-е, уже 5 часов вечера, а до сих пор я не дождался ни одной из своих повозок".

12 ноября Жюно с теми из вестфальцев, кто не отстал от корпуса в предыдущие дни, выступил из Смоленска в сторону Орши. Около 700 германцев, большой гвардейский артиллерийский парк и около 500 безлошадных артиллеристов. Кирасиры без кирас в тяжелых ботфортах волокли чемоданы и толкали набитые трофеями немногочисленные подводы. Ими уже было брошено почти все: пушки, боеприпасы и большая часть так заботливо упакованных трофеев. Тащили только личное, что не было сил бросить. Но до сей поры остается загадкой, куда исчезло такое большое количество трофейного имущества.

130 пароконных повозок вполне могли перевозить около 50 тонн груза. Да пушки общей массой в 10 тонн. Немалое хозяйство. И вот исчезло бесследно. Непонятно даже, одномоментно это случилось, или захоронения делались постепенно, по мере выбывания из строя обозных лошадей? Ясно одно, до

Протасова моста, что перекинут через речку Осьма, Вестфальский корпус сохранял относительную бодрость и сплоченность. И только за Дорогобужем они попали в то же отчаянное положение, что и остальная армия. Скорее всего, и тяжелое вооружение, и трофеи германцы тайно закопали, не доезжая до Смоленска, видимо, на одной или двух последних ночевках. Так что напрасно маршал в письме сокрушался по поводу отсутствия своих повозок, тащить их дальше у его солдат не было сил.

1 ноября

"Мои слуги все не показываются; у меня нет ни белья, ни меховых вещей".

"1 ноября багаж итальянской гвардии двигался по дороге близ Царева Займища. Вечером остановился в лесу подле Величева".

"Наполеон целый день в Вязьме. Гвардии предписано отдыхать в городе сутки. В Вязьме в императорской колонне была перепряжка лошадей и уничтожена часть повозок. Приходится взрывать артиллерийские повозки, сжигать фургоны и разбивать или заклепывать орудия. Никто уже не помышляет о том, чтобы сохранить драгоценности, добытые на развалинах Москвы.

В Вязьме встретили 8 эстафет, их не хотели отправлять дальше по причине казаков и вооруженных крестьян. В Вязьме к гвардии присоединился отряд Эверса в количестве 4 000 человек кавалерии. В этот день корпус маршала Нея достиг Вязьмы. Чтобы ускорить наше движение, необходимо было принести в жертву весь обоз, но еще никто не считал необходимым принимать такие крайние меры".

В те дни Вязьма и стоявшие вокруг нее французы более всего походили на обложенного охотниками кабана. С запада к городу продолжали подтягиваться многочисленные обозы и подразделения Понятовского, Евгения Богарне и маршала Даву. Со всех же прочих сторон к Вязьме все ближе и ближе подходили войска преследователей.

Генерал Уваров атаковал войска маршала Нея с юга, в районе деревни Крапивна. С севера непосредственно к окраинам города стянулись казачьи сотни генерала Платова. Милорадович широким фронтом продвигался с запада, грозя отрезать и пленить отстающие войска и обозы.

2 ноября

"Я остаюсь в Вязьме до двух часов в ожидании моей повозки; она была впереди меня и я ее не нашел дорогой. Меня это очень беспокоит, так как казаки по своему обыкновению ежедневно по нескольку раз бросаются на "ура".

Верст 12 я тащу за уздечку мою разбитую на ноги лошадь. В этом нет ничего удивительного; бивуаки без корма не способствуют хорошему состоянию лошадей.

Князь Экмюльский (Луи Даву) подвергся нападению неприятеля и постепенно был принужден по частям бросать свою артиллерию за неимением лошадей. Неприятель отрезал его от 1-го корпуса, так что они пробились в штыки. Наша потеря достигает до 3 или 4 тысяч человек ранеными, убитыми или пленными.

Штаб-квартира Императора перенесена в Семлево (в ночь со 2 на 3 ноября). Я отлично высыпаюсь на соломе в комнате со всеми офицерами свиты. Мне тепло благодаря найденным женским шубам. У Шабо украли лошадь и чемодан; две из моих лошадей пали на пути".

"Наполеон тронулся из Вязьмы в обед, т. е. в 12.00. В полдень было свежо и холодно, ярко светило солнце. Император выехал на коне в сером сюртуке, на голове зеленая шапка с серым мехом. Прибыл в Семлево в 4 часа пополудни. Начинало смеркаться. От Вязьмы каждую минуту дорога пересекалась оврагами, в которые по обледенелому склону скатывались повозки. Дорога из оврагов в гору была скользкая и обледенелая. Лошади с плоскими подковами скользили ежеминутно. Как возницы, так и сами лошади падали друг на друга".

"Холод становится все сильнее, хотя погода продолжает быть ясной и днем солнце не перестает еще греть. Ночью – 4 градуса С°".

"Император расположился в небольшой церкви, обращенной в почтовую станцию и обнесенную палисадами. Его лакеи находятся наверху в деревянном приделе, внизу в храме были поставлены лошади, штаб и адъютанты расположились в алтаре.

Императорский обоз выступил из Вязьмы утром. Дорога в Семлево шла песчаная, тяжелая для обоза, который начал отставать. Подмерзшие дороги, испорченные броды, разрушенные мосты, болота, гололедица. Лошади выбились из сил из-за непрерывного безостановочного движения. Ввиду загроможденности дороги движение еще более замедляется. Малейший подъем становится непреодолимым препятствием для несчастных животных. Лошадей впрягаем по 15 в одну пушку. В Семлево император потребовал, чтобы его обоз был сокращен до самого необходимого, для обслуживания его двора.

В эту ночь войска расположились следующим образом. Полки "молодой" гвардии в Славково.

Вестфальцы расположились в лесу на берегу Осьмы. Корпус Нея в Вязьме, на реке. Вюртембергцы стояли в лесу, 12 верст от Вязьмы, не доходя Семлево.

Утром, недалеко от Вязьмы, партизан Орлов-Денисов атаковал французов. Взял одно орудие, канцелярию Наполеона и 40 повозок с багажом".

2 ноября начальник штаба главной квартиры императора Бертье в письме к маршалу Даву писал из Вязьмы: "Надо делать переходы так; обоз в середине и, во столько рядов, сколько позволит дорога, полубатальон сзади и несколько батальонов в одну шеренгу по бокам обоза, так, чтобы при повороте во фронт, огонь был отовсюду..."

3 ноября

"Днем летняя жара, по ночам очень холодно. На лошадей большой спрос. Солдаты захватывают их: они поедают всех тех, кого им удастся зарезать.

Казаки захватывают экипажи и отставших, они беспрестанно кидаются на "ура".

(Записано Кастелланом вечером 3 ноября в районе деревни Славково. Скорее всего, на Жашковском постоялом дворе, стоявшем на берегу замерзшего озера.)

"Предупрежденный о приближении неприятеля Вице-король отправил обозы ночью из Федоровского в Вязьму. Ночь со 2-го на 3-е ноября была очень холодная, пало много лошадей. За час до рассвета из Семлево двинулись обозы. Дорога была вся запружена телегами, фурами и каретами. Пешие и конные солдаты двигались беспорядочными толпами. Утром с высокой колокольни Наполеон обзревала окрестности Семлево. Когда пришло известие о возгорании Вяземского сражения, в колокольню ударило ядро, неведомо кем пущенное со стороны Савиной горы, ядро не повредило храма, но все колокола гулко загудели.

Наполеон с гвардией поспешно покинул Семлево. Полк "молодой" гвардии и императорская колонна оставались весь день в Славково. По правой стороне они видели русских казаков. В тот же день, но к вечеру к ним подошли другие полки, делавшие привал позади".

Наполеон пишет начальнику штаба Бертье: "Прикажете герцогу Мортье отправить графа Винценгероде в корпус маршала Жюно, который пошлет его вместе с его адъютантом в Смоленск и далее в Вильну на почтовых под конвоем двух жандармов".

"В императорском обозе была перепряжка лошадей и уничтожена часть повозок".

"Рано утром 3-го ноября на 12-й или 16-й версте от Вязьмы в лесу у дороги были закопаны 8 тяжелых орудий. Маршал Даву подвергся нападению неприятеля и постепенно был принужден бросать свою артиллерию за неимением лошадей".

Кстати сказать, бросали не только артиллерию и излишнее вооружение. Вблизи деревни Лукьяново, в сосновой роще (примерно 12 км западнее Вязьмы) французами был зарыт большой клад из состава московских трофеев. Его в 1830 году тайно выкопали оставшиеся в живых французы.

4 ноября

"Ночью шел снег, и утром дороги превратились в глинистую грязь. Лошади вязли в грязи, обозы останавливались и загромождали дорогу. На мостах повозки сбрасывали в воду. Наполеон оставался весь день в барском имении Славково (Жашково). Получив донесения от маршалов о происшествиях, случившихся накануне под Вязьмой, император приказал полкам "молодой" гвардии в полдень выступить скорым маршем в Дорогобуж. В Париж были направлены 4 курьера, вместе с ними был отправлен и Винценгероде с жандармами.

В Смоленск были отправлены офицеры для квартирного расписания войск. Вечером пошел густой снег густыми хлопьями. Расположение войск на тот момент было следующим. Наполеон и "старая" гвардия стояли в Жашково и Славково. В лесу на берегу замерзшего озера, недалеко от имения Жашково расположился на ночлег штаб 1-го корпуса Даву. Корпус маршала Нея был в арьергарде в селе Семлево".

Судьба якобы спрятанных то ли у Семлево, то ли у Славково обозов с московскими трофеями Наполеона вот уже почти два столетия волнует всех, кому дорога российская история. Эти так называемые сокровища московских и Кремлевских церквей, монастырей и старинных соборов имели весьма значительную материальную ценность. Говоря современным языком, это был (и есть) уникальный антиквариат, стоимость которого в настоящее время измеряется многими миллионами долларов или евро, как хотите. Только в одном Кремлевском арсенале хранились тысячи предметов воинских атрибутов, и их свозили туда сотни лет. Французы вывезли их из Москвы якобы, во-первых, для устройства собственного музея, а во-вторых, для передачи части трофеев дружественным полякам и туркам, ведь отобранные они некогда были именно у них. Но как утверждает историк и генерал Сегюр, бывший главный квартирмейстер в штабе императора, все, что вывезли, – утопили в Семлевском озере.

Вот что он писал:

"От Гжатска до Михалевской деревни, расположенной между Дорогобужем и Смоленском, в императорской колонне не случилось ничего замечательного, если не считать того, что нам пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения из Кремля и крест с Ивана Великого. Трофеи, слава – все те блага, ради которых мы пожертвовали всем, стали нас тяготить: теперь решался вопрос уже не о том, как спасти их. При этом великом кораблекрушении армии, которая двигалась подобно громадному судну, разбитому страшной бурей, с него не колеблясь выбрасывалось все, что мешало его движению".

В этом отрывке генерал Сегюр имеет в виду ту часть трофеев, что вез императорский обоз. И случилась это событие, как считалось до сих пор, именно в этот день, 4 ноября, в окрестностях Жашково, в том районе, который на тот момент занимали полки "старой" и "молодой" гвардий. Но последующие поиски и исследования показали, что описанные Сегюром события произошли вовсе не у Семлево и даже не у Славково или Жашково, что стоит вблизи Славково. После многолетних исследований выяснилось, что факт именно затопления "железного обоза" действительно имел место. Вот только сам Сегюр не имел к самому факту сокрытия многотонного клада никакого отношения. Он не был, да и не мог быть вблизи этого непримечательного озера. И сведения об уничтожении части императорского обоза генерал получил несколько позднее, от офицеров, осуществлявших данное сокрытие. Кстати сказать, через десять лет, уже сидя в Париже и сочиняя свои мемуары, Сегюр, поскольку сам никогда не был на месте последнего упокоения Кремлевских раритетов, не смог даже припомнить название населенного пункта, возле которого происходило затопление. Не мудрено, ведь он его и в глаза не видел. И он, не мудрствуя лукаво, назвал его Семлевым только потому, что именно в Семлево он устраивал очередную квартиру своему императору, и данное название отложилось в его памяти. Само же место исчезновения исторических ценностей расположено от современного поселка Семлево на весьма значительном расстоянии. Впрочем, обо всех подробностях данного эпизода мы еще поговорим несколько позже, сейчас же хочется обратить внимание на еще одну фразу мемуариста. Что значит "выбрасывалось все"? В своей экспрессивной реплике генерал Сегюр изрядно приврал. До "всего" был еще целый месяц отступления, коротечных кровавых боев и поражений.

Тем не менее долгое время Сегюру вторили даже российские историки. Например, военный историк А.И. Михайловский-Данилевский: "Близ Семлева французы бросили в озеро большую часть старинных воинских доспехов из Московского арсенала. Наполеону было уже не до трофеев".

Уважаемый историк ошибается точно так же, как и французский генерал. Заботу об основной части трофеев, денежных средствах и прочих ценностях высшие военачальники коалиционных сил проявляли просто исключительную. Их охраняли и спасали до последней возможности. Но если обстоятельства складывались таким образом, что с ценностями приходилось расставаться, их прятали самым тщательным и хитроумным способом. И в этом мы еще не раз убедимся.

5 ноября

"У меня пала еще одна лошадь. Это уже четвертая с начала похода".

"Ночью и утром шел мокрый снег. Утром в 5 часов Наполеон с гвардией выступил в Дорогобуж. Кавалерия выступила первой, час спустя, тронулась в путь пехота. Дорога была испорчена мокрым снегом. Телеги и лошади вязли в грязи, пехота еле плелась. Чтобы спасти обоз (императорский), Наполеон приказал маршалу Нею отступать медленнее.

Наполеон и "старая" гвардия в 5 часов вечера прибыли в Дорогобуж, на ночевку. Вестфальцы, полки "молодой" гвардии, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса расположились в лесу за рекой Ужей. В недалеком расстоянии (1 верста) находилась деревня Семендяево и господский дом на берегу озера Семендяево".

"Солдатам были розданы тяжелые ручные мельницы, чтобы молоть зерно, которого не было. В эту ночь в этом лесу солдаты убили медведя. Ночью мороз усилился, и колеи грязи на дороге затвердели как камень".

Вечером 3-й корпус маршала Нея занял опушку леса, не доходя двух верст до деревни Чоботово. Казаки же генерала Милорадовича подошли к деревне Зарубеж. Весь этот день казаки не тревожили боевые части арьергарда, но сделали неудачное нападение на обоз корпуса.

Исходя из этих данных можно вычислить местоположение некоторой части противоборствующих сторон. Замыкающий французскую армию 3-й корпус Нея расположился на перекрестке дорог в деревне Прудиче. Позиция прекрасная со всех сторон. Прежде всего, противнику наглухо перекрыта возможность ворваться в конном строю на основной почтовый тракт (лес слишком густой, и можно действовать лишь спешившись). И второе, сделано все для того, чтобы помешать проезду к броду через реку Кострю. Многочисленные, но легко вооруженные конные отряды русских "партизан" не решаются прорываться через столь плотный заслон, и вынуждены держаться от все еще боеспособных французов на расстоянии от 2 до 5 верст. Сам же Ней ночует в Чоботово вместе с многочисленными повозками своего пока еще уцелевшего обоза. Он как бы дает возможность всем остальным корпусам перегруппироваться и

освободиться от сковывающих движение грузов.

И вот тут хочется ненадолго остановиться и вернуться чуть назад. Маленькая фраза, мимолетное упоминание о каком-то незначительном населенном пункте заставляет сделать это. Обратите внимание: "Вестфальцы, полки "молодой" гвардии, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса расположились в лесу за рекой Ужей. В недалеком расстоянии (1 верста) находилась деревня Семендяево и господский дом на берегу озера Семендяево".

Некоторое время мы не придавали этому никакого значения. Но однажды один из консультантов как-то спросил, почему Сепор упоминает о каких-то утопленных московских сокровищах, лишь оказавшись в Михалевке. Причем упоминает при этом некое Семлевское озеро в качестве места, где они были утоплены. О Семлеве и его озерах ему гораздо сподручнее было бы писать из Жашково. Он там с императором два дня просидел. Но почему-то упомянул о данном происшествии, только добравшись до Михалевки! Правда, странно?

Действительно, странно. Может быть, Сепор просто перепутал названия за давностью лет? В самом деле, во французском произношении названия "Семлево" и "Семендяево" звучат удивительно схоже. К тому же они (усадьба и озеро) лежат в пустынной местности, в стороне от основной дороги. Там ночевали те соединения, которые как раз и охраняли императорский обоз! Охрана запросто могла сбросить некие грузы в Семендяевское озеро.

Родившаяся гипотеза требовала немедленной проверки, и мы выехали на поиски деревни Семендяево. Пропетляв по разбитым и не отягощенным какими-либо указателями смоленским дорогам несколько часов, мне все же удалось отыскать данную деревушку, в которой на тот момент оставалось всего четыре постоянных жителя. Они-то и подсказали, где следует искать тот самый водоем, который вызвал у нас столь большие подозрения. Мы тут же сели в машину, проехали всего 200 метров и оказались на месте. Взобрались на земляную насыпь и стали растерянно озираться по сторонам. Никакого озера, или даже пруда, здесь не оказалось. Слева от плотины простиралось густо заросшее камышом болото, недобро просвечивающее "пяточками" обводненной трясины.

Но мы не собирались отступать от намеченной цели. Пришлось натянуть резиновый комбинезон, вырубить трехметровую жердину, и приступить к поискам. Исследуемый "водоем" был в общем-то невелик по размерам. Вдоль плотины бывший мельничный прудик вытянулся всего метров на 50. Тем не менее пришлось "прозванивать" его не менее часа, пока мы однозначно не убедились в том, что, кроме небольшого количества бытового мусора, в болоте больше ничего нет. Разумеется, жаль было уезжать с пустыми руками, но душу грело то немаловажное обстоятельство, что в результате нечеловеческих усилий с поисковой карты все же было стерто еще одно "белое пятно".

После небольшого примера из поисковой практики давайте более подробно и внимательно рассмотрим все обстоятельства, связанные с легендой о затоплении легендарного обоза с московскими трофеями.

Обоз, утопленный близ Семлево

Первые поиски бесследно исчезнувших московских сокровищ начались довольно давно, в середине 1830-х годов, когда Смоленский губернатор Н.И. Хмельницкий прочитал книгу В. Скотта "Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов". В третьем томе на странице 161 было написано, что Наполеон повелел московскую добычу сбросить в Семлевское озеро. Вальтер Скотт, собственно, опирался в этом "факте" на того же Сегюра.

Какое же такое озеро расположено вблизи Семлево, задался вопросом губернатор. И тут же выяснил, что это озеро Глубокое. Так вот где Наполеон спрятал вывезенные из Москвы сокровища! Работы по извлечению вожделенного клада начались скоро и с размахом, но кончились тем, чем и должны были кончиться, то есть ничем. Но поисковые работы в этом районе не прекратились, за дело взялись уже местные помещики. Они применили весьма прогрессивную по тем временам технологию. На середину озера вывозили венцы колодезного сруба, скрепляли их железными скобами и постепенно наращивали его до тех пор, пока он не утыкался в дно. Затем с помощью пожарной помпы откачивали воду из деревянной шахты, после чего вниз спускался человек с лопатой. Но и они ничего не нашли. Ввиду полной безрезультативности поиски были вскоре свернуты, но сама идея найти клад актуальности вовсе не потеряла.

Вторая крупная попытка извлечь мифические сокровища из черных вод озера Глубокое была осуществлена в 1912 году.

Как-никак – столетие нашествия Наполеона. Об этой экспедиции была написана отдельная глава в книге помещицы, и заодно археолога-любителя, Е.Н. Клетневой. Книга ее называлась незатейливо "Село Семлево в 1812 году".

Вообще, люди по своей природе равнодушны ко всему таинственному, а если тайна связана со значительными по стоимости ценностями, то интерес не угасает в течение столетий. Несмотря на то, что

все предыдущие поисковые работы оказались безрезультатными, в 1960 году была снаряжена очередная грандиозная экспедиция. На сей раз сомнений не оставалось ни у кого – сокровища будут найдены и возвращены государству. Поисковые работы поддерживала и организовывала газета "Комсомольская правда".

Экспедиция отработала намеченную программу от и до, но долгожданных находок не обнаружила. После этого "Комсомолка" писала: "Семлевское озеро" – наименее перспективное место для поиска. Похоже, что сокровищ здесь действительно нет". Но это заявление не остановило искателей кладов. Поиски продолжались и дальше. В 1979–1981 годах там работала самодеятельная экспедиция под руководством Д. Кравченко. Поисковики даже сняли фильм и показали всей стране, как под лед проваливается трактор. Никакого более существенного результата данная группа так и не добилась.

В 1994 году на озеро прибыла новая солидная экспедиция, уже французская. Разумеется, кроме остатков жизнедеятельности более ранних экспедиций с двадцатиметровой глубины не было поднято ничего путного.

Так какое же конкретное озеро имелось в виду Сегюром и Вальтером Скоттом? Ситуация в сильно растянутой французской колонне складывалась таким образом, что факт затопления мог иметь место на достаточно протяженном отрезке пути, начиная от предместий самого Семлево и вплоть до окрестностей деревни Михалевки. Но несомненно одно, данное событие могло произойти только в период со 2 по 5 ноября. В это время нужда в лошадях обострилась до крайности. Значительные грузы стали снимать с повозок. Мало того, теперь лошади служили не только в качестве тягловой силы для артиллерии, транспортных нужд и кавалерии. Их еще и начали употреблять в пищу! Другого пропитания для огромного количества людей достать уже было просто невозможно. Деревушки, мимо которых пролегал маршрут отступления, были малочисленны по населению, а большей частью и вовсе разорены.

Но вернемся к нашим озерам. На указанном выше участке пути в 1812 году находились следующие водоемы:

1. Пруд при въезде в Семлево.
2. Небольшой пруд в господском саду Семлево.
3. Озеро Стоячее (оно же Глубокое), расположенное в вековом лесу к юго-западу от Семлево.
4. Озеро Лужковское, в 3 верстах от озера Стоячего.
5. Озеро у деревни Каледино, в 3,5 верстах от Протасова моста.
6. Озеро (пруд) 200 x 200 метров вблизи Зарубежа (Зарубежье).
7. Озеро, образованное большой плотиной на реке Костря вблизи деревни Чоботово (в 100 метрах от тракта).
8. Громадное озеро, образованное мельничной плотиной у Жашкова.
9. Маленькое, но глубокое (перепускное) озерцо, там же за плотиной.
10. Озеро при селе Славково.

Это далеко не полный перечень водоемов, в которые можно было сбросить обременявшие армию грузы. Часть из этих водных объектов была обследована весьма тщательно, но другая их часть даже никогда не попадала в поле зрения поисковиков, а жаль.

Есть еще один фактор, напрямую повлиявший на массовое сокрытие многочисленных кладов именно в этом районе. Это неожиданно большой падеж основной тягловой силы – лошадей – на участке дороги Вязьма – Дорогобуж. Французы освобождались не только от грузов больших обозов, бросали и собственное вооружение, снаряжение, амуницию и боеприпасы. Был даже издан специальный приказ императора, регулирующий процесс "уничтожения" тех запасов, которые больше не было возможности везти дальше. Пушки непременно закапывались, либо топились. Всевозможные ценности и боеприпасы подвергались такой же бесславной участи, благо земля еще не успела глубоко промерзнуть и сама почва в тех местах была по большей части песчаная.

3 ноября адъютант Каstellан, находясь вечером при главной квартире императора в деревне Жашково, записал в своем дневнике: "Князь Даву подвергся нападению неприятеля и постепенно был принужден по частям бросать свою артиллерию за неимением лошадей".

Фраза очень значимая. До тех пор потери в артиллерии происходили по другим, более серьезным поводам. По выходу из Москвы в 1-м корпусе маршала Даву числилось 144 пушки и 633 повозки строевого обоза. Сохранность артиллерии в его корпусе поддерживалась очень жестко, если не сказать жестоко.

Согласно приказу начальника штаба Бертье от 2 ноября императорский обоз был сокращен до необходимого минимума. Не во время ли неизбежного сокращения числа транспортных повозок и была утоплена некоторая часть имущества? Когда же до Наполеона доходит известие о том, что казаки у селения Царево-Займище отбили часть обоза с богатыми московскими трофеями, то он отдал приказ следующего содержания.

"Обозы держать в центре колонн. В голове и конце колонны должны двигаться по полбатальона, а по бокам по батальону, чтобы в случае нападения казаков открывать огонь во все стороны, точно батальон,

построившийся в каре".

При таком способе передвижения осуществить захоронение или затопление части груза большого обоза можно было в единственном случае, если одновременно остановить всю колонну, включая боевое охранение, что не всегда было возможно. Да и осуществить такой синхронный маневр на значительном многокилометровом пространстве было крайне затруднительно. Поэтому сама собой сложилась практика, при которой большую часть имущества войска прятали именно тогда, когда останавливались на ночевки, либо там, где поили обозных лошадей. Отсюда же варьировались и способы захоронения. На ночевки строевые части и прикрываемые ими обозы обычно вставали на опушках лесов, где было много топлива для костров, но сохранялся обзор на направления, откуда мог наступать неприятель. К тому же разогретую огнем костров землю потом было легко копать, а впоследствии затоптанная тысячами ног и копыт, превращенная в настоящее месиво почва прекрасно скрывала места захоронения.

Затопление же осуществлялось там, где для этого были определенные условия, такие как: хороший подъезд, достаточная глубина водоема, наличие или отсутствие плотины и проч. В начале ноября слабое оледенение только начало покрывать стоячую воду. Но когда воду покрыл крепкий лед, то возникла новая проблема – как поить обозных лошадей. Использовали наскоро устроенные проруби на естественных водоемах и искусственных прудах. Водопои эти, кстати сказать, обычно затягивались на довольно длительное время, поскольку не везде можно было в массовом порядке подвести лошадей к воде. Да и количество животных тоже было еще велико. Так, например, только в императорском обозе было до 715 упряжных и верховых лошадей. В тех условиях, когда движение осуществлялось по 14–15 часов в сутки, из них как минимум два часа уходило на водопой. Именно за это время можно было свалить в ближайший пруд или промоину около водяной мельницы несколько тонн ставшего непосильным груза. Для этой же цели использовались и проруби.

Как же было организовано отступление? За счет чего французам удавалось столь длительное время сохранять трофеи, а если даже и прятать их, то совершенно бесследно? Понятно, что столь грандиозное перемещение войск и транспортов не могло происходить некоей компактной массой. Военные и транспортные колонны неизбежно растягивались по не всегда удобной для быстрого проезда трассе. А ведь от знания того, где именно находилась та или иная колонна, транспортировавшая награбленные трофеи, зависит и успешный поиск спрятанных ими ценностей. Поэтому крайне важно знать, как и в каком порядке продвигались отступающие из Москвы коалиционные войска. Вот конкретный пример построения французских соединений при передвижении их в начале ноября 1812 года.

Отступление армии осуществлялось по принятой в те времена схеме. Передовая часть – авангард – как бы прокладывала путь и осуществляла разведку. Затем следовала основная колонна, везущая с собой наиболее ценные трофеи. Тыл прикрывал арьергард. Но из-за безмерной многочисленности войск и транспортируемых ими всевозможных гужевых повозок воинские части и обозы растягивались на несколько километров. В начале ноября вслед за императорской колонной постоянно двигался полк "молодой" гвардии, в котором служил сержант Франсуа Бургонь (весьма поспособствовавший своими воспоминаниями нашим поискам). Его полк целый день 3 ноября находился в деревне Славково, а неподалеку, ближе к Жашково, на берегу озера в сосновом лесу находился императорский обоз. На другой стороне искусственного озера, в барском доме, располагалась главная квартира Наполеона. Во время своего суточного отдыха он с крыльца видел это озеро, образованное плотиной, выстроенной на реке Костря еще во времена Ивана Грозного. Вокруг него стояла лагерем "старая" гвардия, а "молодая" гвардия была расселена по окрестным деревушкам Таборы, Славково, Никитенка и Леоньково. Гвардейская артиллерия располагалась вдоль почтовой дороги, остатки которой, кстати сказать, все еще можно кое-где обнаружить, несмотря на минувшие годы. Неподалеку от пушек на берегах озера стояли и сотни телег с московскими трофеями. Так что только одна эта часть армии представляла собой громадный по площади военный лагерь. Можно сделать вывод о том, что хотя отступающая армия уже терпела во всем нужду и недостаток, но 3 ноября она все еще могла дать сильный отпор русским войскам, безостановочно преследовавшим французские колонны.

Основу этого лагеря, разумеется, составляла гвардия, менее всего пострадавшая в предыдущих битвах. Перед выходом из Москвы в ней числились четыре дивизии. Одна дивизия "старой" гвардии, две "молодой" гвардии и конная польская дивизия. По составу это было довольно мощное воинское формирование: пехотинцев 17 871 человек, кавалеристов 4609 человек, 112 орудий крупных калибров, 275 повозок и 532 жандарма. Вся эта масса людей, упряжных повозок и орудий двигалась впереди всех остальных войск (без учета авангарда). Следом за императорской гвардией двигался 1-й корпус маршала Даву. Он тоже имел в своем составе значительные силы. В нем числилось 27 449 человек пехоты, 1500 кавалеристов, 144 пушки и 633 повозки. Но это был лишь передовой костяк громадной армии.

Вслед за корпусом Даву следовал 5-й польский корпус Понятовского в количестве трех дивизий. Там было 49 орудий и 239 повозок. Далее двигался 4-й корпус вице-короля Евгения Богарне, состоявший из четырех дивизий. В его составе было 92 орудия и 450 подвод. Замыкал же головную колонну армии 3-й корпус маршала Нея, состоявший из трех дивизий. В составе корпуса – 71 пушка и около 190 повозок. Но

это было далеко не все. Вслед за головной колонной двигались сотни повозок гражданских лиц, передвижные госпитали и подразделения, осуществляющие полевое снабжение войск.

Впереди всей армии в качестве головного дозора шествовал 8-й Вестфальский корпус маршала Жюно. В его составе было 34 орудия и 130 повозок, в основном забитых трофеями.

Всем нужны лошади, пусть даже не молодые и свежие, хоть какие-нибудь. Но как раз в это время буквально массовыми становятся случаи хищения и поедания лошадей во время ночных остановок.

Поэтому можно понять чувства Наполеона, когда ему пришло прошение от начальника всей французской артиллерии сбросить половину всех гвардейских пушек. Формально тот был абсолютно прав. Если отцепить от передков хотя бы 230 орудий, то можно было бы высвободить как минимум 1,5–2 тысячи лошадей. Сразу появлялась реальная возможность спасти и оставшиеся в их распоряжении трофеи и довольно значительное количество пушек.

Но Наполеон в тот момент вынашивает план устроить преследующим его русским войскам грандиозную западню в лесистой местности между Славково и Дорогобужем. А для этого сражения ему нужны пушки, много пушек. Поэтому он отдает категорический приказ – срочно избавиться от излишнего груза. Не самого, разумеется, ценного, но такого, который излишне обременяет измученных долгой дорогой и бескормицей обозных лошадей.

Вот тогда-то и было принято соломоново решение, о котором речь пойдет в следующей главе.

"Железный обоз" императора

Пожалуй, всем, кто так или иначе интересуется судьбой сокровищ, вывезенных Наполеоном из сгоревшей Москвы в 1812 году, хорошо известно, что императором для отправки особо ценных трофеев было сформировано три так называемых "Золотых обоза". Каждый из этих обозов был составлен из сотен особо прочных телег, и так уж случилось, что каждый из них проделал свой маршрут, прежде чем бесследно исчезнуть.

Но в данной главе мы расскажем о судьбе еще одного обоза, о котором многие никогда и не слышали, а именно о "Железном обозе". По ценности и уникальности находившихся в нем предметов он вполне мог поспорить с "золотыми" обозами, и вот почему.

Всем знакомо слово "антиквариат". Оно встречается и на вывесках магазинов, и в повседневных разговорах. Торговля старинными вещами ведется с большим размахом, поскольку любителей и ценителей их немало. И платить за уникальные раритеты они готовы весьма щедро. Но речь в данном случае идет не просто о старинных предметах, а о вещах, имеющих, кроме солидного возраста, еще и уникальную историческую ценность. Нет сомнений, что трофейные команды императора готовили к отправке во Францию не просто случайно попавшееся им в руки старье. Их интересовал настоящий, уникальный антиквариат. Он должен был занять достойное место в "Музее покоренных народов", мечту о строительстве которого лелеял Наполеон.

Какие же вещи отягощали этот самый большой как по своей массе, так и по количеству задействованных транспортных средств обоз? Дадим всего лишь краткий перечень:

– Значительное количество массивных бытовых предметов, как-то: мраморные и бронзовые статуи, старинные зеркала, серебряные и керамические сервизы, и т. п.

– Основная часть имущества, изъятого из кремлевского Арсенала: старинные пушки, холодное и огнестрельное оружие, доспехи, военные трофеи московских правителей и прочее.

– Особо массивные предметы христианского культа, взятые захватчиками из многочисленных храмов и монастырей, в том числе и масса бронзовых колоколов.

Список конечно же далеко не полон, но уточнить его можно будет только тогда, когда удастся с точностью вычислить то место, где данный обоз мог быть захоронен. В любом случае ясно, что реальная, то есть антикварная, стоимость спрятанного наполеоновскими войсками имущества вполне может составлять весьма солидную сумму, даже с учетом того, что практически все эти предметы сделаны из недрагоценных металлов. Да, по большому счету, всем этим вещам просто нет цены, ибо они не только старинны, но и исторически уникальны!

Почему же столь ценный, а главное, столь массивный клад до сих пор не найден? Ведь его искали почти два столетия. Первыми за поиски взялись местные помещики, вернувшись в разоренные войной родовые гнезда и наведя в них минимальный порядок. Слухи о неких сделанных французами захоронениях наверняка будоражили провинциальное общество уже тогда. Ведь то там, то здесь вдоль дорог постоянно находили всевозможные вещи, вывезенные французами из Москвы. Какие-то из этих находок были небрежно спрятаны, в придорожных кюветах. Но большая часть разных вещичек была просто выброшена отступавшими из страны оккупантами, и они лежали прямо на поверхности или валялись в придорожных кустах, а некоторые были лишь чуть-чуть присыпаны землей или даже опавшими листьями. И всем тогда казалось, что если копнуть чуть глубже, то тут же появятся и вовсе неисчислимы сокровища.

Большая часть находок имела вполне реальную ценность или, по меньшей мере, представляла собой

определенный интерес для нашего. Поэтому, даже не имея ни малейшего понятия о том, что неподалеку действительно запрятаны десятки тонн уникальных и старинных предметов, вяземские помещики взялись за интенсивные поиски, делая, правда, упор на осмотр собственных владений. Особенный размах разыскания приняли после того, как романист Вальтер Скотт упомянул о спрятанных французами сокровищах в "Семлевском" озере. Досужая, пересказанная к тому же с чужих слов легенда пустила корни и прекрасно прижилась на российской почве.

С тех пор небольшое, ныне почти заросшее мхом озерцо, в изначальном варианте носящее название Глубокое, не знало покоя и отбоя от доморощенных кладоискателей. Были приложены максимально возможные усилия, а в организацию поисков вложены огромные денежные суммы.

Но легенды легендами, а установить истинное место захоронения "Железного обоза" было совершенно необходимо. И вот, собрав достаточное количество материалов, некоторые исследователи сделали однозначный вывод о том, что именно здесь, в районе села Семлево, французами и был сброшен с сотен повозок уникальный по ценности груз. Этому вроде бы даже были и подтверждения некоторых участников того похода. Да и сама история о том, что сокровища были утоплены в некоем озере, тоже была реальным историческим фактом. Вот только озеро это было совсем не то. К тому же утопленные сокровища, в до сих пор не найденном озере, были спрятаны особого рода, вовсе не золотые и серебряные, а именно антикварные.

Да, кстати, слово "спрятаны" мы применили вовсе не случайно. Музейные экспонаты были преднамеренно спрятаны, а не просто выброшены. Для пояснения скажем о классификации кладов, делящихся в основной своей массе на клады "до востребования" и "ликвидационные". Так как же насчет "Железного обоза"? К какой категории кладов относится он?

Чтобы ответить на данный вопрос, давайте мысленно вернемся в то далекое время. Наполеоновская армия покинула Москву и стала отступать. Да, войска терпели определенные лишения и неудобства от холодов и голода. Но тем не менее продвигались они в определенном порядке, в войсковых колоннах поддерживалась должная дисциплина, и даже действовала полевая жандармерия. И, самое главное, судя по многочисленным мемуарам, император всерьез рассчитывал перезимовать в Смоленске и продолжить русскую кампанию с наступлением более теплых дней.

Именно из этих соображений, а также некоторых фактов, мы можем сделать весьма определенный вывод: "Железный обоз", вынужденно сокрытый из-за ощутимой нехватки лошадей в артиллерийских упряжках, был захоронен по схеме "до востребования". Его рассчитывали достать по весне, и достать без особых проблем. Из столь определенного заключения также можно получить практические указания для его поисков.

Представляется, что "Железный обоз", скорее всего, был именно затоплен, а не зарыт. Зарывать его было много хлопотнее. Ведь количество вещей было весьма значительным и, следовательно, для их захоронения пришлось бы вырыть весьма протяженные и глубокие траншеи. А в лесной местности, где базировались обозы, сделать это весьма затруднительно. Войскам было и без того тесно на узкой дороге. К тому же скрыть следы столь масштабного захоронения было бы крайне затруднительно. По весне земля должна была неминуемо просесть и указать на место заложения громадного по объемуклада.

Отсюда следует второе указание для поисков. Если обоз был затоплен "до востребования", то сделали это, скорее всего, там, где воду можно было бы без труда удалить либо отвести. И, следовательно, никогда и ни при каких обстоятельствах многотонный антиквариат не мог быть сброшен в так называемое "Семлевское" озеро. Все было против этого, причем не по чьему-то желанию, а по чисто географическим показаниям. Во-первых, плохой подход к удаленному от дороги водному зеркалу. Во-вторых, слишком узкая пешеходная тропа делала невозможным разезд на ней даже двух повозок. Наконец, очень большая глубина озера и отсутствие естественного стока, из-за чего совершенно невозможно было быстро извлечь утопленное имущество.

Что же это было за имущество? Можем смело сказать, что на тот момент это в самой малой степени касалось боевого оружия и реальных, как сейчас бы сказали, золотовалютных ценностей. Сбросу подлежали вещи в принципе довольно ценные, но в данных обстоятельствах все же не столь ценные, чтобы пытаться тащить их дальше. То есть речь шла скорее всего о значительной массе бесполезного в данных обстоятельствах металла.

В связи с этим можно вспомнить один почти анекдотический случай, который произошел примерно через 3 или 4 дня после захоронения этого груза. Поскольку многие предметы, вытасканные французами из кремлевских строений и Арсенала, были украшены драгоценными камнями, то решено было эти камни предварительно выдрать из оправ и отправить в Париж обычной почтой. И что же? Камни, действительно были спешно вынуты из эфесов сабель и рукоятей наградных пистолетов, сложены в большой ящик и вручены почтовым работникам, с указанием конечного адресата, но без указания ценности вложения.

Все вроде было сделано правильно. Но не прошло и нескольких дней, как одинокая почтовая повозка подверглась нападению одного из отрядов Дениса Давыдова. Облегчая повозку, почтовики, не долго думая, выбросили весь груз на дорогу и только прибавили скорость. Откуда им было знать, что в скромном

деревянном ящике лежали ценности стоимостью в несколько миллионов франков. Партизаны были, разумеется, весьма рады такой славной добыче.

Однако продолжим разговор о спрятанном металле. Итак, Наполеон рассчитывал отсидеться зимой в Смоленске и вернуться за этим имуществом несколько позже, при более благоприятных обстоятельствах. Перед отступающими войсками стояла задача как можно быстрее спрятать несколько десятков тонн металлических изделий, причем без особых технических ухищрений. Сделать это было очень непросто, о чем мы уже упоминали выше.

Кроме того, довлел проклятый и часто роковой фактор неумолимого хода времени. В селе Семлево Наполеону просто некогда было заниматься разгрузкой и перепряжкой множества подвод. Известно, что едва он расположился на отдых в помещении местной церкви, как она подверглась обстрелу русской артиллерии. Пришлось французам во главе с разбуженным императором срочно сниматься и двигаться дальше. Куда же?

"Скорее всего, – размышлял наш консультант, – сопровождаемый день и ночь стерегущей обозы "молодой" гвардией, Наполеон вполне мог дойти от Семлева до деревеньки Жашково, что находится двумя десятками километров западнее. Тем более что в ней император уже останавливался однажды на ночлег в доме местного помещика, еще тогда, когда двигался на Москву".

Может быть, следует поискать клад антикварных изделий в районе этой, ныне почти исчезнувшей, деревеньки? Но где же конкретно? Проведенный осмотр местности показал, что удобных мест для этого имеется немало. Если внимательно рассмотреть крупномасштабные старинные карты тех мест, то, прежде всего, обращаешь внимание на наличие довольно многочисленных водоемов. В частности, тогда течение речки Костря, около которой и стоит современное Жашково, перекрывала большая, примерно стометровой длины плотина, которая образовывала обширное, хотя и неглубокое озеро с островком. Рядом с плотиной, чуть ниже по течению, стояла большая мельница, сожженная уже после революции. Она питалась водой от большого озера и образовывала еще одно перепускное озерцо, связанное с рекой небольшой, не более чем 20-метровой протокой. Значительный интерес представляет смешанный лес, тянувшийся вдоль большого озера, ведь именно в нем стояли обозы, и металл мог быть попросту зарыт в песчаный грунт или сброшен в озеро. Также наше внимание привлекли и два глубоких карьера, откуда в свое время (еще при Иване Грозном) брали песок для постройки плотины. Естественно, имелись в округе и некоторые другие, весьма привлекательные места, где так или иначе мог быть захоронен стеснявший движение французской армии излишний груз.

Поскольку с теоретической точки зрения план поисковых мероприятий был вполне ясен, то пора было браться за дело в практическом плане. Но из-за недостатка средств и отсутствия приличного транспорта основные поисковые действия начались только в мае 2002 года. С помощью электронного оборудования мы осматривали и прозванивали старинные карьеры вблизи деревни Жашково, леса, водоемы да и попросту подозрительные места. К сожалению, полностью выполнить план поисковых мероприятий мы так и не смогли, но из того, что удалось обследовать, самая интересная на тот момент информация была получена именно из маленького перепускного озерца, оставшегося от некогда работавшей на плотине мельницы. Создавалось впечатление, что невзрачный с виду прудик, начиная от плотины и вплоть до центральной своей части, был буквально завален металлом. Измерили ради любопытства и глубину этого водоема. Полученные данные нас просто поразили. Буквально в десяти метрах от плотины грузило мерной веревки опустилось на почти семиметровую глубину!

Мы вполне обоснованно возликовали, поскольку место для захоронения вывезенных из Москвы предметов было по всем поисковым параметрам просто идеальным. Рядом с этим местом, на невысоком холме, располагался дом, занятый для ночлега самим Наполеоном, откуда он мог наблюдать всю картину сокрытия своего "клада". Прочная, широкая, известная еще с XV века плотина отделяла большое озеро от маленького. Поэтому не было никаких трудностей с затоплением тяжестей. Достаточно было уложить на свежий лед несколько десятков бревен (большое озеро было в то время еще в значительной своей части свободно ото льда), и можно сгружать туда хоть пушки, хоть многопудовые колокола. Всего-то и нужно было выехать на плотину, скатить груз на самодельный мостик, после чего докатить его до проруби. Возможно, был использован и более примитивный вариант. Груз попросту выбрасывался с плотины вниз, а освободившаяся телега тут же уходила наверх по холму, в сторону бивуака "молодой" гвардии. На ее место тут же подгонялась новая.

В глубине души все участники поискового проекта посчитали, что именно таким образом проводилась операция по затоплению всего "Железного обоза". Только так можно было справиться с поставленной задачей достаточно быстро, без излишних ухищрений, столпотворения пустых и полных телег и неизбежной в таком случае суеты. Глубины же ямы, промытой водой, падающей из-под мельничного колеса, с лихвой хватало для затопления чего угодно. Для сравнения, там могли быть преспокойно утоплены два тяжелых танка "Тигр", причем поставленных один на другой.

Нашей радости не было границ. Найти столь интересный объект было и интересно и почетно. Оставалось самое малое – удостовериться на все сто процентов в том, что на дне водоема лежало именно

то, что мы предполагали. Однако сделать это мы по целому ряду причин в то время не могли. И только в конце сентября того же года, когда в нашем распоряжении оказался георадар, мы смогли вновь выехать на загадочное озеро. Собрали аппаратуру, надули лодку и, с трудом скрывая обуревавшее нас нетерпение, принялись сканировать дно пруда, рассчитывая найти там гору металла. Буквально через полчаса работы тайна озера была раскрыта.

Оказалось, что сбившее нас с толку сильнейшее магнитное поле создавали две толстые стальные трубы, укрепляющие основание плотины. Они находились друг над другом примерно в двух с половиной метрах под поверхностью воды и отстояли от самой плотины примерно на полтора метра. Не удивительно, что мы впали в заблуждение, ведь холоднокатаные трубы обладают очень сильным собственным магнитным полем.

Пришлось констатировать, что нас опять постигла неудача. Но мы твердо рассчитываем на то, что рано или поздно, но "Железный" обоз, к настоящему моменту уже ставшим "золотым", будет наконец-то найден.

6 ноября

"Ночью ударил мороз, и утром колеи грязи затвердели как камень. Поднялся сильный ветер, и весь день снег падал большими хлопьями. В 8 часов утра императорская колонна, "старая" гвардия и Наполеон выступили из Дорогобужа и в полдень достигли деревни Михалевка. Прошли 22 версты при сильном ветре. К обыкновенным неудобствам дороги прибавилась гололедица. Артиллерия с трудом продвигается по кочкам и рытвинам. Там и сям валялись на земле сброшенные кирасы. На дороге встречались брошенные зарядные ящики, оставленные из-за потери лошадей. Артиллеристы выбрасывали из них и топили в воде заряды, чтобы они не достались русским".

"Вице-королю приказано отступить за Днепр по дороге на Духовщину в 4 часа утра 7-го ноября. С ним был отправлен многочисленный обоз с "тяжестями" взятыми в Москве, и многочисленная артиллерия".

"Мы выступаем (из Дорогобужа) в 8 утра и в полдень достигаем дер. Михалевки, при колодцах, где имелась почтовая станция. Впервые устанавливается снег".

Получается так, что полк "молодой" гвардии, в котором служил сержант Бургонь, дошел до Михалевки и остановился неподалеку от леса, так как за Михалевкой дорога входила в лес и была достаточно узкой. А императорский обоз был уже впереди, значит в лесу. В тот день гвардия остановилась еще засветло, где-то в 3 часа пополудни. Местом привала было пожарище какой-то деревушки. Мороз был 8–10 градусов.

7 ноября

"Император установил свою штаб-квартиру за одну милю по ту сторону Днепра; так как я дежурный, то меня оставляют в Михалевке с поручением доставить известие об арьергарде.

Идет сильный снег. В деревню Михалевку прибывает генерал Маршан со своей дивизией, имевшей в начале кампании 13 000 человек, а теперь 450.

В 3 часа дня арьергард все нет, и я отправляюсь в обратный путь, чтобы присоединиться к маршалу Нею. Целую милю я тащу за повод мою лошадь, благодаря гололедице она падает на каждом шагу, так что я вынужден отвести ее назад. Генерал Фуше приказывает своему кузнецу подковать ее; я снова отправляюсь в путь и в 7 вечера присоединяюсь к корпусу маршала Нея, расположенного на бивуаках в лесу, за полмили от реки Ужи.

Солдаты молодцами: едят только конину. Ропота не слышать, но генералы и солдаты имеют чрезвычайное желание отступить, так что в половине восьмого утра маршал, имевший за собой намерение сохранить за собой позицию на реке Осьма, оставил ее и направился в Дорогобуж.

Герцог Эльхингенский предполагал остаться в Дорогобуже; не неприятель, а генералы и солдаты заставили его уйти отсюда. Он был атакован около 11 часов утра двумя полками пехоты и казаками, которые являлись его неразлучными спутниками. Битва длилась до 3-х часов дня. 4-й линейный полк произвел храбрую атаку и отбросил неприятеля. Маршал Мей получил две пули, застрявшие в его сюртуке; это очень мужественный человек, поразительной отваги, всегда с застрельщиками (в передовой линии обороны или атаки)".

"Герцог Эльхингенский – блестящая голова, опасность изощряет его способности, в момент, когда все теряются, он незаменим для армии. Император хотел бы, чтобы он расположился позициями на Днепре; но это оказалось невозможным, вследствие разнузданного желания высших офицеров и солдат достигнуть Смоленска.

В 4-м стрелковом полку осталось 20 лошадей; в 3-м корпусе дивизия была сведена к 50 лошадям, хотя она была ему полезна при разведках.

В течение дня заклепали 14 пушек. Солдаты, которые едят только лошадей, заболели странной болезнью, у них вид пьяных, судорожные движения, они падают на землю, говоря: "У меня больше нет сил" и умирают. За сегодняшний день их осталось на дороге 50 человек; на бивуаке, покинутом маршалом Неем этим утром, умерло 200 человек из его корпуса и отставших от других.

Ужасно, когда приходится бросать раненых, не имеющих сил идти. 2-х фунтовый хлеб продается за 20 франков и еще счастье, когда удастся его найти. Путь усеян павшими лошадьми".

"Я отправляюсь в 9 часов вечера (7 ноября), довольно хорошо пообедав небольшим количеством хлеба с адъютантом маршала (Нея) на бивуаке, среди снега и сосен. К обеду пригласили полковника, так как у него не было хлеба. Я миную (на обратном пути) значительное количество бивуаков "добровольцев", название, данное солдатам, идущим на свой страх и риск (т. е. разрозненными неуправляемыми толпами)".

"Пройдя 8 верст, я покормил свою лошадь. Я отправляюсь в 11 часов вечера при ужаснейшей, снежной метели. Беспреданно падаю вместе с лошадью, так что вынужден почти все время идти пешком.

Пройдя от Михалевки до Пневой Слободы около 20 верст и, так как сторожевые посты для обозначения помещения императора не были постановлены, я проезжаю мимо, делаю длинный и утомительный переход пешком столько же, сколько и верхом и, наконец, в 8 утра натываюсь на императорскую штаб-квартиру в стороне от дороги. По физическим данным это одна из самых жестоких ночей моей жизни".

"Стала зима. Идет сильный снег. Метель. Рано утром еще не рассвело, императорский обоз и гвардия поспешили в Пнево-Слободу, местечко, растянувшееся вдоль равнины и окруженное садами. Дома в ней отчасти сгорели, равно как и церковь, но часть домов была не тронута огнем. Главная улица была запружена повозками. Они остановились тут в ожидании проехать мост, на котором что-то приключилось с передним обозом. Наполеон в обед переправился через Днепр у Соловьевой переправы и остановился на ночлег в стороне от Соловьево на мызе. После ухода императорской колонны в Михалевку в 3 часа дня прибывает генерал Маршан со своей Вюртембергской дивизией.

Поздно вечером император ночует в Пнево, в 4-х верстах от Днепра. Императорский обоз с казной и московскими трофеями ночует там же. В тот день при выезде из Михалевки Его Величество сел в карету в первый раз со дня выезда из Москвы. Снег и сильный ветер делали верховую езду очень неприятной. Мороз, сопровождающийся ветром, был все время от - 4 до - 8 градусов.

Лошади истощены. Было сделано все для спасения артиллерии. Некоторые обозы остались позади. Арьергард корпуса маршала Нея расположился в лесу в 2-х верстах от речки Ужа. Русские, по причине сильной метели ночь провели в Дорогобуже".

На пути от Семлева до Дорогобужа французы бросили на дороге 140 ящиков с боеприпасами. Начиная от Вязьмы они потеряли около 400 ящиков и до 10 000 лошадей (частью съеденных). Это, конечно, косвенные улики для кладоискателя, но очень красноречивые.

Полк Бургоня выступил затемно. Прошли 4 версты и, когда забрезжил рассвет, показались корпуса императорской колонны. Сделали маленький привал недалеко от деревни Челновая. На одну милю (1,6 км) дальше возле леса остановились на большой привал. На этом месте как раз накануне ночевала часть артиллерии и кавалерии, так как солдаты нашли много павших лошадей. Причем туши животных были заморожены так, что невозможно было отрубить кусок даже с помощью топора. Мороз ночью был действительно нешуточный. Реки, плотины и озера были покрыты льдом и снегом. Через час гвардейская колонна двинулась в путь и, отшагав 12 верст, вышла из леса вблизи Соловьевой переправы.

"Приближались к жалкой деревушке Гари, состоящей всего из несколько домов. Увидели невдалеке почтовый двор. Это был огромный сарай с двумя воротами. В нем к тому времени скопилось до 800 человек. В основном это были старшие офицеры с денщиками и лошадьми. Бургонь обошел этот сарай кругом, а в это время императорская колонна и его полк прошли вперед к деревне Пнево Слобода. Понимая, что далее столь роскошного места для ночлега может и не встретиться. Андриан Бургонь остался у стен этого огромного почтового сарая".

В нем, этом своеобразном ковчеге, кстати сказать, скучились многие "богачи", которые изрядно нажились при грабеже Москвы. Практически каждый имел при себе немаленький мешочек, а то и чемодан со столовым серебром, ювелирными украшениями, золотом в монетах и ломе. И надо же было такому случиться, что глубокой ночью, примерно в 23 часа, этот почтовый двор загорелся изнутри, причем сразу в двух местах. Положение усугубилось еще тем, что многие имели при себе пороховые заряды, спали на соломе вповалку и в большой тесноте. Пожар распространился очень быстро, и спастись удалось немногим, да и те в панике вынуждены были расстаться со своим драгоценным имуществом.

Многие российские поисковики длительное время были озабочены розысками этого российского "Клондайка" – полумифической деревушки Гари. Все быстро сообразили, что если даже у половины погорельцев было чуть больше чем по килограмму каких-либо ценностей, то суммарное их количество могло быть не меньше полутонны! Сказочное богатство, волею нелепого случая собранное на небольшом клочке земли. Всеобщий энтузиазм подогревало также соображение, что к тому времени, когда пожар утих, стоящие неподалеку от места ночной трагедии части были вынуждены сниматься с бивуаков и

спешно выдвигаться в сторону Смоленска. Значит, долго копаться на пепелище непосредственным очевидцам было просто некогда.

Сержант Бургонь пишет, что специально свернул с дороги, стараясь пристроиться на ночлег в громадном амбаре. Следовательно, стоял почтовый двор в некотором отдалении от основной дороги. Колонны, проходившие здесь утром следующего дня ускоренным маршем, вполне могли и не обратить никакого внимания на очередное пожарище, коих за время своего отступления французы повидали предостаточно.

Зададимся вопросом: а что же местные жители? Могли они по весне наткнуться на бывшее пожарище и обнаружить сокровища? По здравому размышлению оставшимся в живых жителям тех мест по горло хватало и иных забот. Надо было восстанавливать уничтоженное зимой жилье, пахать, ухаживать за скотиной и т. д. Да что там говорить, вся страна еще три года приходила в себя после вселенского разора 1812 года. Так что место бывшего почтового двора вполне могло остаться в полнейшей безвестности, заброшенности, и постепенно зарости вначале луговой травой, затем кустарником, а впоследствии и вовсе деревьями. К тому же местечко Гари могло и вовсе не существовать, как отдельный населенный пункт, разумеется. Название его могло быть выдумано самими французами, привязавшими стоявший отдельно от ближайших деревень постоялый двор к некоей сгоревшей постройке. Спросить название им было не у кого, а на географических картах этот убогий сарай просто не значился.

Так стоит ли искать столь заманчивое место? Трудно сказать. С одной стороны, на буквально крохотном пятачке действительно могут лежать расплавленные металлические ценности, драгоценные камни. Но, поскольку пятачок этот действительно крохотный, то отыскать его практически невозможно. По здравому соображению, на поиски столь малозаметного объекта может уйти несколько поисковых сезонов. Если кто-то может позволить себе такую роскошь, можем посоветовать только одно – набраться терпения.

8 ноября

"Я отдаю отчет начальнику штаба – против своего обыкновения император приказал принцу Невшательскому (начальник штаба Бертье) выслушать меня по моем прибытии. Его Величество, вероятно, спал. Я постарался как можно ярче изобразить угнетенное состояние 3-го корпуса (маршала Нея) и передал настоятельную просьбу маршала о немедленной присылке продовольствия; вследствие этого 3-му корпусу отправили водки и несколько быков, взятых у гвардии".

"Влево от дороги горел костер из сломанного лафета, вокруг стояли четверо, среди них Император, они грели заочневшие члены".

8 ноября штаб Наполеона остановился в деревне Бредихино. Все вокруг было покрыто сплошным льдом. Дорога была столь скользкой, что армия потеряла множество лошадей, разбившихся при нескончаемых падениях. Только корпус вице-короля потерял 800 упряжных лошадей. Поэтому все, в том числе и император, шли пешком.

Из донесения Милорадовича мы узнаем, что в тот день русская кавалерия переправилась через реку Ужу в районе села Усвятье. Казаки и гусары отбили 3 пушки и взяли в плен 40 тиролец.

9 ноября

"Мы выехали из Бредихино в 7 утра; входим в Смоленск в час дня. Большинство ведет лошадей на поводу по снегу.

Наше горячее желание достигнуть Смоленска, почти целиком сожженного, очень слабо обеспеченного провиантом, показывает всю степень наших бедствий. У меня пала седьмая лошадь.

Витебск занят большим отрядом русских, они взяли там 1500 человек; в том городе у нас были очень значительные провиантские склады".

"Казначей Дювержье был послан из Бредихина в Смоленск за лошадьми. Дювержье шел вместе с Наполеоном, он встретил его на мосту через Днепр. В Смоленске Дювержье достал лошадей и продовольствие и выехал в главную квартиру".

"Приближаясь к Смоленску, обоз с казной и обоз с добычей (московские трофеи) растянулись до самых ворот. Мы (казначей) получили приказ – не пропускать между нашими повозками никаких иных экипажей".

"Днем 9 ноября была ясная погода и светило солнце".

Сбросив в районе Славково часть "второсортных" тяжестей, император получил некоторое облегчение. Боевые части получили в свое распоряжение несколько сотен лошадей, хотя и ослабевших, но все еще пригодных к передвижению по раскисшей от непрерывного снегопада дороге. Но обстановка на войне меняется очень быстро и зачастую кардинально.

Еще 3 ноября Наполеон полон решимости дать русским сражение, а 4 ноября он почему-то отменяет

свою диспозицию и в полдень приказывает полкам "молодой" гвардии выступить в Дорогобуж. А в Смоленск отправляются специально назначенные офицеры для скорейшего квартирного расписания войск для всей армии. Но положение продолжает ухудшаться.

В письме герцогу Бассано от 9 ноября 1812 года Лелорн писал следующее:

"Лошади истощены. Было сделано все возможное для спасения артиллерии. Некоторые обозы останутся позади. Это не важно, важно было спасти людей, лошадей и орудия".

10 ноября

"Прибыла (в Смоленск) моя повозка. Это счастливое событие, поскольку я был без рубашки. В моих сапогах оторвались подошвы – получилась обувь, мало пригодная для того, чтобы ходить по снегу. У меня украли лошадь. Взяли в плен полубригаду и генерала Ожера".

"Мы (1-й корпус маршала Даву) остановились около места, на котором был убит генерал Гюден, на мосту через речку Строгань (ныне Еревня), недалеко от Лубина".

"Рано утром казаки Карпенкова переправились по тонкому льду через Днепр (река замерзла в ночь с 9 на 10 ноября) у Соловьевой переправы. После обеда прибывает императорский обоз с казной и обоз с московской добычей. Приближаясь к Смоленску, этот обоз растянулся до самых ворот почти на две версты. Охрана обоза получила приказ не пропускать между повозок никаких экипажей".

Теряли имущество французы, зарывали, топили, и все равно, обоз, как видим, растянулся на две версты (причем речь идет только об одном обозе, императорском, в 300 повозок как минимум). Двигаются в нем телеги плотно, друг за другом, никого не пропуская. Ведь других повозок еще пруд пруди, и все вперед норовят пролезть, без очереди. Но не всем это удастся и приходится то одно, то другое имущество прятать. Так что для кладоискателей работы хватит, ее еще просто непочатый край.

11 ноября

"Прибывает 1-й корпус. Прибывает Вюртембергская дивизия с несколькими орудиями. Наполеон расположился в доме губернатора. Мороз и ветер. Императорский обоз в Смоленске, идет перепряжка лошадей".

"Дневной приказ предписывает образование кавалерийского корпуса под командой генерала Латур-Мобура, предназначенного охранять зимние квартиры. Из каждого полка будут образованы эскадроны в 76 человек в зависимости от того, сколько солдат остались верхами (в седлах на боеспособных лошадях). Будет две дивизии, одна тяжелой кавалерии, составленной из 4-х полков (3-х кирасирских и одного драгунского), другой легкой кавалерии из семи полков. Люди, оставшиеся без лошадей, направлены в нестроевые части впредь до снабжения их лошадьми.

Мне повезло, удалось купить за 72 франка у конюха императора пару сапог с отворотами. Это очень большая удача, я сильно страдал, мои ноги распухли, а дырявые сапоги от снега сузились; я мог честно констатировать, что обуть не очень хорошо".

12 ноября

"Обоз с казной готовится к выступлению на следующее утро. Всю ночь идет ковка лошадей. Коленкур, отвечавший за обоз лошадей, приказал сжечь много экипажей и повозок в соответствии с числом наших лошадей, такую предосторожность он предпринял уже один раз, 10 дней назад.

700 человек вестфальцев под командой Жюно, большой артиллерийский парк и 500 человек безлошадных кавалеристов выступили по дороге на Красный. Отправлен обоз маршала Нея и генерала Маршана под охраной 40 человек".

"Холодно (-17 градусов) и северный ветер. У комиссара по провиантской части мне удалось выменять мешок муки для наших людей. Я отлично сплю на моей медвежьей шкуре, которая пока еще у меня".

"Четвертый день пребывания в Смоленске. Наши лошади без пищи, и служители (имеются в виду конюхи) отправились в фуражировку за одну милю отсюда; преследуемые казаками они ничего не принесли. Из Дорогобужа 4-й корпус свернул на витебскую дорогу; он прибыл в Смоленск, бросив всю артиллерию.

Все время после полудня слышна пушечная пальба. Вечером дерутся около Смоленска. Холодно, но сухо.

У нас очень скверное пристанище, мы осуждены либо замерзнуть, либо задыхаться в дыму; или садиться около проклятой печки. Генерал Нарбон рассказывает мне забавнейшие истории".

"Мороз так силен, что говорят он достигает 28 градусов С".

Так что же это за события десятидневной давности? Граф де Коленкур тогда тоже распорядился о

сожжении множества повозок. Значит, наши предположения о том, что в районе Семлево или Славково были утоплены немалые по массе ценности ("Железный обоз"), получили еще одно подтверждение. Ведь повозки отступавшие войска сжигали только для того, чтобы их скопище не выдало место, вблизи которого было произведено захоронение.

13 ноября

"13 ноября 1812 г. в сторону г. Красный был отправлен небольшой артиллерийский парк (пехотной дивизии Клапареда), к которому был присоединен войсковой обоз, везший трофеи, захваченные в Москве, а так же императорский обоз".

14 ноября

"Мы оставляем Смоленск. Дежурный адъютант сначала назначил меня ждать здесь арьергарда; так как не нашел под рукой других офицеров. У некоторых из наших товарищей просто талант уклоняться от трудных поручений. Я заметил ему: "Я останусь, но это не моя очередь. Он мне ответил: – Я это знаю, вы посылаются чаще, чем другие, вы деятельны и усердны". Он добавил: – Это несправедливо, если я найду кого-либо другого, он получит работу.

Император садится в экипаж с неаполитанским королем (Иоахимом Мюратом), эскортируемый в первый раз пехотным батальоном "старой" гвардии. Принц Невшательский, министр двора, шталмейстер и дежурный адъютант следуют за ними в санях.

Падает большое число лошадей. Приходится бросать много пушек. Переходим через два моста, эти переходы дьявольски трудны. Я нахожу экипаж генерала Нарбона, который не может проехать вперед. Егерь нашего генерала, очень сильный мужчина, выпив чересчур много водки, заснул и умер. Мороз – 19 градусов.

Императорская штаб-квартира в Коротне. Очень холодно и очень скользко. Почти всю дорогу (22 версты) я иду пешком и падаю не один раз. Мы спим вповалку в крестьянской избе".

"Наполеон выступил из Смоленска в 8 ч. 30 мин. утра. На пути обогнал обоз с трофеями и обоз главной квартиры недалеко от деревни Уфимья. В Коротню прибыл довольно рано; через час узнал о нападении партизан на обоз в расстоянии 2,5 км от Коротни. Партизаны захватили 10 лошадей и разграбили часть фургонов императорского обоза. Мороз достигал 20 градусов".

Как точны и как полезны эти воспоминания. "Мы теряем много пушек". Французы не просто их теряли, заметили а прятали. Обратим внимание, температура в тот день падала чуть ли не до – 20 градусов. Следовательно, зарывать пушки в земле у французов не было никакой возможности. Но возможность их утопить, напротив, была прекрасная. Преодолели два "дьявольски трудных" моста. Вполне подходящие места для затопления тяжестей. Какие же речки встречаются после Смоленска? Берем в руки карту и смотрим. На всем пути до Коротни французам пришлось преодолеть 3 реки. Одну у деревни Ясенная, другую у деревни Лубня и третью в непосредственной близости от Коротни. Вот вам и объекты для поисков. Пушки ведь (из тех, которые еще оставались на ходу) были относительно небольших размеров (3 и 6 фунтовые), и они, пробивая лед, сразу глубоко уходили в речной ил. Так что увидеть их по весне было уже невозможно.

15 ноября

"Город Красный. Холодно, по крайней мере –12 градусов, небольшой снег. Вчера 1200 человек русской пехоты под командованием генерал-адъютанта графа Ожеровского с отрядом, состоявшим из: 19-го егерского, Мариупольского гусарского и 4-х казачьих полков с полуротой конной артиллерии на рассвете атаковали польскую дивизию генерала Зайончика, остановившуюся в г. Красный. Но, видя приближение сильной колонны французов под командованием генерала Себастьяни, русские оставили Красный, и отошли за 3 версты в дер. Кутьково, увозя за собой 11 обер-офицеров и 900 человек нижних чинов".

"Казачи с артиллерией появились у главы нашей колонны. Вестфальцы прогнали их; тогда они напали на хвост колонны, застрявший при переправе через тесный мост на речке Лосмине в овраге. Во время перехода по мосту, дьявольские казаки взяли у нас несколько человек. Большое число повозок было разграблено; таким образом вечером 15 ноября мы один за другим узнавали о пропаже наших вещей; вероятно и моих в том числе. Я не буду роптать, если это научит нас идти в большем порядке".

"Два ящика с трофеями, между которыми находился и крест с Ивана Великого, утонули во время переправы по льду; погибли все и люди и лошади".

И здесь, именно в этом самом месте, настает самое время для новой главы.

Крест и слава

Вспомним об одной знаменитой вещи, которую несколько раз теряли и вроде бы находили, причем что удивительно, тоже несколько раз, но до сих пор толком неизвестно, нашли ли ее вообще хотя бы один раз. Речь пойдет о крайне запутанной истории похищения французами креста с колокольни Ивана Великого. История эта довольно интересна и поучительна.

Похищение знаменитого креста, его утери и последующие поиски составляют особую кладоискательскую тему. И начнем эту захватывающую историю вовсе не с постройки колокольни Ивана Великого, а с выдержки из письма человека, который несколько лет тому назад буквально шел по следу исчезнувшей реликвии.

"...Передо мной лежит документ 1812 года. Письмо французского офицера из главного штаба великой армии. В письме говорится о том, что повозка, на которой везли большой крест с колокольни Ивана Великого, утонул во время переправы, и рядом с ней утонули два зарядных ящика с московскими трофеями. Где это произошло, в письме не было сказано, была лишь маленькая зацепка – дата, когда это случилось. И я уцепился за эту дату, как утопающий за соломинку.

Дело в том, что императорский обоз был все время в движении. В сутки он проходил по 30, иногда и 40 верст. А раз так, решил я, то, зная дату катастрофы при переправе, я смогу вычислить эту переправу. Согласно этой дате обоз вышел... ноября из пункта "А" и поздно вечером этого же дня прибыл в пункт "Б". Между этими пунктами расстояние в "Х" верст. На подлинной карте 1812 года я отметил все речки и установил, что на этом отрезке дороги было всего "N" переправ. Следовательно, требовалось обследовать все эти переправы между "А" и "Б" на реальной местности.

А начал я с того, что много раз приходил в Кремль и подолгу стоял и смотрел на большой крест колокольни Ивана Великого. Мысленно представлял, как его снимали французские саперы и плотники, как он покачнулся и сорвался вниз под собственной тяжестью. Как его укладывали на большую телегу и везли в Париж...

Летом 1984 года я выехал на ту дорогу, по которой двигался императорский обоз из пункта "А" в пункт "Б", имея при себе карту 1812 года. Я ехал на велосипеде по этой дороге и ни о чем не думал, кроме как о том, что везу тяжелый крест на телеге. Подъезжая к очередной переправе, я мысленно говорил себе, что вот здесь утопили повозку с крестом, как бы мысленно топил ее. Но не получалось, интуиция и какой-то внутренний голос подсказывали: нет, не здесь. Это было необъяснимо, но так было тогда. Проехав много верст, я подъехал к очередной переправе и решил обследовать берега реки. Прошел вдоль берега, и в одном месте меня почему-то неудержимо потянуло в воду, на небольшой островок, что виднелся на середине реки. Я даже разулся и уже хотел идти через протоку к островку, но остановился и стал туго соображать, почему меня так неудержимо тянет на этот остров. Я долго смотрел на него, потом решил пройти по берегу реки еще немного. Прошел еще метров 500, но нигде меня в воду больше не тянуло. Решил вернуться к островку. Когда пришел опять на это место, меня вновь потянуло через протоку. Я было разделся, но чего-то испугался и не поплыл, а просто долго сидел на берегу и смотрел. Запомнил это место и поехал дальше. Обследовал еще две переправы, но уже никаких эмоций не испытывал.

Я решил капитально обследовать этот островок. Выезжал из Москвы много раз и зимой и летом. И не ошибся. В этом месте произошла катастрофа: утонули два зарядных ящика с трофеями и телега, на которой везли в Париж большой и тяжелый крест. Я ничего не стал трогать, оставил все как есть. До настоящего времени там ничего не изменилось, только разрастаются кусты ольхи и черемухи на берегу реки.

С того времени прошло 12 лет. За этот период я обращался в разные московские организации с просьбой помочь достать со дна реки утонувшие вещи: большой крест и два зарядных ящика с московскими трофеями. Писал заявления на Петровку, 38, заказное письмо президенту, в администрацию Кремлевских музеев, в организацию по охране памятников г. Москвы. Подал три заявления на имя мэра Москвы Ю.А. Лужкова.

Ответы я получил, но... Одни отвечают, что нет средств, другие говорят, что это не их территория, а некоторые даже сдуются и отвечают, чтобы я не морочил им голову, и такое было.

У меня теперь осталась последняя надежда, на фирму "Гера" и еще газету "Клады и сокровища".

Вот такое письмо. В чем-то искреннее, в чем-то наивное. Но для большинства оно явно непонятно, так как закодировано и несет очень мало практической информации. Постараемся прояснить намеренно скрытые в письме моменты. Начнем с самого начала, что называется от "печки".

"Во второе лето царствования Бориса Годунова (1600 г.) была выстроена восьмигранная Ивановская колокольня. В народе эта колокольня получила название Ивана Великого. На той колокольне крест деревянный, обитый медью позолоченной через огонь, вышина креста две сажени и два аршина". (Выписка дана из исторического описания Московского Успенского собора. А.Г. Левшин стр. 242. Издание 1783 г)

Значит, крест был деревянный! Дубовый, если быть совершенно точным. Длиной он был 5,68 метра. Центральный брус имел сечение 210 x 280 мм. Его покрывали медные (по другим данным, серебряные), позолоченные полосы, общим весом 270 кг. И общий вес всей грандиозной конструкции достигал 940 кг!

Неудивительно, что когда его стали снимать с колокольни, он покачнулся увлекаемый собственным весом, и, падая, чуть не убил и не потянул за собой людей, державших его за цепи. Как они не напрягались, но все же удержать почти тонную махину и спустить ее на землю им не удалось, и крест при падении сломался. Но тем не менее его все же погрузили на особо прочную телегу и повезли под усиленным конвоем в императорском обозе в Париж.

Зачем? Почему повезли весь крест? Содрали бы с него металлические полосы и все дела. Но нет, это был крест не с рядовой колокольни! Наполеон хотел вывезти его из России именно целиком, не разбирая. И роль ему, и место для последующего размещения он избрал особые. Он намеревался водрузить его на куполе Дома инвалидов (по-русски этот дом назывался бы Дворец ветеранов).

Этим актом император намеревался символически поставить окончательную точку в войне с Россией. Дело вот в чем. Бытовало поверье, что с его потерей неминуемо падут и свобода, и слава России как самостоятельного государства. Поэтому он нужен был императору в любом состоянии, пусть даже и разобранный на составные части, но в целости. Характерны и знамения, которые происходили и при его снятии, и при потере. Выше уже говорилось, что когда его спускали на землю, то едва не погибло несколько человек. В конце своего земного пути крест все же утянул на "тот свет" несколько человек. То есть как бы и сам не дался, и обидчиков наказал. И это есть истинный факт.

Теперь давайте вернемся к письму. Что это за пункты "А" и "Б", о которых пишет автор? Попробуем реконструировать его шифрограмму. Итак, в тот роковой день императорский обоз двинулся в очередной переход из деревни Корытня. Это-то и есть пункт "А". Где же был расположен пункт "В"? Откроем карту Смоленской области. Накануне обоз выступил из Смоленска и, преодолев за один переход порядка 25 верст, расположился вокруг Корытня. Следующий же переход должен был быть еще более протяженным. Основные силы Наполеона и, разумеется, самые ценные обозы должны были непременно достичь города Красный.

Это была дорога длиной более 35 километров в современном исчислении. Мороз стоял под 20 градусов, и дорога совершенно обледенела. Дул резкий северный ветер, и не привыкшим к таким лишениям теплолюбивым французам казалось, что такое буйство природы наверняка послано им в наказание. Но и малейшей возможности отсидеться около спасительных костров у них не было. Шла смертельная гонка и бескомпромиссная игра на выживание. Русские войска постоянно стремились охватить авангардную часть французской армии и заставить сойти отступающие колонны с главной дороги. Если бы им это удалось сделать, использовав для этого какой-нибудь удобный естественный рубеж, то гибель "Великой армии" была бы ускорена многократно.

Поясним, в чем тут было дело. Спасение падающих от истощения и усталости французов парадоксальным образом заключалось в том, чтобы двигаться как можно быстрее. Так быстро, как только возможно, несмотря на отставших людей и гибнущих лошадей. Только так они могли выскользнуть из окружения, которое постоянно грозило со стороныдвигающихся параллельно войска Кутузова. Но тем обогнать французов никак не удавалось, несмотря на то, что русские солдаты тоже выбивались из последних сил. Дело в том, что французская армия двигалась по хорошей и достаточно широкой дороге, а российские войска большей частью – по совершеннейшему бездорожью. И как ни торопились наши генералы, опередить отходящего на запад неприятеля у них не получалось. Немалую роль в этом играл и географический фактор. На пространных русских равнинах не везде можно было устроить засаду. Ведь рельеф, наличие естественных препятствий и особенности той или иной местности играют в военном деле далеко не последнюю роль. Так вот, именно в пункте, обозначенном автором письма как "Б", и было решено устроить врагам практически непреодолимую западню.

А теперь раскроем тайну этой буквы. Под пунктом "Б" автор имел в виду город Красный (или, как говорили в те времена, Красной, с ударением на последнем слоге). Примерно в 2,5 километрах к востоку от этого старинного города есть уникальное место, чрезвычайно удобное для быстрой организации оборонительного рубежа. Достоинство его заключалось в том, что река Лосмина (ныне Лосвинка) своим руслом образовывала естественное препятствие для движения больших масс войска и обозов. Сама по себе речка вовсе не так широка (всего 2,5–3 метра), но течение ее весьма быстрое, и западный левый берег, на который предстояло взбираться французам, весьма крут. К тому же преодолеть реку вброд было практически невозможно из-за того, что Лосмина хоть и не слишком широка, но весьма глубока и берега ее в районе столбовой дороги обрывисты, а если быть точнее, практически отвесны. Для переправы же гужевого транспорта был переброшен всего один неширокий деревянный мост, через который большим массам людей и телег быстро переправиться не было никакой возможности.

Отсюда понятен замысел наших генералов. Если установить на высоком берегу реки хотя бы пару артиллерийских батарей, держащих под прицелом мост, то легко можно было бы заставить армию Наполеона свернуть с дороги и направить ее в сторону Днепра. К несчастью для русских военачальников,

такую возможность предвидел и Наполеон. В его оперативных планах значилось – во что бы то ни стало достичь города Красный первым. И вот ранним утром 14 ноября началась смертельная гонка на выживание. Великие планы и амбиции императора Франции и властителя Европы были поставлены в тот день на карту. И выигрыш в том бескомпромиссном поединке мог быть только один – либо жизнь и слава, либо смерть и проклятие. Удача в значительной мере способствовала Наполеону.

Вот как писал о дне, предшествовавшем этому эпизоду, Арман де Коленкур:

"Через час после прибытия в Корытню мы узнали, что в расстоянии одного лье (4,16 версты) от нас казаки только что атаковали небольшой артиллерийский парк и войсковой обоз, перевозивший трофеи, захваченные в Москве, а также императорский обоз, присоединившийся к этому парку, то есть тот, который мы только что обогнали. Казаки захватили около десяти лошадей и фургоны императора. Они захватили часть вещей с собой, а все остальное разбросали. Был разграблен фургон с планами и картами императора. Артиллерия потеряла в этом деле половину своих запряжек: большая часть офицеров ставки лишилась своего багажа".

Обратите внимание, в каких условиях отходила из Смоленска французская армия. Как и описал в своем письме охотник за знаменитым крестом, на пути императорского обоза, выдвинувшегося из Корытни, лежали три переправы. Одна была совсем недалеко от самой Корытни, в "старой" Жорновке, вторая – в деревне Никулино, где французам предстояло преодолеть речку Дубрава, и третья – через Лосмину. На какой же из них был потерян крест со знаменитой колокольни? Совершенно неясно. Автор письма был прав. Ни в Жорновке, ни в Никулино телега с крестом утонуть не могла, потому что просто негде было. Речки в этих населенных пунктах столь малы и узки, что в них даже человеку утонуть невозможно, не то, что телеге!

Первые две худосочные речушки бегущая в страхе армия преодолела без каких-либо ощутимых потерь. Все основные трудности начались только вблизи третьей реки – Лосмины.

Туда, на высокий западный берег, русские войска уже успели доставить на санях несколько малокалиберных пушек, и артиллеристы попытались с их помощью затруднить движение головной колонны. Однако в полной мере достичь поставленных задач им не удалось, на их пути встали озлобленные потерей своих трофеев вестфальцы. Им удалось не только отбить нападение русских войск, но и решительной контратакой отбросить вымотанные длительным переходом части корпуса Платова. Наши войска, не ожидавшие от обессиленного противника такой прыти, бросились бежать назад через Уварово к лесу, побросав свои пушки в большой пруд (ныне совершенно исчезнувший). Вряд ли они были подняты впоследствии, поскольку на дне пруда уже тогда лежал толстый слой ила. И, скорее всего, они так и лежат в земле, неподалеку от еле заметных остатков старой плотины.

Ситуация во время отступления из Смоленска была такова, что казацкие сотни и полусотни непрерывно кружили вдоль дороги, выжидая подходящий момент для молниеносной атаки. И нападение у Лосмины было лишь одним из многих подобных нападений.

Но давайте зададимся вполне резонным вопросом, где все же могли одновременно утонуть три весьма большие повозки? Мы уже выяснили, что от Смоленска до Красного нет ни одной крупной, или лучше будет сказать, достаточно широкой реки. Ведь не с пятиметрового же (по длине) моста целых три экипажа одновременно свалились в трехметровую по ширине реку? Если они и утонули, то явно не упав с моста. Как же это произошло в действительности?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно было приехать на место краснинского сражения. Только приблизившись к современному мосту через резвую Лосвинку можно в полной мере понять, как развивались те трагические события в середине ноября 1812 года.

Спустившимся в речную долину французским обозам можно было безопасно переправиться через практически непреодолимую водную преграду всего в двух местах. По основному деревянному мосту (это само собой) или по неширокой плотине, которая была выстроена для того, чтобы устроить около неё место для вымачивания льна. Данное сооружение было возведено ниже по течению, примерно в полукилометре от основной дороги. Река перед плотиной, естественно, разливалась на приличном пространстве, течение ее сильно замедлялось, и на образовавшемся почти стоячем пруду был уже достаточно прочный лёд. Во всяком случае, так казалось тем французам, которые не сумели переправиться и вынужденно скопились на правом берегу реки. Но вот по тонкому льду пробежал один солдат, другой... Целый взвод, вразнобой брэнча развешанной на спинах военной амуницией, перебрался на противоположный берег. Вот открытое пространство преодолела разрозненная группа всадников... проехала одна повозка, вторая... Лед держал! Держал даже в центре пруда!

А казаки отчаянно и яростно наседали с тыла на заполнившие речную долину обозы. Вестфальцы, столь деятельно оборонявшие головные обозы, были теперь далеко от переправы, на другой стороне реки. В этот момент они вели бой с новой группой русских войск. Именно там велось основное сражение за контроль над главной транспортной артерией. Здесь же, у моста, казацкие отряды действовали более решительно и дерзко. У них уже был богатый опыт нападения именно в таких, неудобных для быстрого продвижения местах. Дошло до рукопашной схватки. Со всех сторон неслись воинственные крики, звон

сталкивающихся сабель и ружейные выстрелы. И вот тут-то у многих возниц просто не выдержали нервы. Понимая, что спасение может быть только на той стороне реки, многие из них очертя голову погнали лошадей через проточный пруд.

Трагедия произошла именно в этот самый момент. Еще очень непрочный лед вполне справлялся со своей задачей, когда по нему перебегали люди и проезжали отдельные повозки. Но когда на него одновременно выкатилось несколько тяжело груженных зарядных ящиков подвод, одни кованые колеса которых достигали 1,6 метра в диаметре, лед прогнулся и лопнул сразу в нескольких местах. Все произошло в считанные мгновения. Лошади, возницы и бегущие рядом с ними солдаты под оглушительный треск мгновенно провалились в ледяную воду. Шок и ужас тут же сковал не только людей, но и лошадей. Спасти никому не удалось. Оставшиеся на правом берегу обозные повозки были вынуждены пробираться либо по все еще действующему мосту (он лежал ниже зоны огня русских пушек), либо через дальнюю плотину. Было уже не до спасения груза, и поэтому значительная часть повозок и телег была брошена в долине перед мостом. Несомненно, что те, кто наблюдал за затоплением трех подвод с трофеями, имели возможность видеть, что именно утонуло. Во всяком случае, все свидетели сходились на том, что утонули именно два зарядных ящика и телега с громадным крестом. Все это имущество пошло на дно, но, в отличие от пушек в деревне Уварово, в слое толстого ила не утонуло. И здесь момент для поисковиков крайне значимый.

Когда мы прибыли на существующий по сию пору проточный пруд на Лосвинке с целью всесторонне проверить гипотезу автора письма, то сразу обратили внимание на стволы достаточно толстых деревьев, которые торчали из воды чуть ли не в центре реки. Создавалось впечатление, что довольно длительное время плотина была либо случайно разрушена, либо специально перекопана и река протекала в узком, т. е. естественном русле. Причем время это было достаточно продолжительным, раз рядом с ним успели вырасти взрослые деревья, остатки которых торчали теперь из-под воды. Стало быть, много лет назад практически вся территория пруда была осушена и могла быть обыскана вдоль и поперек.

Но догадки догадками, а предстояло однозначно убедиться в том, что на дне проточного водоема точно нет того, что ожидал там обнаружить человек, приславший мне это письмо.

Мы натянули над прудом опорную веревку, и оставалось лишь несколько раз пересечь озерко, пытаясь выявить присутствие металла под поверхностью воды. К сожалению, мы оказались правы. И сами утонувшие телеги, и, разумеется, их драгоценный груз давно были извлечены. Это могло произойти и сразу после ухода неприятеля. Ведь в поисках брошенного захватчиками имущества тогда спускались многие водоемы. Да, ствол небольшой пушки или малоразмерные россыпные предметы могли и не попасться на глаза, но массивные, совершенно целые зарядные ящики не могли быть незамечены.

Однако был вполне возможен и иной вариант развития событий. Ведь рядом с переправой населенного пункта нет, и нежелательных свидетелей из местных жителей на месте происшествия не могло быть в принципе. Значит, не могло быть и мотивов, по которым кто-то решил срочно спустить водоем, будучи твердо уверен в том, что на дне его скрывается что-то ценное. Очень даже могло и так стать, что плотину разрушили много позже, может быть даже и в XX веке. Естественно, что к тому времени телеги давно распались на составные части и их остатки были постепенно занесены речным илом.

В таком случае раскопки и последующее восстановление плотины могло происходить и в относительно недавнее время. Разумеется, отыскать транспортные средства, столько лет пролежавшие под водой после спуска плотины, визуально было совершенно невозможно. Поиски (если они и в самом деле велись в данном месте) явно проводились целенаправленно и со знанием дела. Но кем и когда было извлечено утопленное имущество, выяснять было некогда, да и незачем.

Единственное, что мы сделали для успокоения совести. – проверили прилегающую к реке территорию, но и там ничего крупнее чугунного пушечного ядра от двухфунтовой пушки обнаружить не удалось.

Казалось бы, вопрос полностью исчерпан. Крест с колокольни Ивана Великого вместе с частью прочих трофеев затонул 15 ноября 1812 года в безымянном проточном озерке в полукилометре от шоссе Смоленск – Красный. И сам крест, и прочие трофеи извлечены задолго до наших дней. Местонахождение их неизвестно. Конец истории? А вот и нет! Почитайте-ка другие отрывки из мемуаров и донесений.

"Стоило невероятных усилий, чтобы сорвать с колокольни Ивана Великого ее гигантский крест. От Гжатска до Михалевки, деревни, расположенной между Дорогобужем и Смоленском, в императорской колонне не случилось ничего примечательного, если не считать того, что нам пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения Кремля и... крест с Ивана Великого...".

Эти строки принадлежат главному квартирмейстеру императорской квартиры генералу Ф.П. де Сегюру. А он – не последний человек в штабе Наполеона, должен был быть хорошо информирован по долгу службы. Получается, что крест был затоплен давно, аж 2 или 3 ноября, еще задолго до подхода основной массы войск к Смоленску. Тогда совершенно непонятно, что же утонуло в Лосмине! Другой крест? Но и это еще не все.

18 ноября штабс-капитан Байков, командир 3-го батальона лейб-гвардии Финляндского полка был послан из города Красного в Петербург для доклада Государю императору. Прибыв в Петербург, Байков доложил Александру I об отбитии у французов большого креста с колокольни Ивана Великого!!!

Вот такой неожиданный поворот сюжета! Ну не мог обычный штабс-капитан нагло врать императору Александру в глаза. Ложь на таком высоком уровне, да еще в военное время, просто недопустима. Даже если предположить, что сам капитан креста не видел и говорил с чужих слов. Но ведь сведения для доклада высшему лицу государства утверждались на самом высоком армейском уровне, то есть самим Кутузовым. А тот непроверенные слухи и домыслы вряд ли стал бы докладывать в Петербург.

А тем временем донельзя заинтригованный Александр сам пишет Кутузову:

"Князь Михайло Ларионович! Присланный от вас курьер, будучи мне лично представлен, между прочим, объявил, что будто бы похищенный в Москве с колокольни Ивана Великого крест отбит нами у неприятеля, изъясняя, что он основывает сие донесение на изустном Вашем в том приказании..." (Александр I тоже знает связанную с крестом легенду и именно поэтому беспокоится о нем.)

Кутузов, естественно, незамедлительно отвечает на запрос:

"В армии распространился слух об отобранном у французов кресте с колокольни Ивана Великого. Я всеподданнейше доношу, что об отобранном у французов кресте действительно носился слух и в предводительствуемой мною армии, но известию сему я не могу поверить оттого, что после всех донесений, какие сделаны ко мне от частных начальников об отбитых ими вещах, никто из них не упоминает об обозначенном кресте. Неприятель принужден был его или потопить, или зарыть в землю, как обыкновенно делал сие он и со всеми другими вещами".

Знаменательная фраза Кутузова, крайне для нас важная! "Потопить или зарыть в землю". Значит, уже не раз наши военные встречались с практикой массового сокрытия вывозимых из Москвы ценностей. Ведь брали много пленных, среди которых наверняка встречались и те, кто сам либо закапывал что-то, либо топил. Другое дело, что за военными заботами некогда было заниматься поисками, и это дело оставили "на потом". И это "потом", как мы видим, растянулось до наших дней, почти на два столетия.

Но давайте все же вернемся к основному предмету нашего обсуждения. Косвенным образом представленная переписка подтверждает нашу версию о том, что знаменитый крест пропал именно при сражении на реке Лосминке. Ведь в руки наших войск попало несколько десятков пленных. А пленные, как мы теперь знаем, были захвачены именно среди тех возниц, кто занимался проводкой обозных повозок. И весьма вероятно, что именно они стали источником тех слухов, которые "носились" в армии Кутузова, поскольку являлись непосредственными свидетелями произошедшей на озере трагедии. Вот только, как это часто бывает, слух о том, что крест утонул в реке, трансформировался в сообщение о том, что он якобы найден. Да он и в самом деле был рядом, можно сказать в двух шагах, от русских войск, вот только, кроме давно отправленных в тыл пленных, никто не знал где именно. Судя по письму Кутузова, он сам об этом даже не догадывался.

Дополним дневником де Кастеллана рассказы о тех событиях, что происходили на этом небольшом отрезке длинного пути, проделанного наполеоновской армией.

"Дорога от Смоленска до Красного 12 и 13 ноября была свободная, на ней не было ни русских, ни французских войск.

12 ноября в сторону Красного из Смоленска были отправлены вестфальцы под командованием Жюно. С этим отрядом в 700 человек был отправлен большой артиллерийский парк и 500 человек безлошадных кавалеристов. В этот же день выступил к Могилеву, южнее Краснинской дороги, польский отряд в количестве 800 человек (не считая безоружных) но, прибыв в деревню Червонное (существует и поныне) и, встретив там казачьи разъезды, двинулся по проселочной дороге к селу Волково (ныне не существует) и далее на Краснинскую дорогу в город Красный".

В тот же день в Красный из Смоленска прибыл большой транспорт в количестве примерно 200 подвод и под охраной в 400 человек гренадеров и егерей "старой" гвардии. Этот обоз шел, опережая армию на 2–3 дня пути, и состоял из части императорского обоза. Он вез так называемые "московские трофеи".

Этот большой транспорт был отправлен из Боровска по приказу императора. Отдохнув и пополнив запасы продовольствия, он на другой день, утром 13 ноября, отправился далее в сторону Орши.

Д.В. Давыдов пишет в своих записках следующее:

"Взяв направление на деревни Червонное и Манчино, где еще не было неприятеля, я мог быть у Красного 13 ноября, в тот самый день, как дивизия Клапареда, прикрывавшая транспорт трофеев, казну и обозы главной квартиры Наполеона, выступила из Смоленска по сему направлению. Правда, это известие о том дошло до меня весьма поздно. Как ни слаба была дивизия сия, но она превышала мою партию. Дивизия была пехотная, а моя партия конная".

Надо думать, Денис Давыдов, неожиданно для себя наткнувшись в районе Червонной на тысячу поляков, попросту решил не рисковать. Пытаться перерезать основную дорогу, имея у себя в тылу столь мощную группировку, было бы для него самоубийством. Тяжелого вооружения наши кавалеристы не

имели и по большей части промышляли нападением на слабо защищенные обозы. А профессиональная пехота, да еще и с артиллерией, это совсем другое дело!

Точно так же поступил и командир польского отряда. Не имея понятия о том, какие на самом деле ему противостоят силы, он тоже решил лишний раз перестраховаться. Ведь он-то намеревался по-тихому прошмыгнуть по рокадной дороге до Монастырщины и уже оттуда через Досугово и Палкино выйти к городу Красному, где вскоре должны были сосредоточиться основные силы отступающей армии. А тут – казаки! Поляки так же, как и полковник Давыдов, решили не рисковать, а торопливо вернулись на торную дорогу.

Весьма вероятно, что именно это небольшое по военным меркам происшествие значительно изменило и расстановку сил и предопределило весь дальнейший ход сражения у города Красный. Отступающая от Смоленска группировка, причем самая ответственная ее часть – авангард, – была усилена крупным кавалерийским отрядом в самый неподходящий момент. Если бы вестфальцы (практически все безлошадные) не получили помощь польской кавалерии, то весьма вероятно, что вся армия Наполеона, и так вынужденно растянувшаяся почти на 50 километров, была бы успешно разрезана русскими войсками на две части. В том случае, если бы они смогли надежно заблокировать переправу на Лосминке, то последствия были бы куда серьезнее, нежели потеря нескольких повозок и какого-то количества пленных.

Давайте вернемся несколько назад и рассмотрим данную ситуацию более подробно. Как следует из приведенных выше выдержек из воспоминаний участников тех событий, основная масса вывозимых из страны ценностей распределялась между двумя основными обозами. Первый обоз уже покинул Красный и двигался к Орше. Второй, составной обоз, охраняемый "молодой" гвардией, шел из Корытни. Взять первый обоз было в общем-то нетрудно. Войска, его охранявшие, были хотя и отборны, но малочисленны. Но нападать на него было просто некому, поскольку все боеспособные части Кутузова, Платова, Давыдова, Орлова-Денисова были нацелены на основную армейскую группировку французов, в которой находился и сам император, и второй обоз с трофеями. И, конечно, для них было гораздо важнее остановить и столкнуть с дороги именно эту самую многочисленную и боеспособную часть наполеоновского войска. Ведь в случае успеха появлялась реальная возможность заставить армию захватчиков свернуть вправо, в сторону Маньково, а затем прижать к Днепру, причем в том месте, где не было мостов, и принудить к сдаче. "Первый золотой" обоз, вестфальцев, польскую дивизию и еще кое-какие части можно было догнать и добить впоследствии.

Но... военное счастье переменчиво, и совсем небольшое запоздание русских войск не позволило осуществить сей план в полном объеме. Вот как об этом пишет сержант Бургонь, непосредственный участник сражения:

"В тот день (14 ноября) император ночевал в Корытне, а мы ("молодая" гвардия) немного позади в лесу. На другой день мы выступили раненько (понимали, что надо торопиться), направляясь в Красное, но, прежде чем войти в город, голова императорской колонны была остановлена двадцатью пятью тысячами русских, заграждавших путь. Но гренадеры и егеря сгруппировались тесными колоннами и русские отступили. Два часа спустя после стычки с русскими в Красное прибыл император с первыми полками гвардии, нашим полком и фузелерами-егерями".

Такому успеху французов способствовало то, что город Красный был недавно ими занят. Там был польский гарнизон, подходили вестфальцы с артиллерией, прибыла и польская кавалерия. Вымотанные длительным переходом, не выстроившиеся толком в боевой порядок русские силы были хотя и многочисленны, но мало боеспособны. Свидетельства о количестве наших войск сильно разнятся, но, разумеется, численность их была невелика. О 25 тысячах, упомянутых Бургонем, речь, разумеется, не шла.

Решительная атака французов одновременно и с фронта, и с фланга русской группировки позволила им расчистить себе путь, но не способствовала ускорению продвижения обозных колонн.

Вспоминает месье Булар, командовавший в тот период артиллерией в основной колонне:

"Прибыв сюда (к Лосминскому оврагу) вечером, я тот час увидел полную невозможность перейти овраг сейчас же и поэтому отдал приказ остановиться и покормить людей и лошадей. Генерал Киржене, гвардейского инженерного корпуса, командовал моим конвоем. После трехчасового отдыха мне донесли, что движение экипажей приостановлено, и переход через мост прекращен, так как невозможно проникнуть через скопившиеся здесь экипажи. Зная критическое положение, в котором я находился благодаря близости казаков к моему левому флангу, я решился двинуться вперед и проложить себе дорогу силой сквозь эту беспорядочную кучу экипажей".

Естественно, ведь лед на озере был уже взломан утром, а до дальней плотины добраться было совершенно невозможно. Фактически для переправы на левый берег оставался лишь один узкий мостик.

"Я отдал приказ, чтобы все мои повозки следовали бы друг за другом на самом близком расстоянии, без перерыва, чтобы не быть разъединенными, и сам встал во главе колонны. Мои люди убрали с дороги экипажи, мешавшие нашему проходу, и опрокидывали их, медленно продвигаясь вперед. Наконец голова колонны достигла моста, который пришлось также очистить, и пробились через бывшее здесь заграждение. Путь был свободен, но здесь дорога шла круто вверх и земля вся обледенела. Я велел колоть

лед, взять земли с придорожных боковых рвов и набросать ее на середину дороги. За час до рассвета вся моя артиллерия была уже на вершине".

В действительности от моста до относительно ровного поля французским артиллеристам следовало пройти в гору примерно 250–300 метров.

Вышеупомянутый эпизод косвенным образом подтверждает нашу гипотезу. Если движение через пруд было парализовано после инцидента с одновременным затоплением трех повозок, то, естественно, что все те экипажи, что выдвинулись к плотине в первой половине дня, попали в своеобразную пробку. Вперед они продвинуться не могли (взломан лед), а развернуться и переправиться через мост тоже было невозможно, ибо со стороны Корытни прибывали все новые и новые обозы, артиллерийские батареи, зарядные ящики, войсковые кухни и толпы пехотинцев. Неудивительно, что переправа основной колонны затянулась на двое суток.

Интересно проследить, как известие об утоплении столь весомого по значению раритета, как крест с Ивана Великого, распространялось в наших войсках. В книге "Русская старина" за 1910 год генерал Адамович пишет, что крест, снятый с кремлевской колокольни, потоплен в пределах Могилевской или Минской губернии по дороге от города Орши до города Борисова. В 1862 году он, проезжая по этой дороге, заметил, что запруды на реках спущены. От своего спутника, помещика Гурко, он узнал причину этих масштабных работ. Тот ответил, что некоторое время жил в Париже и познакомился с бывшим министром Гино, который был в 1812 году поручиком в наполеоновской армии. Он упомянул, что на первом или втором переходе от Орши по приказу Наполеона знаменитый крест был потоплен в озере вправо от дороги. Розысками креста занялся родственник Гурко, некий Лярский. Однако, несмотря на трату больших средств, крест не был найден.

Гино был не так уж и далек от истины. Хотя описываемое им событие произошло на втором переходе вовсе не от Орши, а от Смоленска, но слухи об утоплении креста могли распространиться как раз ближе к Орше или прямо за ней. Причем он правильно указывает на то, что затопление произошло именно справа от дороги. Кстати, именно тогда сведения о данном эпизоде в устном виде дошли до М.И. Кутузова.

Вроде бы все исследования и свидетельства убеждают нас в том, что крест (или часть его) был утоплен именно в речке Лосминка. Кажется, никаких сомнений быть уже не может. Масса косвенных доказательств однозначно указывает на это место. Все остальные потенциальные переправы, озерца и прудики отброшены по разным причинам. Останавливаться на них мы не будем, но поверьте, они были проверены все, и даже совершенно невероятные варианты тоже.

А теперь обратимся к мемуарам графа Хохберга-Баденского.

"Мы шли по большой дороге из Минска в Струганы ночью 5 декабря. Недалеко от села Крапивны ночью мы нагнали главный штаб итальянского вице-короля, который еще не выступил дальше, и нам пришлось ждать на морозе, пока он не очистит квартиры. Потом нам сказали, что еще не продвинулись фургоны с трофеями, взятыми из Москвы, как, например, крест Ивана Великого и другие вещи из Кремля. И мы опять должны были ждать. Обиднее всего, что часть этих вещей все равно погибла в непродолжительном времени в пути, а их остаток около Вильно".

Удивительно, через 20 дней, после того, как наш крест упокоился на последней переправе перед городом Красным, он словно птица Феникс вновь воскрес! Причем говорится об этом событии весьма буднично, в том контексте, что, мол, зря мы его так берегли, все равно пропал. Откуда же взялся второй крест? Или их было несколько?

Чтобы разобраться в данной проблеме, сходим в Кремль и посмотрим на знаменитую колокольню. Задираем голову и видим... целых три креста! Во время французского нашествия колокольня была в том же самом виде, и кресты над ней возвышались точно так же, как и сейчас. Теперь становится совершенно непонятно, сколько же крестов было снято французами с колокольни. И заодно не мешало бы выяснить то, какое количество из них французы увезли из Москвы.

Поиски информации по этому вопросу вскоре дали кое-какие результаты. Выяснилось, что перед уходом французов из Москвы была предпринята попытка взорвать и Ивановскую колокольню, и расположенную рядом с ней Филаретовскую пристройку. Приказ отдал маршал Мортье. Однако колокольня Ивана Великого осталась цела, а стоящая рядом с ней Филаретовская пристройка развалилась на куски, засыпав обломками площадь перед Чудовым монастырем и Успенским собором.

В марте 1813 года, когда начал таять снег, у северной стены Успенского собора, под обломками камней и кирпичей, был найден большой крест. По этому поводу начальник кремлевской экспедиции, тайный советник П. Валуев, уведомил в своем донесении епископа Августина, что найденный крест принадлежит Ивановской колокольне. В рапорте было сказано:

"Сего марта 5-го числа смотритель надворный советник Аталыков докладывал присутствию (совет директоров), что при обозрении им Кремля, оставшегося после сгоревшего дворца с Грановитой палатой железного материала, который по предписанию экспедиции велено было ему собрать и положить в кладовую, усмотрен им крест, бывший на Ивановской колокольне, лежащий у стены Успенского собора –

близ северных дверей – приказано было от присутствия директору чертежной, архитектору, статскому советнику и кавалеру Его-тову и правящему должность архитектора коллежскому асессору Томанскому оный крест осмотреть и в каком положении найдут донести экспедиции, коими и надо знать, что по свидетельству их тот крест оказался действительно с главы Ивановской колокольни, но во многих местах, по-видимому, от падения с большой высоты поврежден и, что, кроме собственного их осмотра, приглашен ими был кузнец Ионов, производивший кузнечные работы, и звонарь Ивановской колокольни, которые тож утверждают".

Так оказывается, крест нашли! И никуда его не возили, а значит, и не топили! Об этом радостном событии незамедлительно уведомила газета "Московские ведомости" от 29 марта 1813 года.

Но не будем торопиться с выводами. Ведь среди обломков был найден железный крест, а вовсе не деревянный! Однако в тех же обломках был найден и второй крест, на сей раз деревянный. Ключарь Архангельского собора А. Гаврилов в рапорте Августину докладывал:

"Два креста, поднятые в развалинах Филаретовской пристройки, один железный, резной и вызлащенный, стоявший над большим колоколом, именуемый Елизаветенским, хранится в палатке, что под Грановитую палатую. Другой, деревянный, обитый медью и вызлащенный с простыми камнями, стоявший над будничным колоколом, хранится в Архангельском соборе за жертвенником".

Несмотря на это донесение, больше ясности не стало. Дело в том, что второй, деревянный, крест явно не тот. Он обит простой медью, да и значительно меньше по высоте, чуть более четырех метров. Отсюда следует единственный вывод – из трех крестов был вывезен только один, самый большой и самый дорогой. Раз самый большой, то, следовательно, и самый тяжелый, да еще поврежденный при падении, да с позолоченными цепями, которые одни тянули килограммов на двести. А не везли ли наш крест сразу на двух подводах? На одной ехал вертикальный фрагмент креста, а на другой горизонтальный с цепями. Так, пожалуй, и правильнее будет. Примерно по полтонны на каждую телегу. И лошадям не так тяжело, и не требуется особо грандиозных транспортных средств.

Если мы правы в своем предположении, то сразу все встает на свои места. Значит, следует верить и адъютанту Каstellану, и Хохберг-Баденскому. Получается, что одна часть разобранного креста утонула в Лосминке, а вторую упорно тащили до Литвы, и многие об этом знали и впоследствии писали об этом. Видимо, от этого и пошла великая путаница, когда одни писали, что крест уже утонул, а другие – что его гораздо позже все еще везли по бесконечным, извилистым белорусским дорогам.

Теперь мы в состоянии подвести некоторый итог нашему исследованию. Крест с колокольни Ивана Великого так и не доехал до Парижа, как планировал Наполеон. Обе части его остались в России, порознь, конечно, но все же остались.

16 ноября

"Обоз главной квартиры и трофейный обоз выступили в сторону Ляд, по Оршанской дороге. Наполеон с гвардией стоял перед Красным у деревни Уварово и ожидал корпус Вице-короля. В 15 часов пополудни ожидаемый корпус тянется густыми колоннами из Ржавки. Поздним вечером и ночью весь корпус переправился через Лосминский овраг и соединился с войсками в городе Красный".

17 ноября

"3-й полк гренадеров гвардии, состоящий из одетых в белое голландцев (о Господи, сколько же всякого европейского сброда к нам пожаловало!) сведенных к количеству трехсот человек, атакует деревню справа от дороги и, теряет половину своих людей. Неприятель развернул приблизительно 2000 человек и значительное число пушек; он почти окружил Красный. Уланы гвардии выстроились направо от дороги под неприятельскими ядрами. Император был на дороге с 4-я полками пехоты "старой" гвардии.

Неприятель показался налево; первый батальон 1-го полка пеших стрелков гвардии смело бросился вперед на неприятеля и потерял своего командира и нескольких человек, убитых ядрами. Немного погодя после движения этого батальона прибывший офицер сообщает о соединении 1-го корпуса с "молодой" гвардией. 1-й полк стрелков был уничтожен, так как единственный батальон каре, который он смог образовать, был опрокинут русскими кирасирами.

В ту минуту, когда Его Величество вступал в Красный, ядра пролетали через дорогу, и герцог Коленкур заметил ему, что он подвергается большой опасности. Император очень решительно оборвал его, заявив: "Двадцать пять лет ядра взрываются у моих ног! " Однако... дальше пошли ускоренным шагом".

"Приблизительно в 10 часов утра император с тростью в руке стал во главе "старой" гвардии; его экипаж следовал за нами. Через некоторое время Император сел на коня. По выходе из Красного с левой стороны нас прикрывала кавалерия гвардии, за которой неотступно следовали казаки с пушкой.

Главный штаб императора потерял в этот день капитана Жиру, хорошего и храброго офицера.

Возвращаясь из арьергарда, он хотел пробиться во главе нескольких собранных им отставших солдат, и был смертельно ранен штыком.

Штаб-квартира перенесена в Ляды; там мы в первый раз встретили польских евреев. Мы испытываем большое удовольствие оттого, что в домах находим живых людей; часть города, по обыкновению, оказалась сгоревшей. Я нахожу свои вещи на тележке, так как мой экипаж бросили, я их уже считал потерянными".

"Корпус Даву в 3 часа утра выступил из Кобытницы и к 9 утра продвинулся к Лосминскому оврагу, гвардия во главе с Наполеоном прикрывала их. Как только колонны Даву перебрались через овраг, император решил отступать из Красного. Наполеон ушел со своей гвардией за час до наступления темноты. Ночь была светлая и морозная. При выходе из города с правой стороны дороги на Оршу было маленькое озерцо, в которое было брошена часть снарядов и несколько орудий".

В тот же день граф Платов захватил Смоленск и вечером остановился на ночевку в Катине, на правом берегу Днепра.

В 17 верстах к западу от Смоленска, в овраге речки Ухинья, казаки наткнулись на брошенные артиллерийские орудия. Их было 112.

В то время как император Франции покидал Красный, неподалеку от этого невеликого городка разворачивались воистину драматические события.

Капкан для маршала Нея

Рассмотрим сначала общую стратегическую обстановку, сложившуюся после краснинского сражения. В целом основной массе отступающих коалиционных войск удалось сохранить за собой контроль над основной дорогой, но, когда эта многочисленная и все еще довольно хорошо вооруженная масса людей схлынула в сторону Орши, переправу через Лосминку русским отрядам удалось захватить без проблем. С востока к Красному приближался арьергард "Великой армии", корпус маршала Нея. Сам по себе корпус на тот момент был уже невелик: примерно 3000 человек солдат и офицеров, 6 пушек, небольшой обоз, как и у прочих корпусов, в значительной степени заполненный трофеями и личным багажом. Боеспособность его тоже была не на высоте. Он сильно отставал от графика движения, и это опоздание поставило на грань жизни и смерти. Дело было в том, что арьергард "Великой армии" должен был подбирать многочисленных отставших, раненых и обмороженных солдат. Кроме того, в составе корпуса двигались сотни экипажей гражданских лиц, вынужденных бежать из России вместе с отступающей армией (после Великой французской революции в Россию приехало много французов, которые после ухода Наполеона из Москвы присоединились к французской армии, опасаясь мести со стороны русских).

Приблизившись к лосминской переправе, командиры передовых отрядов корпуса мгновенно поняли, что перебраться на левый берег без громадных потерь совершенно невозможно.

На их пути встали обледеневший береговой склон, разбитый настил моста и, главное, кучно стоящие на противоположной стороне русские пушки. В данных обстоятельствах перебраться через реку можно было только в единственном месте – по дальней плотине. Но она находилась на совершенно открытом месте, под кинжальным огнем русских полевых орудий, установленных на господствующих высотах. Плотина была весьма узка, и достаточно было застрять там хотя бы одной подводе, как и эту переправу можно было считать наглухо перекрытой, поскольку свернуть ни вправо, ни влево с крутого бугра совершенно невозможно.

У маршала Нея, справедливо названного Наполеоном "храбрейшим из храбрых", оставалось всего два выхода. Он мог попытаться либо пробиться силой, неизбежно потеряв весь обоз и как минимум половину личного состава, либо попробовать обойти неожиданную преграду. Нея выбрал второй вариант. Но и здесь все было не так просто. Куда следовало повернуть? Налево, к Уварово? Попытаться перейти реку там? Но всю дорогу от Смоленска до Красного именно слева от основной дороги рыскали многочисленные казачьи разъезды. Направо – тоже не лучший выход. И без того измученные войска должны были совершить довольно большой обходной маневр и при этом длительное время передвигаться по бездорожью. Представляется, что первоначально маршал рассчитывал добраться до деревни Маньково (примерно в двух километрах от основной дороги), далее идти на населенный пункт Черный (еще 2 километра), и, перейдя там по мосту через Лосминку, добраться до Красного кружным путем, по проселочной дороге. Нею казалось, что эта задача, хотя и трудная, но выполнимая. 3–4 часа мучений, и вот он, спасительный город!

Маршал в тот момент еще не знал, что угодил в ловко расставленную ловушку. Его полки развернулись и двинулись в сторону Маньково. Французы заняли село и, переправившись через реку Лосминку, остановились на отдых в деревне Су-протива (к настоящему времени не сохранилась). Выслали на разведку конные дозоры...

Оставим на время корпус Нея и перенесемся ненадолго в наше время. Раскроем газету "Вечерний клуб" за 29 октября 1992 года. Небольшая заметка и броское название – "Золото Наполеона у Черного

Вира".

"...Армия отступала. Русские солдаты и партизаны, мороз и голод гнали вчерашних триумфаторов назад, по безжизненной дороге, той самой, которая привела Наполеона в Москву.

Лишний груз всегда помеха при бегстве, и многие расставались с награбленным добром. На дорогу вытряхивали содержимое полевых ранцев, оставляя только самое ценное и необходимое. С повозок сбрасывали раненых.

Капитан Морни и корнет Ленору выехали из Смоленска с обозным отрядом. Шестерка жалких кляч, бывших когда-то боевыми лошадьми, с натугой тащили набитую богатствами карету. Закутанные в овечьи тулупы Морни и Ленору перекидывались фразами, стараясь заглушить голод, призывы совести и чувство долга.

Обоз углубился в лес. Неожиданно сзади на дороге показался казачий отряд. С огромным трудом французы перевели измученных лошадей в галоп, дабы спасти скарб и жизни. На пути река, и – вот удача, – через нее перекинут мост. Но когда лошади ступили на деревянный настил, мост рухнул. То ли карета была слишком тяжелой, то ли просто кончилось везение. Воды Черного Вира сомкнулись, поглотив богатства навсегда..."

Это отрывок из литературного сценария еще неснятого фильма. Сколько здесь правды, а сколько вымысла – узнаем в будущем году А пока о том, как все начиналось.

Есть в Москве независимая телестудия "Ченч", которая занимается загадками природы, культуры и человеческой личности. Директор студии Александр Кузнецов встретился как-то с тестем. Сели за стол, беседовали "за жизнь" и, желая по российскому обычаю узреть корни, добрались постепенно до Отечественной войны 1812 года. И вот тут тесть, уроженец смоленской области, поведал любопытную вещь.

От отца к сыну, из поколения в поколение передавалась в деревне история о том, как проходила здесь в период французского отступления часть наполеоновской армии. С годами рассказ терял свою четкость, расплывались детали, но неизменным оставалось одно: несколько больших карет с гербами проезжали через мост, он обвалился, и кареты упали в воду и затонули.

Кузнецов загорелся и организовал прошедшим августом экспедицию в деревню "N". Выезжали телевизионщики, геохимики и гидрологи, а также специалисты нестандартного профиля – экстрасенсы. Брели пробы воды и грунта, выявляли отклонения рельефа местности за период с 1812 года, составляли карту магнитных аномалий. А главное – искали. И нашли...

Пока не золото. Нашли само это место – Черный Вир, где вполне могло лежать что-то с давних времен. Небольшая, метров восемь – десять шириной, речка достигает значительной глубины – шесть метров. Именно здесь существовал когда-то мост: его дубовые сваи до сих пор сохранились под водой. Сделанные замеры показали увеличенное содержание тяжелых металлов в иле и воде под бывшим мостом, причем выше по течению это содержание обычно, а ниже последовательно уменьшается. Что же касается экстрасенсов, то они обнаружили у Черного Вира значительные магнитные отклонения и сделали вывод: место "нечистое". Кстати, на берегу реки растет очень старое дерево. На нем, тоже очень давно, прибито колесо от кареты. Не той ли самой?

В 1993 году планируется вторая экспедиция. Количество ее участников расширится – придут водолазы и строительные рабочие с соответствующей техникой. Найдут ли драгоценности, пока трудно сказать. Но фильм "Золото Наполеона" будет снят в любом случае.

Название деревни пока держится в секрете, чтобы не вызвать потока "кладоискателей".

Как видите, здесь много тумана и полная неопределенность. Попробуем дать максимально полную информацию по этому "литературному сценарию".

Сразу же определимся с конкретным местом, где могли происходить описываемые события. Разумеется, данный эпизод (во многом реальный) можно без оговорок приписать спешно отходящему к Маньково корпусу Нея. Ведь именно по этой самой дороге проходила часть наполеоновской армии. Основная масса войск, как мы теперь знаем, пошла по другой дороге. А эта часть была вынуждена свернуть, ей не оставили иного выбора. В составе обозной колонны, как и указано в статье, действительно двигались несколько богато изукрашенных карет. Везли ли они ценности? Несомненно! Довезли ли их хотя бы до Белоруссии? Однозначно нет. Но на этом, пожалуй, правдивая информация столь замечательно названной заметки иссякает.

Кстати о названии. Именно в нем кроется основная интрига публикации. Зловещее какое-то название – у Черного Вира... Что это за "вир" такой? И почему он черный?

Поначалу и нам самим это было совершенно непонятно, пока однажды не позвонил знакомый поисковик и не сказал, что слово "вир" на местном наречии означает резкий, петлеобразный изгиб реки.

– А почему же он черный?

– Да потому, что именно у селения Черный (ранее Черныши) вся эта катавасия и происходила! – ответил он. – Вот и получился – "Черный вир".

Если перевести на русский язык данное словосочетание, то получится вот что: переправа у поселка

Черный, в том месте, где река делает резкий извив.

Чтобы проверить возможность затопления одной (или даже нескольких) карет именно на этой переправе, следовало съездить непосредственно на место событий и посмотреть своими глазами на знаменитый "вир" и не менее знаменитое колесо (якобы прибитое к дереву).

Эту поездку удалось осуществить летом 2001 года. Место, где был выстроен старый мост, нами было найдено по старой карте. Оно оказалось вблизи впадения в реку небольшого ручья. Поэтому отыскать то место, где якобы затонула карета, удалось без труда. Нас ждало разочарование. Что там могло утонуть?! Ну, разве что детская коляска. Да, каньон там довольно глубокий – метра четыре, но воды в нем крайне мало, по колено, ну максимум по пояс. Если карета или иная повозка и свалилась некогда с мостика, то, разумеется, все было на виду и, естественно, растащено по домам местными жителями. Но после расспросов местного населения выяснилось, что подобных легенд и воспоминаний в современной деревне Черныши старожилы не помнили. Стало ясно, что сюжет статьи (да и сценария тоже) высосан из пальца. К тому же и магнитометрические замеры показали полное отсутствие в речном русле какого-либо цветного металла. Не было следов и того, что кто-то проводил здесь прежде розыскные работы.

Однако эта неудача не отменяла того факта, что корпус Нея проходил именно в этом месте. Вот только повернуть на Красный он не смог, ему этого не дали сделать. Маршал быстро понял, что его загнали в мышеловку. Ему оставался открытым только один путь – вдоль Лосминки на север, через деревню Смилово в Сырокоренье. А там был тупик. Справа река Дубрава, слева Лосмина, а прямо Днепр. Классическая ловушка из водных преград и бежать из нее абсолютно некуда – дорог нет.

И вот во время последней ночевки в Супротивах Ней собирает военный совет, на котором без обиняков объявляет о том, что дела очень плохи, и приказывает прятать все, что можно и нужно спрятать. Завтра наступит решающий день, который решит их дальнейшие судьбы, и разбираться с багажом будет просто некогда. Нервы у всех, надо полагать, были натянуты до предела. Каждый наверняка думал о том, что следующий день может оказаться последним днем в жизни. И весьма вероятно, что, не желая оставлять противнику свое добро, солдаты и беженцы ночью спешно прятали обременяющие их ценности и оружие.

Ранним утром, оставив позади себя заслон, практически окруженный корпус попробовал пробиться к деревне Воришки (нынешние Варечки). Из Смилово они пошли не в заведомо гибельное Сырокоренье, а в крохотную деревушку Мироедово, затерявшуюся в глуши глухого и дикого леса. Далее их путь лежал в Нитяжи и уже затем в Воришки, расположенные на левом берегу Днепра. И вот передовые полки французов уже на берегу Днепра. Если бы на нем лежал толстый лед, то можно было бы попробовать перебраться на противоположную сторону и даже перевезти кареты и пушки. Но накануне разразилась внезапная оттепель и лёд на реке "поплыл". К тому же и спуск к реке, и противоположный берег были крайне круты, а берег к тому же покрыт слегка подтаявшим льдом.

Ней понимает, что оторваться от преследователей ему не удастся, если он не бросит крайне обременяющих его движение всех раненых, больных и гражданских. Предоставив этим несчастным возможность спастись самим, он поворачивает боеспособные части корпуса и бросается с ними вверх по течению реки, стараясь найти более пригодное для переправы место. То есть он движется к тому самому Сырокоренью, в которое так не хотел идти. Но иной дороги просто нет. А в Сырокоренье есть брод, и по нему можно попытаться выбраться в деревню Алексеевка. Через полтора часа пути передовые части французов приближаются к спасительной переправе, но торопливая пальба из заранее установленных на ближайшей к броду горке пушек атамана Платова показывает Нею, что спокойно переправиться не удастся и здесь. Момент для корпуса Нея был воистину критический.

И в этот момент очень вовремя подоспел лейтенант, час назад посланный на разведку ледовой обстановки. Он доложил, что в одном месте около берега держится большое ледовое поле. Если извернуться и нарастить несколько метров до противоположного берега, то, возможно, удастся переправиться довольно быстро.

Карета Нея поворачивает к указанному месту. Пять минут скачки, и вот он уже жадным взором вглядывается в неверный, набухший от прошедшего дождя лед. Да, шанс спастись у них есть, но шанс незначительный. Малейшая ошибка, случайный, неосторожный удар, и неверный лед лопнет. Именно здесь, между Сырокореньем и Воришками, Ней отдает приказ утопить все, что еще осталось в колонне из тяжелого имущества и весь уже бесполезный транспорт. Согласно дошедшим до нас свидетельствам, здесь были затоплены и трофейные кареты (те самые, золотые, с гербами на дверцах), и оставшиеся пушки.

Но вот что странно. От затонувших экипажей отдельные остатки обнаружались. А вот артиллерийских стволов в Днепре почему-то найдено не было. Мы проплыли на лодке почти от самого Сырокоренья до Варечек и далее до Гусино, но не засекли ни одной крупной магнитной аномалии, во всяком случае, ни одной аномалии от цветного металла. Этот факт навел нас на некоторые размышления. Ведь пушки, будучи спущены даже с достаточно крутого берега, далеко укатиться никак не могли. Перетащить их на другую сторону тоже не было ни малейшей возможности. Какие там пушки, когда даже лошадей приходилось связывать, укладывать на усиленный сучьями лед и только в таком виде тащить к

другому берегу волоком! Вполне допускаю, что именно в районе переправы были сброшены в воду последние ценности и боеприпасы. Но вопрос о том, куда делись пушки, остается открытым.

Места, где маршал Нея некогда перебирался через реку, были тогда глухие, да и теперь там, кроме журавлей и зайцев, никого не встретишь. И никому из русских крестьян не было возможности отследить, куда именно были сброшены пушки. Сообщений о том, что их достали впоследствии, тоже не было. Так что весьма вероятно, что пушки вовсе не были утоплены. Скорее всего, их закопали, причем недалеко от реки в очень подходящей для этого песчаной почве.

А где же ценный груз с обозных телег и повозок? Ведь не вывалили же его прямо на дорогу! С этим вопросом масса сложностей и неясных моментов. Давайте обратимся к книге "Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии", выпущенной к столетию войны (с. 232):

"Имение Маньково принадлежит господам Печковским, в семье которых можно слышать много рассказов о сокрытых в недрах имения сокровищах маршала Нея. Здесь, у селения Маньково, и поныне существуют следы "старой" плотины и переправы. О спрятанных в Маньково кладах передаются и в настоящее время (в 1912 году) целые легенды".

Скорее всего, легенды эти возникли не на пустом месте. А старая плотина и переправа, о которых упомянуто в книге, это как раз те самые места, где происходили события, связанные с затоплением половинки креста с кремлевской колокольни. Поэтому просто необходимо досконально изучить реку Лосминку и электронными приборами тщательно "прозвонить", причем желательно по всей ее длине.

Но должны сразу предупредить заинтересованных лиц. Речка эта имеет такой сложный рельеф и так замусорена упавшими в ее русло деревьями, что, несмотря на относительно небольшую длину (около 8 километров), ее вряд ли удастся обработать менее чем за 4–5 дней. Разумеется, это только часть обширной программы, призванной прояснить судьбу хотя и небольшого, но весьма ценного обоза маршала Нея. Как минимум потребуется прочесать и окрестности ныне исчезнувшей деревни Супротивы. Ведь именно там французы могли закопать основные ценности, а вовсе не утопить их в почти пересохшей реке. Площадь для обследования там весьма приличная, что-то около 1 кв. километра, так что и на эту работу следует класть не менее недели.

Факт, что там что-то зарывали, у нас почти не вызывает сомнения. Во всяком случае, мы видели характерные следы от старых раскопок, которые велись по левому берегу Лосминки, то есть в том месте, где стояли французы.

18 ноября

"После спокойной ночевки в Лядах гвардии и Наполеона продолжилось общее отступление к Дубровне".

"Оттепель, сани становятся бесполезными. Мы узнаем о занятии русскими Минска, в котором были собраны большие провиантские запасы. Всю ночь император на ногах. Я дежурный; у нас нет ни минуты спокойствия. Его Величество поместился в доме одной польской княгини; переходить двор приходится по колено в воде; вещь очень приятная ночью, когда нужно идти в город".

"Вечером гололедица – подморозило. Наполеон ночует у княгини Любомирской в Дубровне. Гвардия расположилась частью за пределами города".

"Настала ночь, да такая темная, хоть глаз выколи".

Кажется, перед нашими глазами тянется самый обычный день нескончаемой войны, ничем особым не примечательный. Но не верьте обманчивому покою ежедневной походной рутины. Страсти бушевали и в тот день.

Сгинувший обоз маршала Виктора

Сразу предоставим слово одному из участников этого приключенческого эпизода.

"В Бабиновичах я не застал французов, но был радушно встречен жителями – евреями. Тут я узнал, что в полу-переходе от Бабиновичей, в деревне Неклюдовой, стоял обоз французский, а именно казна Наполеона. Захватить его было бы славное дело, но я полагал, что по усталости лошадей и людей двинуться туда было бы им не по силам. Слово "казна" произвело магическое действие на моих казаков. Пошли, но, прибыв туда, узнали, что накануне (18 ноября) уже выступил тот обоз и, что мы его не догоним..."

Автором этих строк был Сергей Григорьевич Волконский. О каком, собственно говоря, обозе он ведет речь? И что это за безвестное Неклюдово? Да там Наполеон сроду не появлялся, а уж казна его и подавно!

Где же находился отряд князя Волконского в середине ноября 1812 года? Что за обоз они мечтали захватить? Постепенно, после изучения документов, пришло понимание сложившейся на тот момент обстановки, и новый, неведомый ранее эпизод раскрылся перед нами. 17 ноября генерал С.Г. Волконский

со своим конным отрядом в 300 человек двинулся от Смоленска в Бабиновичи...

И здесь возникают уже другие вопросы. Наполеоновская армия у Дубровни и движется на Оршу, а он вдруг пошел в какие-то Бабиновичи! Что он там ищет?

В Витебске с начала оккупации России стоял большой французский гарнизон. Только 7 ноября, после упорного боя, русские войска выбили противника из города и вынудили отступить. Выбитые из Витебска французы могли отступать только в одном направлении – на юг. Их спасением было скорейшее соединение с основными силами Наполеона, которые, как им наверняка было известно, имели намерения двигаться после Смоленска вовсе не через Витебск, а через Оршу.

Итак, французы отходят на юг. Вначале они идут по хорошей дороге на Люзну (ныне Лиозно), но вскоре сворачивают на проселочную дорогу и добираются... до тех самых Бабиновичей! Местные жители (евреи) и рассказали впоследствии Волконскому о том, что французы везли казну. Несомненно, что в обозах были значительные ценности – гарнизонные кассы, награбленное в Витебске и окрестных населенных пунктах добро, прочее воинское имущество. Двигались эти обозы по следующему маршруту: Витебск – Люзна – Бабиновичи – Неклюдово – Черея. До Люзны было 42 версты, далее до Бабиновичей еще 18 верст.

Чтобы пройти примерно 100 верст до Неклюдово, этому обозу понадобилось бы не менее 5–7 суток. Если французы покинули Витебск 7 ноября, то прибыть в Неклюдово они могли 16 или 17 ноября, что, собственно, согласуется и со всеми историческими хрониками. А из Неклюдово довольно приличная дорога вела прямо в Черее. Расстояние между этими населенными пунктами 28 верст, и обоз с казной мог преодолеть его за одни сутки. Так что обозные повозки в Черее могли прибыть как раз к 18 ноября.

К этому моменту в местечке Черее уже сосредоточились два французских корпуса: корпус маршала Виктора и корпус маршала Удино.

Черее отстоит достаточно далеко от основной дороги, по которой двигались основные колонны наполеоновских войск. Поэтому там останавливались только обозы, госпитали и прочие нестроевые части. Боеспособные силы немедленно вводились в бой.

21 ноября корпус Удино перебрасывается на большую дорогу у местечка Бобр. На следующий день, соединившись с остатками дивизии Домбровского у местечка Крупки, корпус направляется к Борисову. Ясно, что никакие тяжелые обозы они с собой не тащили. Пройти зимой за день 60 верст можно лишь верхом и налегке. Только относительно свежая французская кавалерия была способна на такой бросок. С обозами они не прошли бы и 30 верст.

Корпусу Виктора досталась не менее важная задача. Он должен был прикрывать основные силы французов от нападения с севера. На 23 ноября тактическая обстановка складывалась следующим образом. Корпус Удино сражался в Борисове, выбивая из города русские войска. Виктор с двумя дивизиями подошел к Доннице. Еще одна дивизия дралась с русскими кавалеристами у деревни Батуры. В 3 часа пополудни отряд французов в семи верстах от Бобра атаковал отряд полковника Власова. После упорного боя русские были отеснены до Узнацка. Вечером отряд Власова расположился в Холопеничах.

Русская кавалерия и полевая артиллерия пытались сбросить с позиций французский авангард у деревни Худовцы. Деревенька эта находилась всего в семи верстах от местечка Бобр и соответственно от столбовой дороги. Возникла крайне опасная ситуация для наполеоновских войск. Виктор ни в коем случае не должен был допустить прорыва противника к главной транспортной артерии.

24 ноября Виктор начал сосредоточивать свои войска у Батуры и около полудня начал отступление к местечку Шавры. Арьергард под командованием Делетра был выставлен впереди обширного леса, через который шла дорога. Виктор приказал Делетру держаться до тех пор, пока артиллерия и многочисленные обозы не успеют пройти лес.

Когда натиск русских усилился (из Холопеничей подошел отряд Власова и соединился с отрядом Гарпе), отряд Делетра отступил к Гуте, где и остановился на ночлег, прикрывая собой обозы, которые стояли у местечек Шавры и Клен.

И вот здесь начинается самое интересное. В ночь с 23 на 24 ноября Виктор, квартировавший в местечке Докучино, получил депешу из штаба Наполеона. Император по всем войскам разослал указания, которые содержали, кроме всего прочего, строжайший приказ об уничтожении всех излишних обозов и тяжестей и передаче лошадей и повозок в артиллерийские парки.

Были ли такие обозы у маршала Виктора? Да, несомненно! Ведь, кроме собственных обозов, к нему вынужденно присоединились и обозы Витебского гарнизона. Вот что писал в своих воспоминаниях фельдфебель 2-го батальона 2-го Баденского полка 9-го корпуса Штейнмюллер.

"Корпус Виктора продолжал отступать 22 ноября к Холопеничам. 23 ноября маршал Виктор с двумя дивизиями пришел в Донницу. Дивизия Дендельса продолжала идти на Батуры, но остановилась на дороге варить пищу. Подходя к Батурам, шли взводами, потому что заметили поблизости от обоих флангов казаков. Поэтому пришлось отправить вперед по дороге обоз, состоявший из множества повозок. Обоз двигался по дороге до Батур на Вольковиск и далее на Бобр".

"Мы спокойно грелись у огня, когда в три часа дня появились казаки, опрокинули несколько постов

и начали в нас стрелять, произведя большой беспорядок. Но наши войска тут же были стянуты на такие позиции, которые были более всего выгодны при сражении...

Бригада Бельяра отступила к деревне Уznaцк. Русские к ночи 23 ноября отступили к Холопсничам, где они были накануне. Когда обозы оказались в безопасности, корпус отступил с наступлением темноты к Уznaцку. Казаки шли за нами по пятам и, к сожалению, захватили наш скот..."

То есть боевая обстановка и приказ из штаба вынуждали Виктора срочно что-то с данными обозами делать. Но что – зарывать или топить? Попробуем разобраться. Когда маршал мог отдать приказ на затопление или захоронение обозов с ценностями? Конечно же не ночью, когда все отдыхали после дневного сражения. Значит, только утром 24 ноября. Известно, что с 23 на 24 ноября мороз чрезвычайно усилился, снег в лесах лежал по грудь лошади. Закопать значительные по объему трофеи было фактически невозможно. Глубокие снега, сильно промерзшая земля не позволили бы это сделать. Это были уже не те условия конца октября, когда в окрестностях Гжатска кавалеристы Понятовского легко закапывали десятки сундуков с поклажей. Следовательно, выполнить приказ императора можно было, только отыскав место для затопления обозов. Поскольку мы точно установили, что обозы маршала Виктора были захоронены 24 ноября, то желающим отыскать утопленные им ценности необходимо тщательно проследить маршруты его передвижений в этот день.

Как мы знаем, его дивизии от исходного пункта сосредоточения Батуры через Шавры пошли на Ратуличи. 25 ноября корпус в полном составе вышел на столбовую дорогу в районе деревни Лошница. Дошли ли обозы до Ратуличей? Вряд ли. Зачем тащить их так далеко (24 версты), чтобы потом все равно бросить. Стало быть, велика вероятность того, что многочисленный и довольно ценный груз Виктор приказал спустить под лед в треугольнике населенных пунктов: Батуры, Уznaцк и Волковиск. Озеро или пруд, в которое 24 ноября были свалены немалые ценности, в том числе и большое количество церковного серебра, скорее всего, лежало вблизи дороги и было доступно для подъезда гужевого транспорта.

19 ноября

"19 ноября на рассвете около 7 часов была тревога; за городом показались казаки и заставили бежать 5–6 тысяч отставших солдат, которые ворвались в город с криком: "К оружию! Неприятель! "

Гвардия приготовилась к битве. Они готовились отбивать нападение тысяч двадцати человек; все ограничилось дюжиной казаков.

Капитан артиллерии 1-го корпуса, Караман, не имея больше ни канониров, ни пушек, потеряв своих лошадей и свои вещи, пришел к нам просить убежища. Я дал ему одежду, генерал Нарбон – лошадь. Мы едим рис и шоколад – это событие! Остатки артиллерии переместили за ручей. 19 ноября утром подморозило, и вновь настала гололедица".

"Мы переходим Днепр и приходим в Оршу. Дорога обсажена прекрасными березами, местность изрезана оврагами. На пути мы переходим два ручья. Император помещается в большом монастыре. Мои планы потеряны. Нападения врасплох казаков ежедневны".

"В 2 часа дня Наполеон прибыл в город Орша и встал у самого моста, там, где стоял пост жандармов. Наполеон с тростью в руке лично, около 2-х часов руководил переправой. Пропускал одних, некоторые повозки приказывал сжечь, а лошадей передавал в артиллерию.

Ночью все желающие проехать миновали мост, так как переправой командовал простой офицер".

Численность коалиционных войск, вступивших в Белоруссию и сосредоточившихся в Орше, была такова: императорская гвардия – 7000 человек, 1-й корпус – 5000, 4-й корпус – 4000, 6-й и 8-й кавалерийские корпуса – 2000.

Таким образом, к 20 ноября, то есть к началу завершающего этапа отступления, у Наполеона было никак не менее 18 000 более или менее боеспособных солдат и офицеров.

Кроме того, с армией шли примерно 50 000 тысяч отставших от своих полков солдат, а также беженцев. И, самое главное, – два больших и очень ценных обоза! К последней декаде ноября было потеряно не менее трех четвертей всех вывозимых из России трофеев (по массе). Но уже недалек тот час, когда французы начнут топить и прятать и эти ценности.

20 ноября

Император приказал генералам распорядиться сожжением всех повозок, фургонов и даже всех упряжных экипажей. Лошадей в артиллерию. За нарушение приказа – расстрел. Генералы Жюно, Заончик и Клапаред принуждены сжечь половину фургонов и колясок. Император дал разрешение брать лошадей, лично ему принадлежавших. Были истреблены понтоны, а 600 лошадей из-под них переданы в артиллерию. Днем главная квартира перенесена в Бараны. Вечером Наполеон покинул Оршу и ночевал в Берснове, поместье немного вправо от дороги, в восьми верстах от Орши.

"Вечером в Бараны прибыл офицер генерального штаба де Бриквиль".

"Но тут у Наполеона было едва 6000 солдат, несколько пушек и расхищенная казна. В Смоленске оставалось все-таки 30 000 строевых солдат, 150 орудий, казна".

21 ноября

"Сыро, местность изрезана оврагами попеременно с лесом. Дорога от местечка Бараны до Толочина обсажена по обе стороны березами. Незадолго до прибытия императора казаки с пушкой показались впереди пути: они атаковали нескольких пеших кавалеристов, выступивших им навстречу и считавших их (казаков) малочисленными. Казаки показались в небольшом количестве по своему обыкновению, чтобы заманить нас. Полковник 12-го кирасирского полка был взят в плен со многими офицерами".

"Утром Наполеон, гвардия и обозы выступили в Коханов. Пройдя 20 км, остановились на ночлег. Погода теплая, днем таяло, ночью подмораживало".

Сержант Бургонь в этот день выступил из Орши и ночевал со своим полком в Коханово. Казалось бы, самый обычный день войны. Стычки с казаками, липкая грязь на сапогах, да выматывающие последние силы марш-броски. Но именно в этот день был заложен очень крупный, буквально легендарный клад, более известный как "клад солдата Иоахима". Расскажем более подробно об этом интересном событии.

Восемь бочонков червонцев

Случилось это как раз в тот день, когда войска адмирала Павла Васильевича Чичагова с боем заняли город Борисов. Однако расследование обстоятельств, связанных с заложением и поисками данного клада, судя по архивным данным, началось гораздо позже.

В 1836 году в доме дворянина Станислава Рачковского, на одной из окраинных улиц Борисова, остановились на постой четверо солдат-ветеранов, возвращавшихся домой после окончания 25-летней службы. Переночевав, они отправились дальше, за исключением одного, некоего Иоахима, католика, уроженца Могилевской губернии. Он почувствовал себя плохо, и хозяин оставил его на излечение. Вечером на Покров день (14 октября по новому стилю) солдат стал совсем плох и во время некоторого облегчения попросил хозяина дома подойти к нему.

Оказалось, что Иоахим уже был в Борисове в ноябре 1812 года в составе батальона 14-го егерского полка 15-й пехотной дивизии авангарда графа Ламберта. Командовал полком полковник Красовский (впоследствии генерал). В ту осеннюю пору, а это было с 20 по 29 ноября, непролазную белорусскую грязь уже схватило первым морозцем. Земля была покрыта снегом, днем таяло, а к вечеру слегка подмораживало. Почва выдерживала пешего солдата, но тяжело груженные армейские повозки то и дело застревали на дорогах, так что приходилось подпрягать пристяжных лошадей. Реки Березина и Сха еще не замерзли. По Березине плыли первые тонкие льдины.

20 ноября 1812 года авангард армии Чичагова под командованием Ламберта был на марше и, сделав 35-верстный переход, расположился на ночлег у Жодино. Выдвинутая вперед конница заняла Упоревичи, что были всего в 10 верстах от Борисова. Дав войскам непродолжительный отдых, Ламберт поднял их среди ночи и приказал двигаться дальше. Город Борисов и, самое главное, мосты через Березину были крайне важны для успеха задуманной Кутузовым операции, поэтому солдатам приходилось поторапливаться. Ночной марш 14-го егерского полка прошел без каких-либо осложнений. За час до рассвета 21 ноября полк остановился в одной версте от предмостного укрепления (тет-де-пона), который совместно охраняли французы и поляки. Укрепления состояли из двух редутов, построенных южнее деревни Дымки и соединенных между собой траншеей.

В Борисове, который русские войска планировали захватить, находились остатки наполеоновского Минского гарнизона, всевозможные сборные команды, части тылового обеспечения и отдельные части вновь формируемых французских полков. Кроме того, к тет-де-пону подошла польская дивизия Домбровского. Она имела в своем составе 2000 пехотинцев, 500 кавалеристов и 12 артиллерийских орудий. Всю пехоту с четырьмя пушками разместили около предмостных укреплений, а кавалерия с остальной артиллерией осталась в городе. Таким образом, в Борисове сосредоточилось от 5500 до 6500 человек. Выбить их было не просто, и тут могла помочь только внезапность.

Батальоны 14-го полка подошлись к укреплениям и начали их штурм на рассвете. К 10 часам утра егеря заняли правый и левый редуты. В 15 часов русские полностью сломали сопротивление французов и поляков и устремились через мост к городу.

Не зная, какие силы русских штурмуют город, наполеоновские войска оставили Борисов без особого сопротивления. Они отступали за город, к плотине, перекрывавшей речку Сха.

За плотиной шла дорога, выводившая их к передовым частям основной армии, которая двигалась навстречу им из Лошницы. Вся дорога на Оршу была запружена телегами, фургонами, артиллерийскими упряжками и просто дезорганизованными толпами людей, как военных, так и гражданских.

Солдаты Домбровского еще какое-то время удерживали плотину, прикрывая отход войск, но, не выдержав напора, снялись и поспешно отошли к сосновому лесу. Проследовавшие противника егеря 14-го полка, измотанные бессонной ночью и долгим боем, гнались за ними недолго. Примерно в полутора верстах от плотины полк остановился на привал в густом сосновом лесу, примыкавшем к большой дороге (лес этот сохранился до нынешнего времени). Было уже 4 часа пополудни. Днем погода стояла относительно теплая, но к ночи стало сильно морозить, и солдаты зажгли костры. По приказу Красовского было выставлено боевое охранение. Десять человек ушли вправо от дороги, а десять других, среди которых был и Иоахим, двинулись влево, в сторону проселочной дороги, которая тянулась между основной дорогой и рекой Сха.

Пройдя через небольшой перелесок, они увидели в полумраке раннего вечера крытый фургон, застрявший на раскисшей дороге. Не слишком скрываясь и громко переговариваясь, солдаты двинулись к нему напрямик. Это помогло вознице-французу (или поляку) вскочить на пристяжную лошадь и умчаться в ту сторону, откуда все еще слышались выстрелы. Там Арзамасские драгуны преследовали медленно отходящих к Неманице польских улан. Солдаты не стали по нему стрелять, и, скорее всего, он спасся. Иоахим одним из первых подбежал к фургону и откинул тяжелый кожаный полог. Сначала ему показалось, что фургон пуст, но потом он разглядел восемь небольших бочонков, стоявших на дне фургона. Решив, что в них вино, солдат попытался вытащить один из них, но едва смог сдвинуть его с места. Тогда он поддел крышку тесаком и увидел, что бочонок наполнен золотыми монетами (скорее всего, золота там было не так много, в основном в ходу было серебро, но во мраке ночи разбираться с достоинством монет им было крайне сложно). То же самое оказалось и в других семи бочонках.

Раздумывать было некогда. Каждую минуту могли показаться либо французы, либо наша кавалерия. Неподалеку от берега реки Сха, около двух больших приметных дубов солдаты вырыли тесаками неглубокую яму, устлали ее кожаным пологом с фургона и высыпали туда монеты. Прежде чем засыпать клад, каждый взял себе по горсти золота, а один из егерей бросил в яму свой нательный крест (чтобы вернуться). Для маскировки солдаты разожгли костер (из обломков разбитого на куски фургона), и пока он горел, строили планы о том, как счастливо будут жить после того, как закончат службу.

Авангарду было приказано выступить в 4 часа утра 23 ноября и продвигаться вслед за отступившим противником в направлении на Лошницу. Промаршировав около 8 верст, 14-й полк остановился на кратковременный отдых. Подтянулись части 7-го и 38-го полков, подошла артиллерия. На подходе к Лошнице, едва они показались из неманицкого леса, на них, словно вихрь, налетели кавалеристы корпуса маршала Удино.

Под нажимом французской кавалерии русские полки стали отступать в направлении Борисова. Вскоре они встретили многочисленный отряд русской кавалерии. Прорваться к основным частям армии через отбитый французами Борисов было невозможно, поэтому кавалерия и остатки егерских полков направились в деревню Студенку, где и переправились частью вброд, а частью на лодках на правый берег. К захваченному Чичаговым тет-де-пону они добрались только поздним вечером. Дошли, к сожалению, далеко не все. Пятеро из тех, кто прятал трофейное золото, погибли в дневном бою.

Умиравший Иоахим обещал показать Рачковскому место, где было зарыто золото, но встать с постели ему так и не удалось. В последний день перед смертью он просил Рачковского в случае обнаружения клада три раза в год заказывать панихиды о погибших в ту войну солдатах.

Он скончался на следующий день и был похоронен на городском кладбище. А Станислав Рачковский остался хранителем поведенной ему тайны. Он, разумеется, знал место, указанное Иоахимом, однако не решался заняться раскопками, поскольку клад лежал на общественной земле, и он обоснованно опасался, что золото у него отберут городские власти.

Прошли годы. Скончался и сам Станислав Рачковский. Его сын, Юлиан, слышавший разговоры Иоахима с отцом, был сослан "за вольнодумство" в Вятскую губернию. Вернулся из ссылки в возрасте около 70 лет. В 1897 году он обратился к властям за разрешением на поиски спрятанного золота. Разрешение было получено, и в течение всего лета Рачковский искал клад. Он нанял землекопов. Те вырыли несколько траншей, потыкали землю железными штырями, но ничего не нашли. На том поиски и закончились. Юлиан Рачковский не имел ни точного плана, ни соответствующих приборов (которых тогда вообще не было), чтобы найти зарытые сокровища.

22 ноября

"Двигаемся экипажами от Коханова к Бобру Император остановился в здании чем-то вроде монастыря (в Толочине). На пути к Толочину встретили адъютанта маршала Удино (с донесением о занятии Борисова русскими)".

"Прескверно проведя ночь в селении Коханово, где уцелела только одна "рига" (большой сарай для хранения зерна), служившая почтовой станцией, да 2–3 дома, мы ("молодая" гвардия) рано поутру в 6 часов утра пустились в поход. Мы шли по дороге страшно грязной вследствие оттепели. Пройдя 17 верст,

к полудню добрались до Толочина. Пройдя его, сделали привал. Это было перед мостом через речку Друть. Речка была замерзшая, в полях лежал снег по колени. За Толочиним "молодая" гвардия, егеря и егеря "старой" гвардии, сформировались в каре. Наполеон вышел в его центр и произнес речь.

После этого правый фланг начал движение. Поток в несколько тысяч человек двинулся по дороге в городок Бобр".

"После речи, Наполеон ушел в здание монастыря и там, расстелив на столе 100 листовую карту, начал соображать, как выбраться из ловушки, так как считал, что он полностью окружен русскими".

"Глубокой ночью Наполеон вызвал к себе оберштабмейстера двора герцога Коленкура и имел с ним беседу, приказав ему: "Надо заранее подготовиться на тот случай, если придется уничтожить все, чтобы не оставлять трофеи неприятелю. Я лучше буду есть руками, чем оставлю вилку с моей монограммой". Далее Коленкур пишет, что он распорядился, чтобы все офицеры штаба обходились своими приборами, не рассчитывая на обоз главной квартиры".

Императорский обоз (200 подвод), отправленный 25 октября из Малоярославца с охраной (400 егерей гвардии), в полдень находился за Толочиним в 8 верстах. В 15 часов этот обоз нагнали польские уланы, спешившие на помощь маршалу Удино, который торопился отбить у русских Борисов и стратегический мост.

"Двигаемся эшелонами от Коханово к Бобру, следуя за Императором, перенесшим главную квартиру из Каменицы в Толочин, и встречаем на пути к Толочину прискакавшего к нам во весь опор адъютанта маршала Удино. Он принес весть, что русские овладели не только оборонными укреплениями (тет де поном) но в их руки попал также и город Борисов со всеми складами. Известие о потере борисовского моста было громовым ударом, тем более что Наполеон, считая утрату этого моста делом совершенно невероятным, приказал, уходя из Орши, сжечь все находившиеся там понтонные повозки, чтобы везших их лошадей (600 шт.) назначить для перевозки артиллерии".

"Император приказал генералам распорядиться сожжением всех повозок и даже всех упряжных экипажей; лошадей приказано было немедленно отобрать в артиллерию, всякого же нарушившего этот приказ – подвергать смертной казни".

"И вот (в районе Толочина) началось уничтожение всех "лишних" экипажей; офицерским чинам, включая сюда и полковников, не разрешалось иметь больше одного экипажа. Генералы Зайончек, Жюно и Клапаред также принуждены были сжечь половину своих фургонов, колясок и разных легких экипажей, которые они везли с собой, и уступить своих лошадей в артиллерию гвардии. Один офицер из гл. штаба и 50 жандармов должны были при этом присутствовать.

Император дал разрешение брать в артиллерию всех лошадей, какие только понадобятся, не исключая и лично ему принадлежащих, только бы не бросать пушки и зарядные ящики".

Этот приказ имел далеко идущие последствия и в конце концов привел к заложению еще как минимум, двух драгоценных кладов. Один, относительно небольшой (по весу немногим более тонны), был спрятан явно до востребования, другой же (гигантский по своей массе) был однозначно ликвидационным. Где и при каких обстоятельствах это произошло?

Прежде всего, отметим, что положение коалиционной армии было угрожающим, и Наполеон прекрасно понимал, что он неуклонно втягивается в очередной капкан, подготовленный командованием русских войск. 22 ноября основные силы французской армии были растянуты от западных окраин Коханово до восточных окраин Лошницы. Наполеоновские войска двигались на запад довольно свободно, почти не встречая противодействия, но, по существу, уже находились в окружении.

С северо-запада у селения Холопеничи расположился корпус Власова, на севере у Лукомли войска генерала Витгенштейна противостояли корпусу Виктора, Голенищев-Кутузов наступал от Бабиновичей, Платов подходил к Коханово, генерал Ермолов занял Оршу, Милорадович выступал из местечка Лещи, конница Ожеровского форсировала Днепр у городка Шклова, а полки Чичагова заняли город Борисов, перехватив основные мосты через Березину. Таким образом, все основные и даже второстепенные дороги были блокированы, и ожидать самых решительных действий русских войск можно было в самое ближайшее время.

Сержант Бургонь шел со своим полком, ожидая долгожданного привала. Потом он какое-то время отдыхал у костра. За это время его полк ушел вперед. Его заметил сослуживец Гранжье, и затем они уже вдвоем догоняли своих однополчан.

Мы не случайно постоянно упоминаем о сержанте Бургоне. Дело в том, что именно он будет иметь непосредственное отношение к сокрытию самого большого и самого ценного обоза с московскими трофеями – императорского ("2-й золотой обоз").

Для того чтобы вычислить то место, где была спрятана наиболее ценная часть французских трофеев, необходимо шаг за шагом проследить все маневры данного обоза.

Последнее золото Кремля

Поскольку нам важно вычислить конкретную точку, в которой был спрятан "2-й золотой обоз", то нужно четко определиться с его местоположением, скоростью продвижения и присмотреться к тем, кто его сопровождал. Не менее важны и события, которые происходили в тот день. Вот с них-то мы и начнем.

Среди ночи с 21 на 22 ноября 1812 года в селение Крупки вихрем влетело несколько всадников во главе с генералом Бранниковским. Он тут же направился к маршалу Удино. "Русские внезапным ударом захватили укрепления на правом берегу Березины, – сообщил он, – и в течение нескольких часов овладели не только мостами, но и всем городом Борисовым!"

Николя Удино, будучи весьма опытным военачальником, тут же оценил всю степень возникшей угрозы. Потеря главной транспортной коммуникации, позволявшей им перебраться на правый берег все еще не замерзшей Березины, грозила всей армии крупными неприятностями. Только непрерывным перемещением французы не давали возможности сконцентрироваться разобщенным русским войскам. Если бы те имели время для того, чтобы собраться в единую группировку и занять удобную для обороны позицию, то шансов у французов пробиться далее на запад практически не было. Если не удастся вернуть мосты, то длительная остановка будет неизбежна.

Выслав адъютанта, чтобы проинформировать императора о сложившейся ситуации, маршал поднял по тревоге войска корпуса.

Кстати сказать, несущийся во весь опор адъютант маршала (а от Крупок до Толочина путь неблизкий – 40 километров) должен был непременно повстречать на своем пути большой обоз, который, среди прочих, сопровождал и солдат Пикар. Он, как и Бургонь, тоже сыграет свою роль в истории исчезновения "2-го золотого обоза". Мы, к сожалению, не знаем, где и когда это произошло. Из Крупок адъютант маршала Удино выехал примерно в 6 часов утра, селение Малявка проехал примерно в 9 часов. Точно известно, что он встретил всадников и экипажи главной квартиры где-то за Толочиным, примерно в 11 часов дня. Именно в это время полки Удино выступили из Крупок и Бобра в направлении Лошницы, имея основной задачей отбить стратегически важный город Борисов обратно.

Из воспоминаний участников этих событий нам хорошо известно, что императорский обоз в 3 часа пополудни был на подходе к Малявке. То есть в районе Толочина он был в 9 часов утра. Запомним этот факт.

Полк "молодой" гвардии, в рядах которого служил сержант Бургонь, выступил из Коханово утром. Адъютант встретился с полком на подходе к Толочину. "2-й золотой обоз" неторопливо двигался от Толочина к Бобру. Но никто в самом обозе и его охране теперь не знал конечный пункт назначения. Скорее всего, у начальника обоза имелся секретный приказ императора, полученный им после того, как Наполеону стало известно о падении гарнизона Борисова. И мы подозреваем, что ему были даны полномочия при первой же серьезной опасности спрятать ценные грузы. Это произошло довольно скоро.

В 14 часов, едва миновав деревеньку Тростянка, "2-й золотой обоз" подвергся мощнейшей атаке казаков. Если учесть, что численность охраны составляла 400 человек, а нападающих было не менее 200, то понятно, что атака была крайне опасной. При этом никто толком не знал, каковы на самом деле действующие против транспортного отряда силы. Эти казаки могли представлять только небольшой отряд более крупного русского соединения. Французам удалось отбиться, но не было никакой гарантии в том, что через какое-то время не последует более мощная атака, на этот раз с применением артиллерии. К тому же именно в это время "2-й золотой обоз" оказался в своеобразном вакууме. Конницы Удино и Понятовского умчались из Бобра к далекой Лошнице, а полки егерей и гвардии сильно отстали и топтались около деревень Романовка и Матиево.

Таким образом, при серьезной опасности прийти на помощь солдатам, охранявшим наиценнейшую часть московских трофеев, было фактически некому. В этих условиях начальник обоза был вынужден принять решение о скорейшей ликвидации груза. Следовало лишь выбрать подходящее место. Вскоре после боя, наскоро приведя нарушенный строй фургонов в порядок, возницы двинулись дальше. Примерно в 13 часов обоз резко свернул влево. Впрочем, относительно успешное продвижение повозок и фургонов было прервано примерно через 800–900 метров, когда головная повозка неожиданно накренилась и свалилась в скрытый снежным сугробом овраг, связанный с водной системой реки Плиса.

Проехать далее было невозможно, и повозки еще раз свернули влево. Двух лошадей, тех, что тащили повозку до падения в овраг, распрягли и увели вместе с основным обозом. Саму же повозку оставили внизу, поскольку вытащить ее было невозможно. Для охраны перевозимых ценностей около нее оставили двух егерей и уже упоминавшегося выше солдата Пикара. Однако егерям было холодно, и вскоре они ушли вслед за обозом. Вместо них появились мародеры из числа разрозненно отступавших небольших групп так называемых "волонтеров". Разграбив повозку, они торопливо ушли в сторону большой дороги, а Пикар остался, поскольку был на посту, да и побоялся (а может быть, просто поленился) идти в одиночку.

Прошло несколько часов. Уставший Пикар забрался в ящик повозки, где было довольно тепло, и уснул. Примерно через час что-то сильно стукнуло по крышке его пристанища, и снаружи раздалась сильная ругань. Поскольку ругались по-французски, то Пикар безбоязненно приподнял крышку. Каково же было его изумление, когда он увидел своего старого знакомого, сержанта Бургоня (они были знакомы еще

по совместной службе в Париже). Они расспросили друг друга о последних новостях, затем вместе забрались в повозку и проспали до полуночи. Затем развели костер и какое-то время отогревались. После этого они вновь улеглись в повозку. Некоторое время в лесу было тихо, и они смогли спокойно выспаться.

Под утро, в 4 или 5 часов утра, рядом с ними зазвучали кавалерийские рожки, по краю оврага промчался полк русской кавалерии. На полуопрокинутую повозку никто из всадников не обратил внимания, но перепуганные до смерти французы еще долго лежали, тревожно затаив дыхание. Только в 6 часов утра 23 ноября, когда забрезжил рассвет, они выбрались из оврага и пошли по полю в направлении большого леса. Избрали они это направление по одной-единственной причине – именно туда уходили следы ушедшего обоза. На полпути до дальнего леса им встретился еще один довольно глубокий овраг. Они перешли через него и через некоторое время добрались до леса. Шли они больше часа. Ветер дул им в спину. Поскольку ветер был северо-западный, то нетрудно сообразить, что двигались они на юг. Заметенные вьюгой следы обоза они потеряли, но надежда отыскать своих сослуживцев их не оставляла.

Достигнув леса, Пикар и Бургонь пошли вдоль его опушки на восток, то есть совершенно в противоположном направлении от движения французской армии. Конечно, им бы нужно было возвращаться на северо-запад, к большой дороге, но у них не было компаса, а небо в тот день было закрыто плотными, быстро несущимися облаками. Наконец они увидели плоское, занесенное снегом пространство, которое было похоже на большое озеро, и начали огибать его со стороны леса. Обогнув большую часть озера, они неожиданно вышли на остатки большого бивуака.

Кто же мог занимать накануне это место? Какой большой отряд? Может быть, тут останавливались те самые казаки, которые накануне напали на императорский обоз? На месте бивуака товарищи увидели несколько слабо чадящих костров и 7 дохлых лошадей. Они начали осматриваться вокруг с опаской и через некоторое время заметили, что пространство озера пересекает не менее 25 всадников, выдвинувшихся со стороны небольшой деревеньки. Но, к счастью, двигались они достаточно далеко от них, вне дистанции прямого выстрела (то есть метров за 300). Французы незамедлительно спрятались в невысоких елках. Вскоре показалось еще 5 всадников, которые ехали на вдвое меньшем расстоянии от их леса.

Вскоре оба отряда встретились на середине озера у громадной проруби, около которой спешившиеся казаки принялись поить лошадей. Стоит отметить одну деталь. Казаки разбивали лед своими пиками, что совершенно невозможно себе представить, если бы лед на проруби не был совсем свежим. В ту пору лед на озерах достигал 20–25 см и пробить его, не имея пил и топоров (чего у казаков точно не было), совершенно невозможно. Это подтверждает и сам Бургонь:

"Мы попробовали топориком прорубить лед, чтобы достать воды для варки супа, но у нас не хватило ни сил, ни терпения".

Но супом, разумеется, они занимались позже, когда казаки, напоив своих лошадей, ускакали. Тогда же они стали невольными свидетелями ужасной сцены. Они увидели бегущих по глади озера трех солдат французской пехоты, за которыми гнались три казака. Добежав до середины озера, трое пехотинцев разом провалились в воду. Казаки, мчавшиеся за ними во весь опор, увидев это, попробовали остановить разогнавшихся лошадей, но не успели и тоже рухнули в ту же самую полынью. Никто из шестерых из гибельной ловушки так и не выбрался.

Здесь у нас возникают два абсолютно резонных вопроса. Кто останавливался здесь на бивуаке? Кто и зачем проделал на середине озера столь громадную прорубь?

Нам представляется, что ответы на эти вопросы однозначны. Столь большую прорубь, причем на весьма большом удалении от деревни, вряд ли стали бы делать деревенские жители. Им это просто ни к чему. Проруби делаются к берегу поближе и размером поменьше. Туда, конечно, может провалиться один человек, но чтобы сразу трое, причем на лошадях! Вряд ли.

Сантиметровый лед образуется при сильном морозе в стоячем водоеме всего за несколько часов. Значит, толстый лед был удален в центре озера только минувшей ночью, и сделали это не крестьяне и не казаки. Вспомним, что именно в этом направлении вчера вечером двигался императорский обоз. Получается, что стоянку здесь занимали, причем довольно длительное время, сослуживцы Бургоня и Пикара.

Так что они варили свой суп из конины как раз на берегу того самого озера, в котором накануне был утоплен "2-й золотой обоз". Какие-либо иные толкования не приходят в голову. Закопать груз сотен повозок было совершенно нереально. А утопить их можно было только в данном водоеме. Но двое французов об этом даже не догадывались, поскольку им было не до того. Впрочем, давайте проследим далее за заблудившимися приятелями.

Пообедав, они двинулись в обратном направлении, стремясь как можно скорее встретить своих. Но сделать это оказалось не так-то просто. Выйдя из леса на открытое пространство, они очень быстро были замечены двумя казаками, которые двинулись вслед за ними. Пришлось им снова углубиться в лес, в котором было очень много снега и бурелома. Но казаки не отставали. Так они шли полчаса, после чего увидели большой снежный вал, который тянулся вправо и терялся в овраге на равнине. Казаки повернули

лошадей и направились в овраг, надеясь объехать высокий вал. А Пикар с Бургонем перелезли через вал, и вышли на открытое пространство.

Через полкилометра казаки показались вновь. Произошла перестрелка, в результате которой Пикару (а он в свое время брал призы по стрельбе) удалось подстрелить одного казака, после чего второй ускакал и скрылся в овраге. Так им удалось приобрести лошадь. Через некоторое время они вышли на незнакомую им лесную дорогу и поехали по ней, поскольку она вела в направлении на северо-запад. Ехали они довольно долго, но не встретили на пути ни одной деревни.

На большую дорогу они выбрались где-то в районе населенного пункта Бобр, раскинувшегося на берегу одноименной реки. Дорога была совершенно пустынная, и они повернули лошадь на запад, в сторону Крупок (что в принципе было вполне логично). Вскоре они миновали Крупки, по-прежнему не наблюдая никаких следов армии. Вокруг стоял вековой лес, и вновь никаких населенных пунктов. Они прищипорили лошадь (благо она была крепкой и хорошо откормленной) и доехали до селения Острово-Нача. За 3,5 часа они покрыли расстояние примерно в 20 км. Опустились сумерки, у почтовой станции злобно лаяли собаки, и им стало понятно, что зря так торопились, поскольку армия до этих мест еще не дошла. Дело в том, что собаки моментально отлавливались голодными солдатами и съедались.

Переночевав, 24 ноября они прихватили в провожатые местного еврея, назвавшегося Самуилом, и вновь пустились в путь. Возвращаться назад они были вовсе не намерены, поскольку двигаться впереди основной армии было хотя и опасно, но зато более сытно. Шли лесными дорогами, стараясь не выходить на основной тракт во избежание встречи с казаками. Во время путешествия они слышали далекий грохот пушек (бой происходил в двух верстах от деревни Батуры, о чем говорилось в главе "Сгинувшие обозы маршала Виктора"). Уже затемно они набрели на одинокую избу, где и заночевали.

Встали рано и в 5 часов утра (25 ноября) отправились в путь. Через 7 или 8 верст вышли на большую дорогу и далеко на востоке увидели приближающуюся к ним голову французской армейской колонны. Если бы Пикар и Бургонь задержались на этом месте еще пару часов, то смогли бы воочию наблюдать, как по приказу Наполеона у перекрестка дорог зарывается очередной громадный клад (более 1200 кг только монет). Но они не присутствовали при этом. (Мы обязательно сюда еще вернемся.)

Друзья, разумеется, некоторое время ждали приближения колонны. Вскоре из нестройных рядов проходящих мимо сводных полков и поредевших рот вдруг раздался изумленный возглас:

– Смотрите, как будто бы это Пикар стоит!

– Да, это я, – немедленно отозвался старый гренадер, – друзья мои! Я самый, и теперь не покину Вас до самой смерти!

Офицер спросил Пикара, откуда он взялся и как очутился впереди всей армии, в то время как 400 человек охраны, сопровождавшие императорский обоз в его последний путь, вернулись обратно на большую дорогу в 10 вечера еще 22 ноября? Надо полагать, что в ответ он услышал тот самый рассказ, который вы только что прочитали.

Не правда ли, трогательная история? И главное, весьма информационно насыщенная. Как же эти сведения были использованы в дальнейшем? Как происходил поиск этих захороненных сокровищ? Обратимся с этим вопросом к известному поисковику и исследователю-любителю, много лет изучающему судьбы исторических кладов наполеоновского периода – В.Т. Смирнову. Вот что он рассказал по этому поводу.

"Что же касается так называемого "Императорского золотого обоза", то здесь все много сложнее. Изучив документы и подробные карты 1812 года, я приехал на то место, где ночевали полки "старой" и "молодой" гвардии в ночь на 22 ноября, и где во 2-й полк старых гренадеров была возвращена по приказу Наполеона охрана императорского обоза. Место это – старый екатерининский шлях. Справа и слева от дороги растет вековой лес – большие сосны. Лес тянется вдоль дороги четыре версты, но в 1812 году он тянулся много больше. Деревень, речки и колодцев нет. Охрана обоза сопровождала большой транспорт императорской квартиры примерно в 200 повозок с московскими трофеями. Следы пропавшего обоза теряются в том месте, где была переправа через овраг.

Я пришел на то место, где теряются следы обоза. Стал соображать, куда он мог направиться. Было три возможных направления движения. Строго на юг в сторону большого леса, который растет у высоты "196". На запад, вдоль оврага, либо на восток, тоже вдоль оврага, в направлении деревни Химец, до которой было около версты. Но мне показалось, что самый лучший вариант – двинуться на юг, к лесу, туда, где можно было укрыться на ночь, так как уже наступали сумерки. Этот маршрут вполне мог привести обоз на край большого леса, прилегающего к искомому озеру. Это озеро имело в 1812 году следующие размеры: длина – 1200 метров и ширина – 400 метров. От этого озера до места, где охрана вернулась в свой полк, шесть или семь верст. Утопив драгоценный груз на середине озера, охранники и сопровождаемые ими пустые подводы вполне могли преодолеть это расстояние всего за час.

По описанию французов данное озеро имело следующие признаки и приметы: с той стороны, где не было леса, на пригорке находилась небольшая деревушка. На противоположной стороне озера рос большой лес, на берегу же росли небольшие сосенки и кусты. Из тех же документов следует, что лед на

озере был достаточно прочный, выдерживал и всадников и телеги, запряженные парой лошадей. Кроме того, известно, что в тот вечер, когда охрана обоза вернулась в свой полк, до 9 вечера светила полная луна и вся местность, покрытая нетронутым снегом, просматривалась даже ночью на две – три версты.

Итак, чтобы отыскать пропавший "Золотой" обоз, мне пришлось в самом начале поиска найти тот овраг, куда свалилась головная повозка, запряженная парой лошадей, и где встретились: гренадер Пикар, сопровождавший императорский обоз и его старый товарищ по совместной службе – сержант Бургонь. Разыскав это место, я двинулся вдоль оврага налево, т. е. в ту сторону, куда свернул обоз, пытаюсь найти проход через этот овраг. Пройдя примерно 800 метров, увидел, что в этом месте есть удобный выезд из оврага, и именно здесь императорский обоз мог свободно переправиться на другую сторону и проследовать дальше. Переправа здесь происходила днем в три часа пополудни 22 ноября 1812 года. 400 человек охраны возвратились примерно в 10 вечера. Таким образом, получалось, что обоз был надежно захоронен всего за 6–7 часов.

Я распределил это время следующим образом: один или полтора часа на движение к озеру, где он мог быть спущен под лед, два или три часа нахождения на озере и затем один или полтора часа на возвращение в свой полк. Мне тогда казалось, что именно таким образом вся операция по захоронению и была осуществлена. Ведь исходная легенда, на которую я опирался, прямо указывала на то, что императорский обоз был именно затоплен, а не зарыт. Вот это-то озеро мне и предстояло найти в этом районе. Итак, из трех возможных направлений я избрал направление на юг и двинулся по нему, сверяясь с показаниями компаса. Пройдя полторы версты, я (равно, как и разыскиваемый обоз) встретил уже другой овраг и, естественно, повернул вдоль него. Пробриться напрямую телеги не имели ни малейшей возможности...

Вот уже причуды исторических совпадений. Ведомый исключительно здравым смыслом, я неожиданно для себя вскоре вышел на берег довольно большого озера, причем именно в том его месте, где в 1812 году случилось некоторое время стоять имперскому обозу в ту роковую ночь, как он был безжалостно утоплен. А совсем недалеко от себя я увидел и ту деревню, о которой упоминали в своих воспоминаниях французы и в которой ночевали те самые солдаты, что разграбили упавшую в овраг головную повозку обоза. И так сложились потом обстоятельства, что именно на это озеро пришли на следующее утро (т. е. 23 ноября) наши приятели Бургонь с Пикаром. Сомнений у меня больше не оставалось. У большого, двухсотподводного транспорта не было иного пути, и, следовательно, именно здесь окончил свои дни "Второй золотой обоз"!

Совпадали все приметы, приводившиеся в воспоминаниях многих участников тех событий. Я весьма благодарен за это сержанту Франсуа Бургоню, адъютанту де Кастеллану, Евгению Богарне и прочим мемуаристам".

Дадим небольшой комментарий к воспоминаниям заслуженного поисковика. Смотрите, как просто и в то же время изящно был найден самый, пожалуй, крупный и самый ценный ликвидационный клад, оставленный в России Наполеоном I. Этот самый тщательно охраняемый и оберегаемый на всем пути следования от Москвы груз, широко известный всем поисковикам, как "Второй золотой обоз", был затоплен только тогда, когда везти его далее уже не было смысла. Наполеон понимал, что еще день-два, и тащить 200 повозок с ценностями не будет никакой возможности. А ведь это была громадная тяжесть. Пусть каждая повозка обоза везла всего по 400 кг груза. Все равно получается просто фантастическая цифра – 80 тонн! Отсюда проистекает и столь длительное время, понадобившееся возницам, чтобы утопить перевозимое имущество.

Как же можно отыскать заветное озеро? Попробуем шаг за шагом проследовать за обреченным обозом. Нужно иметь в виду, что к этому озеру не было никаких дорог. Поэтому путь туда занял примерно полтора часа, поскольку приходилось идти на ощупь, по довольно глубоком снегу. Преодолевать овраги тоже было непросто. Но вот, наконец, показалось и озеро. На его берег головная часть обоза выбирается уже в сумерках. Но французам это только на руку – темнота весьма способствует сохранению тайны.

На некотором отдалении (ближе к сосновому бору) они разожгли небольшие костры и отправили часть солдат пробивать лед. Глубина озера "могильщикам" была неизвестна, и промерять ее тоже было некогда. Начальник обоза ограничился тем, что приказал устроить прорубь ближе к его центру, полагая, что именно там глубина наибольшая. Ведь император приказал ему так спрятать трофеи, чтобы достать их было совершенно невозможно.

Устроить подходящего размера прорубь тоже было не просто. Лед достигал толщины 20–25 сантиметров, и чтобы выпилить полынью размером хотя бы в 2 или 4 метра, им понадобилось не менее часа. К тому времени стемнело совершенно, и только несколько факелов освещали место действия. Но вот все готово и начинается процесс затопления. Возницы, гревшиеся до этого момента у костров на бивуаке, берут лошадей под уздцы и ведут их к проруби. С каждой стороны проруби легко помещается по телеге. Специально назначенные солдаты из охранения начинают торопливо сбрасывать в воду то, что с таким трудом и с такими жертвами притащили из Москвы в самый центр Белоруссии.

На разгрузку двух телег уходит немного времени (от 3 до 5 минут), но напомним, что телег примерно

две сотни, и разгрузка затягивается минимум на 2 часа. К 9 часам вечера все кончено. Освободившиеся от груза телеги неторопливо двигаются обратно. Тут же, на бивуаке, французы добивают падающих от усталости лошадей и производят перепряжку полегчавших повозок.

Какова же примерно нынешняя стоимость сброшенного на дно озера драгоценного имущества? Вопрос вполне закономерный, но как ответить на него, не достав спрятанного?

Можно только гадать. Грубый подсчет может вывести нас на цифру от 100 до 500 миллионов долларов. Все равно сумма получается потрясающая. Вот только воспользоваться сокровищами вряд ли удастся. Почему? Да потому, что за время, прошедшее с момента затопления основной массы московских трофеев, местность в тех местах преобразилась настолько радикально, что и без того надежно укрытые ценности стали еще более недоступны.

Там, где некогда было красивое озеро, теперь расстилается зловонное, смертельно опасное болото. Человеческая деятельность привела к тому, что здесь возникла зыбучая трясина. Через нее невозможно не только протащить какую-либо технику, но даже просто пройти. Неоднократно там погибал домашний скот, и люди туда даже не суются. Но, разумеется, с современной техникой можно творить чудеса. Если вложить в проект миллион долларов, то, возможно, удастся осушить это болото. Вот только незадача. Местность эта находится на территории современной Белоруссии, то есть другого государства. Так что приходится только терпеливо ждать... Вот только чего?

23 ноября

"Колонны главной армии двигаются с трудом. Вышли из Толочина еще с рассвета и остановились уже темной ночью. Эти бесконечные переходы, медленные и скучные, раздражают и утомляют солдат. В конце концов, они разбегаются, и ряды войск все более редуют. Многие сбиваются с большой дороги в мрачных огромных лесах, и нередко, лишь проблуждав целую ночь, находят, наконец, свой полк. Сигналы не давались больше ни к выступлению, ни к остановкам. Заснув, рисковали пробудиться в неприятельских руках".

"Император прибыл в Бобр. Он приказывает образовать 4 отряда "почетной" гвардии, составленных из всех офицеров кавалерии, у которых еще остались лошади (примерно в 500 человек). Дивизионные генералы будут капитанами или лейтенантами, бригадные генералы – подлейтенантами. Орлы (имеются в виду особые украшения для знамен) кавалерийских полков сожжены; мы уверены, что таким образом их у нас не отнимут".

"Государственная канцелярия сожгла свои бумаги; Дорю настаивал на этом, начиная с Гжатска, где мы начали уничтожать свои обозы".

"8-й вестфальский корпус под командой герцога Жюно совершенно разгромлен; в нем осталось 200 человек пехоты и 100 кавалерии".

"В холодный ноябрьский вечер 23 ноября среди дремучих лесов сходились французские армии на ночлег вокруг Бобра. В Бобре Наполеон встретил часть войск маршала Виктора. Хорошо экипированные и вооруженные".

"Поздно вечером в 22 или 23 вечера прискакал от Удино адъютант с донесением, что Борисов взят".

"В этот день погибло много лошадей из-за трудностей добычи фуража и воды для лошадей. Ночью в Толочине умер адъютант Жиру".

Товарищи Бургоня рассказывали ему, что когда они шли 23-го по дороге, пересекающей лес у Бобра, они видели полки маршала Виктора.

24 ноября

"24 ноября 1812 г. Императорская штаб-квартира перенесена из местечка Бобр в Лошницу. Плохое пристанище, сплошные леса. Даже сам император, отправившийся в 8 часов утра и прибывший в Лошницу в 7 часов вечера, помещен очень неудобно. Мы слышим канонаду герцога Беллунского в 25 верстах вправо от нас. (Виктор сдерживал атаки Витгенштейна, в районе селения Черя.) Маршал Удино находится со 2-м корпусом в г. Борисове. Вчера у него было удачное дело, он вытеснил неприятеля (армию генерала Чичагова), который отступил, сжег мост, но побросал все свои экипажи. Число солдат, отстающих от армии, значительно увеличивается с каждым днем. Солдаты умирают от голода под знаменами. Корпус маршала Нея состоит теперь из 600–700 человек. По-прежнему идет снег".

"Прибыв сюда (в Бобр), император приказал генералам Эбле и Шаслу выступить в 6 утра со всеми своими саперами, захватить все оставшиеся у них инструменты, и идти немедленно в Борисов для починки мостов на реке Березине, в тех местах, какие будут им указаны герцогом Удино. Они должны быть там еще до наступления ночи и 25-го на рассвете начать работы.

Наступил холод, и дороги опять заледенели. Император переносит главную квартиру в Лошницу".

24 ноября из Бобра последовало повторное предписание отрядам Зайончика (поляки), Жюно

(вестфальцы), Клапареду и всем прочим корпусам сжечь все излишние фургоны и экипажи.

Генерал Роос прибыл в Бобр 24 ноября после полудня, т. е. когда Наполеон с гвардией выступили оттуда, и был на пол-пути к Лошнице.

25 ноября

"От Лошницы наполеоновская армия двигалась в следующем порядке: Императорская группа, за которой двигалось до 800 человек офицеров и унтер-офицеров. Потом шла императорская гвардия и егеря. Затем 1-й полк старших гренадеров и 2-й полк старших гренадеров. (Пикар ждал целый час, пока подойдут его сослуживцы.) Вслед за ними шло примерно 30 000 прочего войска. В арьергарде шагали полки "молодой" гвардии, а за ними часть артиллерии и зарядные ящики. (Большая часть боеспособной артиллерии под командой генерала Негра была уже впереди.) Среди ночи мы прибыли в Старый Борисов. Наполеон остановился в 2-х этажном доме на втором этаже".

"25-го числа мы вышли на большую дорогу (Пикар с Бургонем) недалеко от Лошницы. Через некоторое время я увидел колонну шедшую по дороге в нашу сторону. Первыми, кого я увидел, были генералы, некоторые ехали верхом, но большинство шло пешком, остатки "священных" батальона и эскадрона, которые были сформированы 22 ноября и от которых теперь остались лишь жалкие следы. Затем я увидел императора. Он шел пешком с палкой в руке. Он был закутан в длинный плащ, подбитый мехом, а на голове его была шапка малинового бархата, отороченная кругом черно-бурой лисицей.

Справа от него шел король Мюрат, а слева принц Евгений (Богарне), далее маршалы Бертье, маршал Ней, Мортье, Лефевр и другие маршалы и генералы. За генералами шла колонна, состоящая сплошь из офицеров и унтер-офицеров, что-то около 800 человек. За офицерской колонной шла пешая гвардия – впереди егеря, за ними старые гренадеры. Я не видел армии целый месяц с 25-го октября (!!!).

Когда показался мой 2-й полк, я присоединился к своему батальону. Меня узнали и стали приветствовать. Когда колонна остановилась, офицер спросил меня, откуда я взялся и почему очутился впереди, когда все, которые подобно мне (Пикару) сопровождали обоз, уже вернулись три дня тому назад?"

Я не зря подчеркнул эту фразу, она в очередной раз доказывает, что особый обоз с трофеями ("2-й золотой") двигался впереди всей армии, стараясь не сбавлять скорость передвижения ни при каких обстоятельствах. Причем заметим, что отрыв от армии был осуществлен скрытно и сразу же после сражения при Малоярославце (а это случилось именно 25-го).

"На половине перехода, в приметном месте, где дорога раздваивалась и у обочины торчал большой пень, Наполеон слез с лошади и долго глядел на бежавшие толпы".

"Мы, генеральный штаб, подходим к Борисову. Я видел, как Наполеон, сидя в экипаже, диктовал какой-то приказ начальнику штаба Бертье".

Место, где стоял император, весьма примечательное. И стоял он там не один. Именно здесь жандармы проводили своеобразную селекцию, отделяя из общей массы отступавших войск небоеспособных солдат без оружия, беженцев, торговцев и раненых. Всю эту массу неорганизованных людей направляли в сторону Неманицы. Боеспособные же части разворачивались на Борисов. И именно на этом участке дороги случилось следующее событие.

Касса маршала Жюно

Начало этому поисковому эпизоду было положено уже после окончания Отечественной войны 1812 года. Случилось так, что ровно через 80 лет в Неманицу приехали два француза. На ломаном русском языке они принялись расспрашивать местных крестьян о некоей острой железке, торчащей из толстого дерева. Они сулили немалое вознаграждение каждому мало-мальски наблюдательному мужику, кто согласится проводить их к помеченному таким необычным образом растению.

Разумеется, искали они вовсе не ржавую железку, их наверняка привлекало сокровище, спрятанное вблизи столь необычной отметки. Почему же французы, а это были, скорее всего, внуки тех, кто зарывал клад, сразу не отправились на заветное место? Вопрос не праздный. И чтобы разобраться в нем, следует мобилизовать все сведения о событиях, которые происходили в этих местах в 1812 году.

Французы здесь появлялись только один-единственный раз, а именно 25 ноября 1812 года. И положение их было таково, что они вполне могли закопать в этом месте некие обременявшие их ценности. Вспомним, что в окрестностях этой рядовой белорусской деревушки стоял Наполеон Бонапарт и вместе со специально выставленными вдоль дороги жандармами внимательно следил за формированием ударного отряда прикрытия, призванного обеспечить переправу через Березину.

Он уже имел "удовольствие" преодолевать со своей армией водные преграды и знал, что скученность и сумятица в местах переправ гарантированы. Что могло прикрыть это беззащитное скопище бегущих людей и лошадей от губительных казачьих налетов? Только артиллерия могла обеспечить надлежащее

прикрытие. Но и без того немногочисленные французские батареи еще следовало как-то дотащить до места будущей переправы, по возможности не потеряв ни одного орудия, ни одного зарядного ящика. А для выполнения этой задачи нужны были лошади, причем с двойным запасом. Ведь истощенные лошади падали каждый день сотнями.

Наполеон писал очередной приказ о конфискации лошадей в артиллерийские упряжки. Сам же и начал свой указ претворять в дело. Своим пальцем указывал на тележки и фургоны, лошадей которых следовало немедленно отцепить и передать специально выделенным офицерам. И вполне возможно, что в это время ему под горячую руку мог попасться один или несколько фургонов, перевозивших денежные средства "1-го золотого обоза", охранявшегося на тот период солдатами маршала Жюно.

Разозленный общим неважным видом своего растрепанного и изможденного воинства, император мог запросто приказать немедленно закопать бочонки с монетами, а перевозивших каждый номерной фургон четверку лошадей тут же сдать в артиллерийский парк. В конце концов, денег в его армии было еще достаточно, а вот лошадей могло и не хватить.

Отсюда можно сделать вывод, что закапывали монеты именно те, кто их и перевозил, т. е. возницы и кассиры. Но раз потомки тех, кто прятал серебряные монеты, не поленились прибыть из Франции в далекую Россию, то они наверняка имели как минимум рукописный план места захоронения. Понятно также, что план этот был со значительным изъяном. Он был плохо (вернее будет сказать, весьма приблизительно) привязан к самому главному ориентиру – самой деревне Неманица.

Ведь как обычно прячутся клады до востребования? Они, как правило, имеют тройную систему опорных ориентиров.

Первый ориентир – основной – обычно связан с той местностью, где спрятан клад. В качестве основного ориентира берется либо населенный пункт, либо приметное строение вблизи заветного места – замок, усадьба, церковь, высокая гора или плотина на конкретной реке. Вторым ориентиром – местным. Им может быть небольшое здание, длинная канава, валун, перекресток дорог, слияние двух рек, группа деревьев и т. д. И последний ориентир – уточняющий – непосредственно указывает, где же следует копать.

Но что можно взять за ориентир в конкретном громадном лесу? Дерево? Да их там миллион и все одинаковые! Следовательно, те люди, которые прятали ценности вблизи Нема-ницы, были изначально поставлены в крайне неудобное положение. Им необходимо было так спрятать ценности, чтобы потом их все же можно было бы как-то отыскать. А поскольку ничего, кроме деревьев, вокруг не было, то они постарались использовать их с максимальной выгодой для себя. Подумаем и мы, как же можно использовать деревья в качестве местных и уточняющих ориентиров? Поставим себя на место людей, зарывающих что-то в лесной чаще.

Разумеется, выбирались не простые деревья, а деревья приметные, особого вида. Для такого рода дел обычно используются либо дубы, либо старые, изуродованные сосны. В лесах у Неманицы, к сожалению, полно и тех и других. Но ведь кассиры могли подыскать отдельно стоящую группу деревьев, либо некую пространственную комбинацию из нескольких приметных деревьев, образующих геометрическую фигуру, например треугольник или квадрат. А та железка, которую так усердно искали приезжие французы, наверняка являла собой уточняющий ориентир, прямо указывающий на место захоронения ценностей.

По сохранившейся легенде следовало, что в некий дуб был вколочен какой-то нож. Скорее всего это – строевой тесак, который был на вооружении французской армии. Тесак – оружие солидное и довольно прочное: примерно 70 сантиметров длиной, толщина лезвия не менее 5 мм.

У приехавших за "наследством" французов была еще одна трудность, причем весьма существенная. Им предстояло отыскать самый главный (основной) ориентир. Как же они справились с данной задачей, когда в однообразном лесу ничего подобного отыскать практически невозможно?

Давайте представим себе, что же именно могли нарисовать в своем плане закопавшие ценности казначеи? Лес и в нем в лучшем случае несколько приметных деревьев. А между деревьев яму, или, допустим, просто непритязательный крестик. Но вы сами прекрасно понимаете, что искать в лесу (а он тянулся в то время почти на 10 верст) одиночное дерево, пусть даже и с вколоченным в него тесаком, дело абсолютно безнадежное. Значит, кроме всего прочего, на плане должен был быть указан первый же попавшийся им на дороге населенный пункт, то есть Неманица. Но вписано это название в план было уже после того, как ценный груз был закопан, поскольку на момент сокрытия целой кучи бочонков с монетами поблизости не было ни одного населенного пункта или даже одиночного дома.

В Неманице был замечательный и, главное, надежный ориентир. В этой деревне с давних пор стоял (и стоит до сих пор) основной ориентир, которым являлся для возниц каменный верстовой столб под № 7. Именно этот столб и был центральной приметой для тех стародавних поисковиков.

А что же мы, современные поисковики? Что мы получили в качестве путеводной нити? Честно скажем, очень немного. Только легенду о том, что в Неманицу приезжали странные французы, искавшие дуб с вколоченным в него клинком, да небольшой абзац из 4-го тома книги Михайловского-Данилевского "Описание Отечественной войны 1812 года".

"Когда Наполеон ночевал в Лошнице, в ту ночь с 24-го на 25-е ноября сделалось холодно, стужа

стянула землю и подавала французам надежду, что болота, окружавшие Березину, замерзнут. Не предвидя возможности без кровопролития овладеть переправой, Наполеон хотел сам взглянуть на гвардию и армейские корпуса и удостовериться в том, сколько еще осталось людей способных к сражению. Строевым рапортам доверять он не мог. На половине дороги (примерно на 8-й версте) сошел Наполеон с лошади, стал на краю дороги и глядел на бежавшие по гололедице толпы".

Теперь постараемся из столь необычной и малополезной информации вычленить нечто конкретное, то, что может привести нас в нужное место, где предположительно лежат немалые ценности.

Представляется очевидным, что раз в глухую белорусскую деревеньку приезжали двое французов, да еще и денег сулили тому, кто укажет нужный дуб, то вблизи того дуба наверняка нечто спрятано. И это нечто немалого стоит, раз через столько лет об этом захоронении вспомнили и решили его отыскать. Нашли ли в лесу старинный клад или нет, нам неизвестно. Однако, понимая, что задача перед французами стояла практически неразрешимая, мы все же надеялись на то, что им не повезло. Но как же искать спрятанное имущество? Исходные, стартовые условия у нас были гораздо хуже, чем у французов. У тех наверняка была карта, пусть и самая захудалая. Мы же могли воспользоваться только общеизвестными сведениями. Но, опираясь на них, мы могли попробовать реконструировать события конца ноября 1812 года и попытаться хотя бы примерно вычислить то место, где была зарыта одна из войсковых касс.

Приведенные выше отрывки и описание места действия показывают, что в общем и целом мы с этой задачей справились неплохо. Отдать приказ на перевод лошадей из транспортных колонн в артиллерию раздраженный потерей борисовского моста Наполеон мог только в одной-единственной точке – на промежуточном привале, как раз посередине громадного векового леса, раскинувшегося вблизи Борисова. Для двухчасового отдыха императора было устроено согревающее кострище, на расстоянии двух верст до того места, где ныне стоит современная Неманица, и там, где с основной дорогой пересекалась дорога из Ратулиц. Во всяком случае, многие мемуаристы упомянули про этот факт в своих воспоминаниях.

Оставалось лишь приехать на это памятное место и отыскать на подходе к Неманице дорогу, по которой некогда шел старый екатерининский шлях. Впрочем, с этим вопросом разобраться оказалось проще всего. Удивительно, но, проведя довольно много времени в местах, связанных с наполеоновским нашествием, мы неоднократно натыкались на достаточно хорошо сохранившиеся участки старинных дорог с гравийным или каменным покрытием. Вот и здесь, прямо за поселком Первомайский, нам удалось отыскать вполне прилично сохранившийся отрезок "Трансроссийской столбовой дороги", выстроенной еще при Екатерине Великой.

Советуем всем поисковикам, прежде чем начинать свои изыскания, обязательно осмотреть местность и найти остатки какого-нибудь старого тракта. Иметь в качестве одного из ориентиров отрезок исторической дороги, по которой, например, некогда шли солдаты "Великой армии", очень полезно. Так вы сразу получите опорный репер (как географический ориентир), от которого гораздо легче отмерять и обследовать поисковые полигоны. Именно такая благополучно обнаруженная привязка помогла нам отыскать одно удивительное место, которое было связано с историей утраты и последующих поисков французами денежной кассы Вестфальского корпуса.

Итак, мысленно перемещаемся во времени назад и попадаем на пустынную дорогу, тянущуюся по матерому смешанному бору из городишка Крупки через Лошницу к Борисову. Сильно растянувшаяся французская армия, несколько облегчившая свое продвижение тем, что целиком и полностью освободилась от "2-го золотого обоза", напрягала последние силы, спеша к спасительному Борисову в котором стоял французский гарнизон и Наполеон надеялся дать полноценный отдых своим потрепанным войскам и хотя бы частично заменить измотанных лошадей.

Однако на этот город также имело большие виды и командование русской армии. Тактика разрабатывалась все та же, уже не раз опробованная. Планировалось обойти Борисов с запада, выбить оттуда немногочисленные войска противника и запереть коалиционную армию в своеобразном "котле", не дав ей спокойно переправиться через все еще не замерзшую Березину. Иными словами, готовилось нечто весьма похожее на операцию при городе Красный, только в гораздо большем масштабе. Что из этого получилось впоследствии, расскажем чуть позже. А сейчас хотим обратить ваше внимание на тот факт, что накал страстей и событий, происходивший вокруг города Борисова, был настолько силен, что вблизи этого ничем в общем-то не примечательного городка отступавшими французами было спрятано как минимум четыре крупных клада. О кладе солдата Иоахима мы уже рассказывали, и хотелось бы рассказать о втором известном кладе.

Итак, дорога, по которой шли французы, была найдена, и необходимо было осмотреть ее всю, начиная от самой Неманицы. Тщательный осмотр неплохо сохранившегося дорожного полотна и кюветов позволил выявить всего несколько мест, где массивный фургон мог бы съехать в сторону от дороги. Одно из таких мест приглянулось нам особенно, поскольку именно там, совсем недалеко от правого кювета, удалось отыскать очень интересный объект. Он представлял собой странный прямоугольник на почве, размером 4 на 6 метров, густо заросший матерой крапивой. Такие прямоугольники можно иной раз встретить в заброшенных деревнях, на тех местах, где сгорели дома или сараи. Но здесь, в глухом лесу,

наверняка не было никаких строений. Этот крапивный прямоугольник был найден всего в 70 метрах от наиболее удобного съезда в лес.

Скорее всего, решили мы после короткого совещания, в этом месте был некогда разожжен большой костер, столь жаркий, что на этом месте, кроме крапивы, так ничего потом и не прижилось. Не исключено, что на этом костре сжигали не сучья, а разбитые телеги и дрожки. А раз так, то и перевозивший ценности фургон тоже мог сгореть здесь.

Для проверки нашей догадки пришлось выкопать небольшой шурф, в глубине которого действительно отгаскались древесные угли, перекаленная глина и изуродованные огнем металлические детали от повозок. Найденные предметы однозначно подтвердили нашу версию. Что ж, удобный съезд на поляну и громадный костер, в котором горели экипажи, это уже было кое-что. Но остальное было покрыто мраком неизвестности: в какое дерево вколотил свой тесак французский кассир, и как далеко от дороги оно росло.

Однако мы сразу обратили внимание на два весьма интересных обстоятельства. Первое – данный уголок большого леса изобилует старыми дубами. Второе – далеко углубиться в чащу с громоздким фургоном было просто невозможно. Далее следовала чистая логика. А из нее выходило, что закапывать тяжелые бочки слишком далеко от дороги никто бы не стал, и именно несколько ближайших к нам могучих дубов вполне могли послужить французам прекрасным местным ориентиром. Но какой из них? К сожалению, их было множество! Ведь целиком и полностью полагаться на то место где мог свернуть фургон, мы не могли, исходя из тех соображений, что бочки могли просто перетащить через обочину на руках или зарыть их раньше, еще задолго до костра. Значит, у казначеев могло и не быть особой необходимости сворачивать в лес, раз по нему все равно далеко не уедешь.

Пришлось отметить на самодельной карте все дубы, чей возраст был более 250 лет. Исходили мы из того соображения, что данный приметный дуб и 190 лет назад должен был иметь весьма примечательные размеры. Следовательно, его возраст в 1812 году вряд ли мог быть менее 60–90 лет, а диаметр ствола мог быть тогда равен 30–40 см. Исходя из скорости роста дубов (которую предварительно пришлось узнать), удалось выяснить, что к началу XXI века тот самый дуб мог достигнуть в диаметре 73–100 см.

Мы измерили диаметры всех дубов, занесли их в таблицу, разделили на возрастные группы. В результате исследований было выявлено несколько групп подходящих деревьев, не считая двух десятков особо крупных деревьев, растущих отдельно. Только теперь, когда эта трудоемкая работа была проделана, началась электронная "прозвонка" особо "подозрительных" участков леса. В течение всего одного дня мы отыскивали: обломки трелевочного трактора, гору стреляных гильз и железный шкворень неизвестного предназначения. То есть мы отыскивали все, что было под землей на участке длиной в полкилометра. И еще нам удалось найти почти заплывшую от времени древнюю яму, которая располагалась точно в центре между трех дубов, один из которых был сильно поврежден молнией. (В деревьях, рядом с которыми делаются захоронения металла с высокой электропроводностью, часто попадают молнии.)

Данное место, с какой стороны ни посмотри, было весьма подходящим для заложенияклада. Съезд с дороги совсем недалеко, метров 40. Толстые, явно трехсотлетние дубы стояли правильным равносторонним треугольником, одним своим расположением подсказывая место возможного захоронения. Да и вид самой ямы... Она смотрелась куда как старше группы окопов, расположенных невдалеке от нее. Иными словами выглядела лет этак на 50 их старше. Если учесть, что окопы те были открыты в начале войны, или примерно 60 лет назад, то яму вполне могли выкопать в конце XIX века. По времени все сходилось просто идеально. Ведь именно в те далекие года и приезжали в Неманицу потомки кассиров в надежде отыскать ценности, спрятанные их дедами.

Да, самого клада мы в тот раз не отыскивали, но тем не менее уверены на 100 %, что он там был. Согласитесь, в доказательство этого было найдено довольно много косвенных свидетельств, как материальных, так и информационных. Мы знаем, что положение отступавшей французской армии в конце ноября 1812 года было весьма тяжелое, если не критическое. Да к тому же и непрекращающийся падеж лошадей... Судя по количеству покрытых окалиной обломков в огне громадного костра, могло запросто сгореть несколько десятков разномастных экипажей. А, следовательно, там же мог вполне сгореть и массивный кассовый фургон. Ведь не просто так написал французский мемуарист генерал Сегюр, постоянно находившийся при Главной квартире императора при отступлении из Москвы: "По прибытии в город Борисов у него (Наполеона) было едва 6000 солдат, несколько пушек и расхищенная казна".

В данном случае генерал несколько сгустил краски, но был не так далек от истины. Хотя потери в войсках были весьма серьезные, но при главной квартире находилась лишь часть войск, и видеть, сколько всего солдат находятся в строю, де Сегюр просто не мог. Но вот насчет сохранности армейской казны он был весьма далек от правильного понимания положения дел. Как известно, до реки Березина русским войскам удалось захватить два фургона из "1-го золотого обоза". Один захватили под Вязьмой и нашли там 30 тысяч франков. Другой взяли у деревни Мерлино (недалеко от Красного). В нем обнаружили 60 тысяч франков. Серебро и золото, разумеется, растащили казаки, но понятно, что потеря столь незначительной суммы не давала повода говорить о полном расхищении всей казны. К тому же "1-й

золотой обоз" двигался впереди основных сил, стараясь за счет скорости передвижения уйти от возможного преследования и расстроить планы российского командования.

Разумеется, положение Наполеона было достаточно серьезным. Спасение гибнущей армии зависело в то время вовсе не от денег как таковых, а от скорости продвижения и наличия боеспособной артиллерии. Первое спасало от вездесущих казаков, а второе позволяло держать их на некотором отдалении. К сожалению, и первое, и второе упиралось в одно – в лошадей. А с лошадьми была большая проблема. Они слабели с каждым днем, и их приходилось в одну повозку впрягать не по две и даже четыре, а по восемь, а то и десять. Лошади были измучены не меньше людей. И если Кастеллан писал, что люди умирают прямо на ходу, то вы можете себе представить, что делалось с животными. Относительно боеспособные лошади были еще в польской кавалерийской дивизии Понятовского, той самой, которую направили на упреждающий захват Борисова. Но поставить их в обозные повозки было невозможно, поскольку Наполеон лишился бы последнего оперативного резерва, который один только и поддерживал разрозненные части его сильно растянувшейся армии. В принципе он мог приказать всем кавалеристам спешиться, мог усилить транспортную составляющую своей армии. Но такое решение могло спасти положение лишь на ближайšie два, от силы три дня, после чего все равно неизбежно наступил бы всеобщий крах.

Военная кампания не шахматы, ее на другой день не переиграешь. Один неверный ход, несчастливое стечение обстоятельств и все – гибель и вечный позор. Но ведь Наполеон был не просто человек облеченный властью, не просто очередной профессиональный военный – нет, он был гением. Наполеон решительно приказывает максимально облегчить армейские повозки и закопать все, что можно закопать без потери боеспособности. И отдает он этот приказ во время длительного, более чем двухчасового привала, устроенного как раз на полпути между Лошницей и Борисовым. Между этими населенными пунктами было 16 верст. В восьми верстах от Борисова располагалась деревня Неманица. Там же был устроен и смотр двигавшимся по дороге войскам. Им предстояло тяжелейшее испытание – форсирование Березины, и он хотел сам посмотреть на состояние и оснащение войск.

Получив приказ, кассиры ближайшего к месту стоянки денежного фургона начали действовать незамедлительно. Вот только исполнить данный приказ было не так просто, как представляется ныне. Дело в том, что вся Екатерининская дорога с обеих сторон имеет глубокие водоотводные каналы, и возможность свернуть в лес была далеко не везде, в основном там, где сбоку к основной дороге примыкали дороги второстепенные. И именно там возчики отыскивали удобный съезд и свернули вправо от дороги. Впрочем, свернуть-то они свернули, но далеко проехать по лесному бездорожью не смогли. Радовало их только одно – достаточно рыхлая, песчаная почва, которую легко можно было копать, используя имевшийся в каждом фургоне шанцевый инструмент.

Пока Наполеон грелся на привале около огромного костра (найденный нами), было закопано содержимое нескольких войсковых походных денежных хранилищ. Был заложен типичный клад "до востребования". Запрятан он был классически, что называется, по всем законам жанра. Приметы его были просты и легко запоминаемы. Во-первых, захоронение было сделано рядом с местом стоянки, не далее сорока метров от обочины старого екатерининского тракта. Во-вторых, яму выкопали в геометрическом центре между трех приметных дубов. И в-третьих, в один из этих дубов казначеи на высоте примерно 4 метров вколотили армейский тесак, который указывал своей ручкой на место захоронения. Казалось бы, ими было сделано все, чтобы отыскать впоследствии это место. Но самим им еще раз ощутить руками ласкающий кожу сверкающий металл так и не довелось.

Что ж, такой вариант развития событий вовсе не редкость. В следующей главе мы расскажем о третьем кладе, спрятанном в окрестностях Борисова по тому же сценарию.

26 ноября

"Император на лошади с 5 утра. Его Величество отправляется в Студенку. Поселение в 2-х милях направо, около берегов Березины. Продолжают наводить два моста, начатые накануне. Неприятель мешает переходу, только посылая казаков. Бригада легкой кавалерии переходит вброд (точно там же, где переправлялись наши драгуны и гусары 23 ноября), имея 50 стрелков за спинами кавалеристов. Наша артиллерия, построившись в батарею перед помещением императора, довольно удачно стреляет по казачьим эскадронам; неприятель не отвечает на пушечную пальбу; мы ясно разглядели у него одну пушку.

В 3 часа мост для пехоты, построенный на сваях, как и мост для артиллерии, готов. Проходит превосходный 2-й корпус, силой приблизительно в 8000 человек, оглашая воздух криками: "Да здравствует император!". По мосту для инфантерии провозят два пушечных орудия. Маршал Удино преследует неприятеля на протяжении 8 верст по направлению к Борисову. Вечером мост для артиллерии ломается, всю ночь работаем над его восстановлением. Нельзя воздать достаточно похвал дивизионному генералу Эрбле; этот генерал вынес невероятный труд. За 12 франков я покупаю фунт сахара; это находка!"

"В час пополудни был окончен мост для пехоты. В 4 часа был готов второй мост на 100 сажень

(213 м) ниже от первого для обозов и артиллерии".

На карте 1817 года расстояние между мостами указано в 200 саженой, но возможно, что это просто ошибка картографов, поскольку от самих мостов к тому времени не осталось ровным счетом ничего.

27 ноября

"Артиллерия, император и гвардия переходят мост. Его Величество направляется к корпусу Удино, стоявшему на расстоянии 4 версты влево. Обе армии друг перед другом, на расстоянии пушечного выстрела, орудия заряжены, канониры при орудиях.

На закате, (17.00) Его Величество прибывает в дер. Занивки, в 2-х верстах от Березины.

Я дежурный. Наши солдаты воруют ужасающим образом. На нашем бивуаке у Шабо украли шляпу – она была у него под головой. У меня похищают меховую попону для лошади. Не один офицер, думающий, что его лошадь идет за ним, приходил только с поводьями, обмотанными вокруг руки. Если он возвращался, то находил свою лошадь убитой, разрубленной на части и разделенной.

У нас плохой обед, но мы его находим великолепным. Во время похода повара имеют большое значение! Посылаемый с поручениями к различным частям я не имел ни минуты отдыха. Весь день армия переходит довольно мирно по мостам, однако было некоторое замешательство".

"В ночь с 27 на 28 ноября один из офицеров, высланных из Старо-Борисова для осмотра дороги на Студенку, введенный в заблуждение пожаром, бушующим на берегу Березины, несколько выше Старо-Борисова, привез генералу Партуно преждевременное известие, что мосты сожжены".

На самом деле около реки, но далеко от мостов горела большая барская усадьба, возле которой в тот день стоял французский конный батальон. Утром 28-го этот батальон отошел к селению Бытча.

Интересно, но именно это маленькое недоразумение и стало впоследствии основной причиной того, что много лет спустя не был найден весьма солидный клад, историю которого мы и расскажем.

Четыре бочонка червонцев

Воочию убедиться в реальности хотя бы одной из широко растиражированных журналистами кладоискательских легенд доводится далеко не так часто. И трудности на этом пути поджидают не только начинающих поисковиков, но даже и матерых патриархов поискового дела. Отыскать место, где был некогда сокрыт тот или иной исторический клад, столь же трудно, как и найти в глухом лесу оброненный несколько лет назад перочинный ножик. Однако такие удачи иногда все же случаются. Вот и нам 20 апреля 2000 года довелось поставить последнюю точку в широко известном в кладоискательском мире "деле" Якоба Кенига.

Для того чтобы рассказать, кем был этот человек и каким образом он оказался причастен к одному из знаменитейших российских кладов, мы мысленно перенесемся в последние дни осени 1812 года, когда отступающие войска Наполеона наконец-то добрались до небольшого белорусского городка Борисова, что стоит в междуречье Березины и впадающей в нее небольшой речки Сха. В те дни перед Наполеоном стояла сложнейшая задача. Требовалось не только привести в порядок уже весьма ослабленную и потрепанную в непрерывных стычках армию, но и умудриться в условиях фактического окружения вырваться из ловушки самому и спасти хотя бы остатки некогда славного воинства.

Особая забота не только самого Наполеона, но и военачальников более низкого уровня была проявлена в сохранении вывозимых ценностей. Кроме награбленных во время завоевательного похода сокровищ у них еще имелись и увесистые войсковые кассы. Отступающие с войсками гарнизонные финчасти и передвижные магазины тоже располагали немалыми финансовыми средствами. Короче говоря, вопрос сохранения наличности волновал начальников всех уровней. Надеяться на честность и исполнительность тех, кто отступал от Москвы, вряд ли стоит. Слишком большие моральные испытания и физические страдания выпали на их долю. В значительной степени эти бедолаги были едва способны отвечать сами за себя. Но ведь кто-то должен был выполнять ответственные поручения! Крепких исполнительных и ответственных воинов набирали из состава Баденского полка, подразделения которого стояли в различных белорусских гарнизонах, а также в Смоленске и не были так смертельно измотаны, как прочие строевые части, отступавшие от самой Москвы. Напомним, что Баденский полк входил в первый корпус французской армии под командованием маршала Даву.

Якоб Кениг был одним из таких солдат. Крепкий, хорошо одетый, имеющий в своем распоряжении небольшую пароконную повозку, он был вполне в состоянии выполнить любой приказ командования. И он получил такое поручение за три дня до роковых событий на Березине. Вместе с двумя сослуживцами он должен был сопроводить и непременно переправить по свежестроенным переправам у деревни Студенки четыре бочонка золотых монет, отбитых кирасирами Удино в Борисове. Двести килограммов ценного груза – приличная сумма денег и весьма приличный вес. Загвоздка, однако, состояла в том, что мгновенно исполнить данный приказ было совершенно невозможно. Переправы были узки, имели невысокую

пропускную способность, график продвижения по ним был расписан буквально по часам и исполнялся с большой строгостью.

Кроме того, свои коррективы в график передвижения внесла и война. Российский авангард генерал-майора Власова стремительным броском постарался прекратить столь нежелательное для военных успешное бегство французов из поставленной по всем правилам военного искусства ловушки. Артиллерийская батарея русской армии, к несчастью для отступавших французов, уже заняла главенствующую высоту к северу от Старо-Борисово и своим шквальным огнем практически перерезала движение по основной трассе. Французская армия оказалась разорванной чуть ли не пополам. К спасительным переправам успели проскочить артиллерийские части, "старая" и "молодая" гвардии, кое-какие разрозненные полевые соединения и часть обозов. Часть изнуренной кавалерии, польский корпус Понятовского, основная масса обозов и тысячи несчастных беженцев оставались в районе перед Старо-Борисовым, там, где ныне расположен выстроенный в послевоенные времена современный городской госпиталь.

Что оставалось делать господину Кенигу в такой запутанной и тревожной обстановке? Приказ-то надо было выполнять любой ценой. Каким-то образом он узнал, что есть кружная дорога, которая сворачивает с основной дороги на восток после села Старо-Борисово и, достигнув реки, идет вдоль берега Березины до самой деревеньки Студенки. Мало того, выяснилось, что именно эту скрытую в лесной глуши дорогу охраняет батальон французской кавалерии, расположившийся на постой в брошенной помещицкой усадьбе. Действовать требовалось не мешкая ни минуты (на "кону" стояло даже не золото, а их собственные жизни). Трое бравых баденцев уселись на повозку и, погоня лошадей, помчались к заветной переправе. До определенного момента им везло, и примерно через полчаса они добрались до охраняющих дорогу кавалеристов. А вот дальше, в этой заурядной поначалу истории, произошло нечто странное. Именно здесь оборвался маршрут наших славных эвакуаторов, и они были вынуждены захоронить весь свой драгоценный груз. Все четыре бочонка с червонцами были зарыты в небольшой сосновой роще вблизи помещицкой усадьбы. Далее трое швабов были вынуждены добираться до переправы налегке и пешком.

Почему же так получилось, что баденские солдаты были именно вынуждены закопать перевозимое ими золото? Что подвигло их на это? Уж точно не желание втихаря обогатиться и не нападение казаков, на которых списали как минимум половину утраченного отступавшими войсками имущества. Нет, здесь был иной случай. Никто из троих не был уверен в том, что переживет этот день. Они спасали порученные им ценности, поскольку прекрасно понимали, что шансов успешно переправить их на другой берег реки было очень мало, если не сказать, что не было совсем. Ведь, если русские артиллеристы смогли перерезать главную дорогу у Старо-Борисова, то что им мешало подтянуть батарею непосредственно к Студенке и расстрелять мосты в упор?

Нас интересовало также еще одно обстоятельство. Почему бочонки были закопаны именно там, у буквально набитой ненужными свидетелями усадьбы? Отчего три солдата не могли проехать еще несколько километров и выяснить, как обстоят дела на переправе? Если не лучшим образом, то бочонки можно было легко спрятать и там. Только впоследствии мы догадались, что золото было спрятано в этом месте исключительно потому, что эвакуаторы нежданно-негаданно лишились своих лошадей. Причем "помогли" им в этом именно те самые кавалеристы, которые по идее и были призваны их защищать.

Скорее всего, обеих славно упитанных и не измотанных долгим перегоним лошадей Кенига реквизируют тут же, как только они появились вблизи оккупированной усадьбы. Возражать трем солдатам было невозможно, тем более что их облекли тайной миссией, и распространяться о характере перевозимого ими груза они не имели права. И вот, дождавшись, когда их оставили в покое, они спрятали подведомственные бочонки и, осмотрев напоследок место захоронения, двинулись в сторону грохота далеких пушек. Они торопились и не оглядывались, но если бы обернулись, то наверняка заметили бы в накатывающих ранних ноябрьских сумерках далекое зарево. Это жарко полыхала подожженная пьяными кавалеристами усадьба, и резкий порывистый ветер разносил искры по крышам стоявших неподалеку хозяйственных построек...

Дальнейший путь швабов проследить было в общем-то несложно. В ночь с 28-го на 29-е они переправились-таки на правый берег Березины, а утром 29 ноября в 9 часов утра мосты были сожжены.

После той ужасной ночи прошли годы. Через 11 лет, в 1823 году, Якоб с двумя сопровождающими отправился в Петербург, куда и прибыл 30 сентября. А 26 ноября на казенной тройке отправился на Березину. Спутниками г-на Кенига были отнюдь не его боевые товарищи, вместе с которыми он зарывал в роще ценности. Те к тому времени уже почил в бозе. В далеком заграничном путешествии 45-летнего ветерана сопровождали его племянники. Поскольку Кениг действовал вполне официально, то троих новоявленных кладоискателей сопровождали двое местных жандармов, призванных не только охранять их, но и по мере необходимости оказывать помощь и содействие. Совместно они добрались до Студенки, где Кениг тотчас же узнал место страшной переправы. Но дальше начались совершенно непредвиденные трудности. Несколько ослабшая за прошедшие годы память, да и особые обстоятельства, при которых

происходило захоронение ценностей, никак не помогали в поисках заветной роши. Да что там роши! Даже хорошо запечатлевшейся в памяти Якоба барской усадьбы им никак не удавалось отыскать. Ни он, ни приставленные к нему жандармы просто не знали, что столь усердно разыскиваемая ими усадьба сгорела в тот же самый день, когда вблизи нее был зарыт клад. Они скрупулезно посетили все усадьбы в округе, прошли вдоль реки, насколько было возможно, осмотрели окрестные леса. Все было напрасно, того самого значимого ориентира, около которого были зарыты бочонки, им отыскать так и не удалось.

Расстроенный Кениг, который по договоренности должен был получить половину клада, даже принялся интересоваться у сопровождающих по поводу наличия в окрестностях Минска какого-либо другого города Борисова. Что могли ответить ему расстроенные не меньше его жандармы? Другого города Борисова у реки Березины не было...

В 1984 году в один из июльских дней на площади в старинной части города Борисова появился невысокий мужчина в очках, неизменной кепке и с ксерокопией старинной карты в руках. Он сориентировался на местности и быстрым шагом двинулся в направлении деревни Малый Стахов, четко придерживаясь направления движения, по которому 172 года тому назад мчалась повозка с тремя солдатами и тяжелыми бочонками.

– Моя задача была простая, – вспоминал впоследствии уже известный нам поисковик Смирнов, – выяснить обстоятельства дела и понять, почему Якоб Кениг не смог найти место, где он сотоварищи закопали золото? В какой-то мере мне это удалось, для чего пришлось исходить пешком все дороги, все тропинки, овраги, сосновые роши и обследовать все господские усадьбы 1812 года. Размышляя над тем, почему Якоб Кениг не нашел клад, я пришел к такому выводу: он не нашел место по той простой причине, что та господская усадьба, что была у него на плане, полностью сгорела в ночь с 27 на 28 ноября 1812 года. Но он со своими спутниками уже был в это время в Студенке, и никто из них не мог знать об этом. Не знали этого и сопровождавшие его в поисках жандармы. Усадьба сгорела и более на том месте не восстанавливалась, а место, где она некогда стояла, заросло молодым лесом. А Якоб Кениг все искал эту знакомую ему усадьбу и не находил ее и даже стал сомневаться, а та ли это река и тот ли это Борисов.

Известный исследователь несчастливых судеб наполеоновских кладов В.Т. Смирнов смог отыскать самое главное: он нашел остатки фундамента той самой злополучной усадьбы. Честь ему за это и хвала. Но к тому времени, как мы сами выехали на место давних событий, прошло еще 6 лет. К тому времени даже от этих жалких остатков не осталось ровным счетом ничего. Однако, уже имея определенное представление о местоположении основного поискового ориентира, мы посчитали, что нам просто необходимо разобраться уже непосредственно с самими бочонками и однозначно установить их дальнейшую судьбу. Через какое-то время продвижения по старому сосновому бору мы вышли на склон живописного оврага, где некогда стоял барский дом и окружавшие его хозяйственные постройки. То, что мы находились в нужном месте, подсказали два скрученных временем дерева, совершенно не характерных для матерого белорусского леса. Но для старых российских усадеб такие деревья были не редкостью.

Определившись по карте, мы принялись бродить по густейшему, молодому и явно искусственно высаженному лесу, пытаясь выяснить, где же конкретно проходила дорога на Студенку. Ведь идти по прибрежным оврагам она не могла и, следовательно, находилась севернее усадьбы. Если судить по указаниям Смирнова, то она проходила примерно в 350–400 метрах от барского дома, и как раз между ними росла та роша, в которой были закопаны бочонки. Внимание наше обострилось, и вскоре мы были вознаграждены за свои усилия. Вместо густой чащобы молодой сосновой поросли стали попадаться старые коряжистые деревья, возрастом не менее чем 150–200 лет.

Уверившись, что перед нами искомая роша, мы настроили поисковую аппаратуру и принялись методично обходить только что найденное и буквально чудом сохранившееся лесное образование в надежде засечь массу цветного металла, некогда спрятанного под землей. Постепенно мы перемещались из равнинной части роши в её восточную часть, все ближе и ближе подходя к довольно протяженному холму. Поднявшись на него, мы неожиданно увидели, что стоим на достаточно неплохо сохранившемся отрезке очень старой гравийной дороги.

Уж не на этом ли самом месте стояла повозка наших баденцев? Если бы не было молодого леса, то они точно должны были отсюда видеть усадьбу во всей ее красе. Мы со всех ног кинулись вниз по пологому склону, живо представляя себе, как они скатывают вниз по нему глухо позванивающие монетами бочонки. Пробежав буквально 70 или 80 метров, мы наткнулись на огромный, весом, наверное, в пару тонн гранитный валун.

Вот и прекрасный местный ориентир. От него очень удобно отсчитывать шаги до места захоронения. От жуткой жары и естественного волнения мы покрылись таким крупным потом, что пришлось срочно снимать с себя поисковую амуницию и усаживаться на плоский валун для кратковременного отдыха.

Куда же они дели свои бочки? Мы озирались по сторонам. Валун лежит почти на краю старой роши, а закапывали деньги наверняка в центре ее, сторонясь чужих взоров. Ведь ограбившие их кавалеристы были рядом, буквально в нескольких шагах.

Желая проверить нашу догадку, мы вынули компас. Достаточно было одного взгляда на застывшую

стрелку, чтобы понять, что все направления, кроме южного, уводили из старой рощи, и только шагая к югу можно было прийти в ее центр. Вновь включив поисковый аппарат, мы двинулись вперед, держа перед собой компас и непрерывно нажимая на пусковую клавишу электронной схемы. 10 метров, 20,30... Ничего. Пусто. И только отсчитав ровно 50 шагов, мы поняли, почему молчит наш надежный и испытанный прибор. Прямо перед нами внезапно открылась квадратная яма размером примерно 3 на 3 метра, у дальнего края которой было вырыто земли гораздо больше, нежели в других местах.

Компас с глухим стуком выпал из разом опустившейся руки. Опять неудача! Впрочем, почему неудача? Найти даже давно ограбленное местонахождение исторического клада уже есть большая удача, сравнимая по своей значимости с самым успешным поиском. Мы выключили электронику и подняли компас. Но поскольку тот упал около белесого камня, очень похожего на сплюснутую дыню, мы поневоле обратили на него внимание.

Странно! Во всей роще нами был найден один-единственный валун. А камней, похожих на этот, мы не видели и вовсе. Не связан ли и этот булыжник с кладом Кенига?

Догадка подтвердилась буквально через секунду, когда мы перевернули овальный камень. На его тыльной стороне были прекрасно заметны две параллельные треугольные (в срезе) полосы, вырезанные каким-то острым предметом.

Все-таки молодцы были эти немцы! Все сделали с поистине невозможной в то время точностью и аккуратностью. Нашли прекрасный общий ориентир – усадьбу. Отыскали и местный ориентир – валун. И даже точное место захоронения поместили специально расплосованным булыжником. И отсчитали ровно пятьдесят шагов на юг от валуна! Казалось бы, все сделали идеально для того, чтобы впоследствии отыскать спрятанное золото. А вот, на тебе, какой преподнесла им судьба неприятный сюрприз. Случайный пожар, и они остались без почти заслуженной награды.

Так что нечего было расстраиваться. Ведь даже главный прятальщик не смог отыскать следов своего драгоценного захоронения!

Напоследок, перед уходом нам оставалось только осмотреть саму яму, чтобы выяснить примерное время извлечения клада. Сделана она была явно не спеша, аккуратно и со знанием дела. Четкий большой квадрат, примерно на два штыка вниз. И уже потом более хаотическое углубление в углу большого раскопа. По состоянию краев среза грунта и по осыпанию стенок можно было понять, что клад извлекли примерно между 1930 и 1950 годами. Может быть, бочонки были найдены даже во время войны, поскольку вся местность вокруг была сильно перекопана заплывшими капонирами, рухнувшими землянками и окопами.

Мы покинули громадный сосновый лес на берегу Березины, однако вскоре вновь оказались в нем совсем по другому поводу, но опять в связи с поисками очередного исторического клада. Рассказ об этом впереди.

28 ноября

"В 10 часов утра рухнул нижний мост под тяжестью артиллерии и зарядных ящиков. На левом берегу оставили две дивизии маршала Виктора для прикрытия отсталых, которых исчислялось 30 000 человек. Это были нестроевые, больные и измученные дорогой люди. На Зембин тянулись обозы, войска и артиллерия".

Как видим, несмотря на страшные потери в лошадях и людях, Наполеону все же удалось переместить через Березину свой самый важный, единственный из оставшихся на ходу "1-й золотой обоз".

"В городе Борисове и Старо-Борисове шло разоружение дивизии Партуно".

"28 ноября. Герцог Беллунский в 11 часов был атакован на другом берегу Березины (на правом берегу, у селения Брили). Завязалась довольно живая канонада, он сохранил свои позиции.

В 3 часа несколько ядер долетели до моста; это был момент большого беспорядка. Отсталые солдаты толпами бросились на мост и воспользовались суматохой для грабежа повозок. В конце концов, все они (повозки) были сожжены. Многие офицеры, посланные к герцогу Виктору, в это время не могли протиснуться по мосту, даже пешком; меня на мосту затолкали, когда я пытался перейти..."

"Весь день я разъезжаю с поручениями. Так как этого сражения (при Брилях) не предвидели, то многие офицеры гл. штаба были впереди. Большое число лошадей было украдено. Граф Лобау потерял 6 лошадей и свой фургон. 250 лошадей были убиты, сотня людей, пытавшихся взобраться на мост, была раздавлена. Огонь прекратился в 5 часов вечера, во всех 3-х корпусах было убито и ранено 13 генералов. Солдаты первого корпуса, находившиеся по ту сторону реки, бросились грабить тех, кто только что перешел через мост... Сильная снежная вьюга, с ночи длящаяся от пятнадцати до шестнадцати часов, невыносима".

"28 ноября. Из остатков итальянского войска император сформировал авангард, который должен был конвоировать КАССУ, а также раненых генералов и офицеров и приказал ему (авангарду) явиться в Зембин на рассвете 28 ноября, чтобы занять там мосты (через реки Гайна и Цна)".

"В 9 часов вечера Вице-король получил приказ выступить на рассвете из Зембина в Плещеницу, со "всеми нашими доспехами"".

"Корпус маршала Виктора переправился на правый берег. На левом остались более 5 тысяч человек со своими обозами".

Таким образом, мы видим, что, несмотря на все крики о том, что все пропало, спрятано, затоплено и разворовано, наполеоновская армия на тот момент все еще владела очень солидным количеством и наличных денежных средств (в виде золотых и серебряных монет), а так же и некоторой частью трофеев. Характерно, что Наполеон вновь назначает хранителем всего этого богатства своего пасынка.

И, кстати сказать, это подтверждается следующим материалом.

И золото, и бриллианты

Мы уже рассказали о трех крупныхкладах, сделанных в районе Борисова. Осталось поведать о четвертом захоронении из той же серии. Итак, три предыдущихклада были закопаны в белорусскую землю при весьма необычных обстоятельствах, а именно тогда, когда у зарывавших ценности солдат просто не оставалось иного выхода. Аналогичным же образом был сокрыт и четвертый клад. К сожалению, с достаточной точностью позиционировать его местонахождение довольно сложно, ибо мы располагаем о нем крайне недостаточной и обрывочной информацией. Но мы можем хотя бы попытаться приблизительно вычислить, где он мог быть спрятан, исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Начало этой истории было дано через много лет после окончания войны. В мае 1830 года к российскому послу в Париже явились два француза и попросили о выдаче им паспортов. Они собирались добраться до Борисова и отыскать собственноручно закопанный ими на берегу Березины клад. Кладом была небольшая бочка, наполненная серебряными и золотыми монетами, а также драгоценными камнями. В марте следующего года один из французов, некий Жаккас, вновь посетил посольскую виллу и передал документ, своеобразную планкарту, на которой как мог изобразил то место, где была спрятана драгоценная бочка. Данная бумага была впоследствии передана во 2-е жандармское управление для принятия мер...

Производились ли поиски в действительности, или, как часто бывало в подобных случаях, бумага легла "под сукно", неизвестно. Однако мы не можем отказать себе в удовольствии хотя бы в первом приближении вычислить место, которое было изображено на том, недоступном нам пока, плане. Для этого мы постараемся выяснить, где и когда французы находились на берегу Березины и были поставлены в некое безвыходное положение, диктующее им безальтернативное освобождение от любой обременяющей их тяжести. Составим точно такую же таблицу, какую мы составляли для прояснения местоположения 14-го гренадерского полка, и попробуем определить даты и местоположение некоторой части французской группировки.

1. 20 ноября. Около Березины только тыловые части Борисовского гарнизона да присланные им на подмогу поляки Понятовского. Имеющиеся в распоряжении гарнизона ценности заперты в каменных хранилищах местных лабазов. Все тихо и спокойно.

2. 21 ноября. Пока идет бой у "тет-де-пона", тыловые части спокойно грузят имеющиеся в их распоряжении ценности и через плотину на реке Сха выдвигаются на Оршанскую дорогу. Заметим, что они отходят от Березины, а не приближаются к ней.

3. 22 ноября. Поляки и не разграбленные гарнизонные финчасти спокойно отходят к Лошнице и далее к Толочину. Потерян только один фургон, причем не в воде, а на земле. А с востока к Толочину подходит объединенный обоз, главная квартира императора и "молодая" гвардия. Прибывает адъютант от маршала Удино с сообщением о том, что русские овладели не только предместными укреплениями, но и самим городом Борисовым. В этот день затоплен обоз в 200 подвод с московскими трофеями.

4. 23 ноября. Французская армия, переформировав грузы на повозках и усилив кавалерию, вступила в бой с авангардом графа Палена, выбила его полки из Неманицкого леса и к вечеру очистила Борисов от войск Чичагова. Французские войска (боевые части) вновь вышли на Березину, но обозы с ценностями до самого города так никогда и не доберутся.

5. 24 ноября. Наполеон все еще в селении Бобр.

6. 25 ноября. Наполеон миновал Лошницу и находится уже вблизи Неманицы. Зарыты и сожжены многие вещи из повозок. Вновь усиливается высвобожденными из транспорта лошадьми французская артиллерия. Кассы и прочие ценности все еще не подошли к реке Березине ни в одной точке. Они даже до реки Сха не добрались.

7. 26 ноября. Армия французов сворачивает к Ст. Борисово и далее к Студенке, где передовые отряды уже наводят мосты и сколачивают позиции для пушек прикрытия. Ценности и прочее имущество расположены в районе Ст. Борисова и охраняются гвардией. До Березины (в окрестностях Студенки) добрались лишь понтоны и часть артиллерии.

8. 27 ноября. Войска переправляются на правый берег Березины. Кассы подвинуты к Студенке. В 15

часов в Борисов входит дивизия Партуно. Он уничтожает мост через реку Сха и в 16.30 выступает к Ст. Борисово. Партуно встретил гродненских гусар и отбил у них два орудия. Русские войска поднажали и выбили его из мызы, после чего завязалось крупное сражение. Французы потеряли в схватке 54 офицера, 1531 солдата. Пленеными оказались 4 генерала и 3000 солдат.

9. 28 ноября. Сформирован особый авангард, призванный охранять и конвоировать ценности и войсковые кассы, переправы подвергаются обстрелам и атакам. Дорога из Борисова в Студенку рассечена русскими войсками.

10. 29 ноября. В 9 часов утра мосты через Березину были сожжены французами, и Наполеон вновь счастливо избежал, казалось бы, неизбежного окружения и плена.

Из вышеприведенных сведений прямо выходит, что только 27 или, еще вернее, 28 ноября могли сложиться такие условия, когда в непосредственной близости от реки Березины мог быть спрятан бочонок с монетами и драгоценностями. Но все же еще раз проверим наши предположения, заслушаем непосредственных участников тех далеких событий. Почитаем дневник Цезаря де Лотье.

"22 ноября 1812 года. Двигаемся эшелонами от Коханова к Бобру, следуя за императором, перенесшим главную квартиру из Каменицы в Толочин, и встречаем на пути к Толочину прискакавшего к нам во весь опор адъютанта маршала Удино. Он принес весть, что русские овладели не только оборонными укреплениями на борисовском мосту, но в их руки попал так же и город Борисов со всеми складами. Известие о потере борисовского моста было просто громовым ударом, тем более что Наполеон, считая утрату этого моста делом совершенно невероятным, приказал, уходя из Орши, сжечь все находившиеся там понтонные повозки, чтобы везших их лошадей (600 голов) назначить для перевозки артиллерии...

Удино, узнав о взятии города Борисова, немедленно выступил из Крупок в Лошницу, послал своего адъютанта, который во весь опор скакал из Крупок до Толочина...

Генералы Зайончек, Жюно и Клапаред также принуждены были сжечь половину фургонов, колясок и разных легких экипажей, которые они везли с собой, и уступить своих лошадей в артиллерию гвардии".

Только теперь до нас дошло, что стало основной причиной для спешного затопления "2-го золотого обоза" с московскими трофеями! Ну конечно же! То, что заставило Наполеона пойти на это, оказалось известие о занятии русскими войсками Борисова. Только тут он понял, что достаточно малейшей оплошности и его армия будет вынуждена сдаться на милость победителя. Вот почему он с такой легкостью избавлялся в районе Борисова и от трофеев и даже от золотой наличности. Потому что уже прозвучало грозное: "Кошелек или жизнь!" Он выбрал "жизнь", и проблемы сохранности "кошелька" сразу отошли на второй план.

А вот что пишет Кастеллан:

"23 ноября. Бобр. Император приказал организовать четыре отряда почетной гвардии, составленных из всех офицеров кавалерии, у которых еще остались лошади. Орлы и знамена кавалерийских полков сожжены: мы уверены, что таким образом их у нас не отнимут...

8-й вестфальский корпус под командой герцога Жюно совершенно разгромлен; в нем осталось 200 человек пехоты и 100 кавалерии. Военнопленный поляк – мой слуга – убежал с лошадью и большей частью моих вещей, еще больше обокрав своих товарищей. У меня осталось из одежды только то, что на мне. Вдобавок у меня пала лошадь, так что у меня остается пять лошадей, из которых одна хорошая. У нас изобилие снега и недостаток всего остального..."

Генерал Дедем:

"25 ноября мы, генеральный штаб, подходили к Борисову. Я видел, как Наполеон, сидя в экипаже, диктовал какой-то приказ начальнику главного штаба Бертье. На стоянке, где-то за деревней Неманица зажгли костер из сосновых поленьев. Наполеон отдал приказ генералу Красинскому послать кого-нибудь из поляков к крестьянам, найти брод на ручье (имеется в виду река Сха), где-нибудь вправо на расстоянии версты".

То есть уже 25 ноября император задумал и начал осуществлять резкий поворот к Студенке, чтобы вновь выйти на главную дорогу в районе Зембина. Он понимал, что идти в отрезанный от правого берега Борисова бессмысленно и опасно.

Сержант Бургонь сообщает:

"От Лошницы армия двигалась в следующем порядке:

1. Императорская группа, за ней шли 800 человек офицеров и унтер-офицеров.
2. Пешая императорская гвардия и егеря. Первый полк старших гренадеров, второй полк старших гренадеров (с ними Пикар).
3. За ними шли 30 000 войска.

Эта колонна была протяженностью до 15 верст. Все рода войск. В арьергарде шли полки "молодой" гвардии, а за ними артиллерия и несколько фургонов. Большая часть артиллерийского парка под командованием генерала Негра была уже впереди. Среди ночи мы прибыли в Старый Борисов (село). Наполеон остановился в 2-х этажном доме на втором этаже. Мы поместились через дорогу позади

теплицы. Генерал Роге поместился в теплице замка".

Не замок, конечно, но вполне добротный и просторный дом князя Радзивилла, который тем не менее смотрелся настоящим замком на фоне убогих деревянных построек местных крестьян. Должен сказать, что и это здание, и комната, в которой сегодня работает местный музей, сохранились до наших времен.

Кастеллан:

"24 ноября. На пути к Лошнице мы слышим канонаду герцога Беллунского (маршал Виктор). Маршал Удино находится со 2-м корпусом в Борисове. Вчера у него было удачное "дело", он вытеснил неприятеля, который, отступая, сжег мост, но побросал все свои экипажи (1500 повозок). Корпус маршала Нея состоит теперь из 600–700 человек. По-прежнему снег".

"26 ноября Император на лошади отправляется в Студенку, селение в двух милях (примерно 7 км выше по течению реки) направо, около берегов Березины. Продолжают наводить два моста, начатые накануне. Неприятель мешает переходу, только посылая казаков".

Так вот, значит, когда совпали два крайне важных "граничных" условия, при которых возможно было заложение бочонка с драгоценностями! И стало ясно, где именно это случилось! Получается, что именно 28 ноября оказалось для армии Наполеона поистине черным днем. Судьбу "Великой армии" решали уже часы и минуты. Многим тогда казалось, что все потеряно, и катастрофа неизбежна. С одной стороны, от Большого Стахова в сторону Брилей, что на правой стороны Березины, наступали части генерала Чичагова. Но и здесь, на левом берегу, обстановка создалась критическая. Сотни обозных фургонов, карет и колясок, кавалеристы на измочаленных лошадях, тысячи отягощенных собственным скарбом людей, личные фаэтоны как военных, так и гражданских лиц теснились около мостов, пытались прорваться на другую сторону. В довершение всех бед, русские командиры, сообразившие, что французы ускользают, успели подтянуть к месту переправы несколько крупнокалиберных пушек и начали беглый обстрел Студенки, который поверг в ужас всех припозднившихся. А их было много тысяч.

Началась всеобщая паника. Люди теряли от ужаса головы и совершали такие деяния, о которых в нормальных условиях не могли и помыслить. Одни бросали свои экипажи и добро и прорывались через мост, прокладывая себе путь оружием. Другие торопливо грабили брошенные экипажи и раненых, тут же закапывая награбленное в землю, либо пытаясь перетащить его на другую сторону. И, похоже, что те французы, которые зарыли заветный бочонок, тоже оказались в той самой безумной людской круговерти, среди не прекращающейся метели, оглушительных разрывов бомб, криков о помощи и хаоса повального бегства.

Где же следует искать эту бочку, которая тянет минимум на четверть миллиона долларов? Скорее всего, ее зарыли в воронке от снаряда неподалеку от одного из мостов в середине дня 28 ноября. Но могло случиться и так, что ценности были закопаны вовсе не на левом, а на правом берегу, то есть после переправы. Как мы видели, положение французов было очень шаткое. Хотя адъютант Кастеллан и пишет, что маршал Виктор стойко удерживал свои позиции, но на самом деле потери у французов в людях и вооружении были огромны. Так что сражение у Брилей могло окончиться для них вовсе не так счастливо. При таких условиях у некоторого количества обладателей крупных ценностей вполне могла родиться мысль о том, что их не помешало бы на время схоронить подальше от глаз людских.

Зарывавшие сокровища наверняка рассчитывали откопать их после боя, потом, при случае... Но что такое "потом" на войне? Возможно, что те, кто спрятал бочонок, не имели впоследствии возможности даже приблизиться к месту его захоронения. И только после многих лет они пришли к мысли о том, что его можно попробовать отыскать. Однако маловероятно, чтобы они смогли осуществить свою задумку. Дело тут вот в чем. Во-первых, человеческая деятельность значительно изменила окрестности деревни Студенка. Изменила положение даже сама деревня, выстроенная после совершеннейшего разгрома на новом месте. Изменила береговую линию и сама река. Разумеется, что и от отстроенных саперами генерала Эрбле мостов не осталось и следа, так что служить каким-либо ориентиром они уже не могли. Короче говоря, поиски сокровищ в этом районе были заранее обречены на провал. К тому же и местные крестьяне не поленились добросовестно обыскать прибрежную полосу, они даже протралили дно реки, достав со дна и выкопав из земли множество оружия и всевозможных весьма ценных вещичек. Но велика вероятность и того, что наш более глубоко зарытый бочонок (да и не только он один) может преспокойно лежать в прибрежном песке и по сию пору.

29 ноября

Отгремели кровопролитные бои на Березине, но приключения "Великой армии" на этом не закончились, как не закончились и злоключения перевозимых ими ценностей. Последуем за ними и мы, проследим, куда и как были спрятаны остатки московских трофеев и все еще транспортируемые в головной колонне войсковые кассы.

Нашими проводниками на этом пути будут старые знакомые: Цезарь де Лотье, сержант Бургонь и адъютант Кастеллан.

"Император отправляется в 7 утра; в 10 мы были в Зембине (12 верст от Студенки), маленьком польском городишке, где мы завтракаем. Мы проходим через лес, овраги, потом через длинные мосты на болотах; неслыханная вещь, неприятель не послал казаков разрушить эти мосты. Мы были бы тогда в большом затруднении, так как недостаточно крепкий лед не мог бы выдержать нас. В 12 часов дня мы покидаем Зембин, в 5 часов вечера мы были в Камени, сделав всего за день 28 верст. Овраги, сосновые леса, очень узкие тропинки. Император останавливается в поместье одного барона. Мы находим там картошку – целое событие. Надо видеть нас; придворные императора все с картошкой на конце шпага жарят ее на бивуачных огнях, мы ели её в изобилии.

Я сплю в чем-то вроде комнаты на хорошей соломе; помещение не из прекрасных, но хорошо уже и то, что находится под крышей; все-таки это лучше, чем провести ночь под открытым небом.

Днем морозит немного, ночью очень сильно. Внезапные казацкие нападения часты и ежедневно. На лошадей по-прежнему большой спрос".

"В девять часов пополудни, – пишет де Лотье, – Вице-король получил депешу или приказ о выступлении на рассвете (29 ноября) из Зембина в Плещаницы со всеми нашими доспехами (т. е. частью трофеев)".

"В 9 часов утра мосты через Березину были сожжены. В тот день корпус Чичагова подвинулся к Брилям. На пути нашел брошенные 7 пушек и взял 3300 пленных. На левом берегу французы оставили 14 пушек из корпуса Виктора. Их не смогли переправить, так как мост для артиллерии рухнул еще сутки назад. Русские взяли в плен отставших и нестроевых в количестве 5000 человек с оружием и безоружных, 800 человек исправной немецкой конницы и 3 пушки".

29 ноября вечером французская армия должна была расположиться в следующем порядке: Ней на позиции за Зембином, Наполеон со своей гвардией в Камене, а авангард во главе с Евгением Богарне и Даву в Плещаницах.

Войска Кутузова, досадно упустив практически пойманную в западню коалиционную армию, решили продолжить старую тактику постоянного давления на отступающего противника с помощью регулярных кавалерийских рейдов. Причем рейды эти должны были быть не такими "булавочными", как в начале отступления французов из Москвы. Это должны были быть настоящие кавалерийские атаки многочисленных и хорошо вооруженных отрядов.

Французы же быстро, насколько это было возможно при их бедственном положении, двигались по следующему маршруту: Зембин – Камень – Плещаницы – Хотовичи – Стайки – Илия – Латыголь – Молодечно. Расстояние в общем-то небольшое, примерно 100 км, но трудностей на этом пути французов ожидало немало. В полдень 29 ноября, не дав едва избежавшим гибели на переправе французам опомниться, генерал Ланской атаковал Плещаницы. Русские кавалеристы взяли в плен генерала Каминского, двух полковников, двух подполковников, двух майоров, 27 офицеров и 217 рядовых квартирмейстеров, посланных вперед для приготовления главной квартиры.

30 ноября

"Император вместе с гвардией, Виктором и Неем в Плещаницах".

"Вечером мы останавливаемся бивуаком в Нестановичах (14 км за Плещаницами)".

Это был авангард, составленный из остатков итальянской гвардии, который сопровождал обоз с казной и московскими трофеями, ранеными генералами и офицерами. С этим авангардом мы еще встретимся, причем по хорошо знакомому поводу.

1 декабря

"1 декабря. Император отправляется в 7 часов и в 8 часов вечера достигает деревни Стайки (28 верст). Его Величество продолжает путешествовать в своем экипаже, но почти все время идет пешком. Сосновый лес, мороз довольно сильный. 15 казаков прорываются "на ура" сквозь колонну; неприятель очень докучает нашему арьергарду".

Наполеон идет пешком, видимо, не для того, чтобы размять ноги. Всем своим видом он старается дать понять окружающим его войскам, что терпит такие же лишения и переносит такие же трудности, что и они. Такая демонстрация бодрости вовсе не случайна. Войска крайне измотаны и истощены. Армия сильно растянута и в буквальном смысле обескровлена.

"Император, главная квартира и "старая" гвардия отправляются в 7 часов утра и в 8 часов достигают деревни Стайки. Сильный мороз. Император большую часть пути идет пешком. В авангарде был Вице-король с обозом главной квартиры, остатками казны армии и повозками, на которых везли остатки московских трофеев. Арьергардом командует маршал Виктор".

2 декабря

"Император проходит через Илию, располагается на ночлег в очень скверном домишке в селении Седлица: здешние амбары хорошо снабжены фуражом.

После императорской гвардии проходят 4-й и 3-й корпуса или, вернее, новые отряды, из которых они составлены, так как бывшие их полки сведены на нет.

Маршал Ней послал знамена этих полков с их офицерами "молодой" гвардии, которая сама не имеет под ружьем и трехсот человек. Фезензак имеет под своим орлом 400 человек.

После 3-го проходит 2-й корпус, потом герцог Беллунский (маршал Виктор), 9-й корпус которого является арьергардом. Число солдат, бредущих вразброд, увеличивается все больше и больше. В "старой" гвардии не больше 2000 человек. Во 2-м корпусе под знаменами не много солдат. Маршал Ней присоединился к штаб-квартире императора.

Два казачьих полка с артиллерией напали на городок Илию после ухода гвардии. Они забрали очень много пленных и на какое-то время преградили путь. Небольшая оттепель".

"На участке от Винницы до Сморгони (22 км) знамена были сняты с древков, а золотые орлы с этих знамен были спрятаны так, чтобы не достались русским. В этот день русские атаковали арьергард французов в Плещаницах".

Да, именно здесь со 2 декабря начинаются новые потери перевозимых ценностей, особенно в тех частях, где наблюдается потеря боевого духа, а также полная невозможность перемещать их далее. Так, например, большой клад был сокрыт в окрестностях Селищ. Расскажем о нем поподробнее.

В 1840 году, через 28 лет после прохождения через это местечко последней французской колонны, в Селищи приехал какой-то француз с планом местности и, не таясь, объявил о цели своего приезда. Он намеревался отыскать несколько бочонков золотых монет, зарытых здесь в начале декабря 1812 года. Основным местным ориентиром для него была господская усадьба, в которой в ночь со 2 на 3 декабря ночевал главный штаб с самим Наполеоном (это тот самый "скверный домишко", о котором писал Кастеллан). Но поскольку с тех пор прошло больше четверти века, то местность, где прятали очередной клад, совершенно преобразилась. Старый дом был снесен и новый был построен на другом месте. Проселочная дорога, по которой везли золото, тоже была запахана. И даже большой остроконечный камень, возле которого рыли яму, тоже исчез. Поскольку именно камень играл роль самого надежного ориентира, то начался его поиск. Оказалось, что при строительстве нового дома с поля свозились все камни, так что на возведение фундамента отвезли и данный "ориентир". Его там и отыскивали, с правой стороны от крыльца. На камне при ближайшем рассмотрении даже обнаружили знак в виде подковы. Настоячивые расспросы о том, где же именно лежал приметный валун, ни к чему не привели, все только разводили руками и пожимали плечами. Кладоискатель отбыл в свое отечество, а местное крестьянство вооружилось лопатами и принялось искать зарытый клад. Но и их поиски успехом не увенчались. Эта история излагается в таком виде в популярных журналах. Мы же попробуем разобраться в ней более тщательно.

Первый вопрос: кто закопал клад и по чьему приказу это было сделано? Нам кажется, что точный ответ на этот вопрос и приблизит нас к его находке. Прежде всего, обратим внимание на состав клада. Француз утверждал, что зарыты именно бочонки и именно с золотыми монетами. Следовательно, он сам и закапывал ценности. Ибо только тот, кто прятал, мог доподлинно знать о том, что именно прячется. Кстати, обратим внимание, что с подобными захоронениями мы уже встречались выше. В таком (обоченном) виде золотые наполеондоры перевозили армейские кассиры в пронумерованных фургонах Генерального штаба. А когда в Селищах ночевал сам Наполеон, эти фургоны уже ушли из селения!

Чтобы разобраться в этом вопросе подробнее, необходимо поднять все имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Обратимся еще раз к мемуарам о событиях того дня.

"Я дежурный и меня оставляют в Седлице (т. е. в старом господском доме) ожидать арьергарда. Я располагаюсь у подножия дерева, около бивуачного огня на большой дороге. Весь день передо мной зрелище отсталых солдат всех наций, всех родов оружия. Большинство побросали свои ружья: солдаты "старой" гвардии – исключение: они сохранили свои. Они образуют сжатую колонну от двенадцати до пятнадцати человек в ряд: они дефилируют с восьми утра до четырех, когда, наконец, появляется арьергард. Я тогда направляюсь к маршалу Виктору, за которым следуют казаки с пушкой.

Его светлость говорит мне, что в длинном овраге около Илии, где из-за широких болот были вынуждены переходить по плотине, господствовал такой же беспорядок, как и при Березинской переправе.

Герцог Беллунский с успехом пустил в дело два отряда, чтобы облегчить переход отставших.

Я перешел через мост, овраг, лес, тянувшийся на расстоянии трех миль (около 11 верст), занятый большим числом бивуаков отбившихся от армии солдат: в 7 часов вечера я прибыл в Молодечно, где в доме, похожем на настоящий замок, была устроена штаб-квартира императора. Большой частью я шел пешком: очень сильный холод".

Из этой записи следует, что Кастеллан, выйдя из старого господского дома на большую дорогу в 8 часов утра, ожидал маршала Виктора до 4-х часов дня, после чего перебрался через большой овраг по

мосту и, прошагав 11–12 км пешком, через 3 часа прибыл в ставку. Значит, он ожидал арьергард на восточной стороне оврага. Скорее всего, и господский дом находился недалеко от него и тоже на восточной стороне. При этом Каstellан не упоминает ни о каких повозках или фургонах с кассой, а только о толпах неорганизованных солдат и дефиле все еще сохраняющей бодрый вид гвардии. Следовательно, зарывать клад 3-го числа было просто некому, все более или менее ценное увезли отсюда раньше. Это подтверждают и строки из дневника офицера итальянской королевской гвардии Цезаря де Лотье.

"2 декабря. Мы сделали мучительный 12 часовой переход из Илии, нигде не отдыхали, боясь быть обойденными, и в 11 часов утра приходим в Молодечно. Этот переход довершил расстройство наших полков. Много способствовало этому, и медлительность движения, вызванная необходимостью эскортировать казну (армии) и раненых офицеров и генералов. Холод усилился; он утомляет наши расслабленные, плохо прикрытые, обессиленные, еще хуже того питаемые тела. Император осведомился о нашей действительной численности; он спрашивает, начали ли реорганизовывать полки? На забитых экипажами и возами дорогах стояла невообразимая толкотня. Всякий раз, когда лошади падали – мы страшно волновались, так как это и нам грозило падением. Видя все это, вице-король (Евгений Богарне) приостановил нашу колонну на полдороге, и написал императору обо всем, что здесь в овраге происходит. Но когда он заглянул в тыл, то еще больше понял всю громадность затруднений".

Как же все складно получается. Выходит, что тот переход, о котором пишет Цезарь де Лотье, был начат где-то накануне (1 декабря) в 11 часов вечера. То есть в 4–5 часов ночи они аккуратно оказались в окрестностях Селищи. И именно в этот момент у них начались главные трудности. Они были столь непреодолимы, что Богарне пишет Наполеону письмо, искренне полагая, что император встанет с постели (посреди-то ночи) и примется растаскивать завал из сломанных повозок и павших от губительного мороза лошадей.

А Богарне ведь торопился, очень торопился. Если бы он застрял в селищенском овраге, то утром его относительно успешное продвижение вообще могло быть парализовано тысячами толпами отступавших пехотинцев. И тогда так тщательно охраняемые повозки с кассой могли быть запросто оторваны друг от друга, и из единого, компактного обоза образовались бы отдельные, слабо защищенные группы.

Ему следовало выбирать: либо единство и скорость его самого ценного на тот момент обоза, либо полная сохранность перевозимого им груза. Однако, сохранив его, он неизбежно терял скорость и вообще утрачивал какое-либо преимущество в движении. Полагаем, Евгений Богарне выбрал первое. Павших лошадей оттащили с дороги прочь, а оставшиеся бесхозными бочонки с золотом он приказал зарыть. Скорость движения – вот что было самое важное. Только это могло гарантировать спасение и их жизней, и хоть какого-то армейского имущества. Значит, вполне возможно, что именно здесь, вблизи господского дома, и было закопано содержимое одного или нескольких фургонов, оставшихся без лошадей.

Как же закапывали бочонки и, главное, где? Земля была промерзлая, завалена снегом, и специально долбить ее для устройства очередного клада было некогда. Скорее всего, безлошадные кассиры воспользовались одним из придорожных костров, оставленных беженцами. Под ним земля была прогрета, и выкопать метровой глубины яму было несложно. Становится понятным и то, о чем именно писал Богарне Наполеону. 7 и 8 ноября он писал нечто подобное из местечек Заселье и Уховой Слободы. Напомним отрывок из его письма начальнику штаба Бертье.

"Жестокая необходимость принуждает меня с сожалением признаться о тех потерях, которые мы потерпели, желая ускорить наше движение".

Проблема тех не по-осеннему холодных дней заключалась в том, что громадный транспорт, который был под началом Евгения Богарне, потерял 800 упряжных лошадей. Весь груз, что везли эти лошади, пришлось срочно утопить в ближайшем озере. Составляя свой доклад, Богарне явно оправдывался.

Вот и здесь, у местечка Селищи, произошла та же самая коллизия. Но теперь ситуация была куда более сложной. Жуткий мороз, бескормица, обледенелая дорога...

Рассматривая карту 1825 года, находим, что в 1812 году было два места, где располагались Селищи. Одно в 3–5 дворов находилось в овраге с левой стороны дороги (если смотреть по ходу движения армии Наполеона). Другая часть, также в 3–5 дворов, находилась перед оврагом с правой стороны дороги. По другой стороне дороги рос большой лес. Вот в этом-то втором селении и стоял старый господский дом. К нему шла проселочная дорога, и, скорее всего, именно здесь, на пересечении двух дорог, и стоял остроконечный, хорошо заметный со всех сторон верстовой камень.

В принципе Каstellан в прямом смысле слова элементарно попирает ногами зарытые накануне сокровища, поскольку бестолково топтался на этом месте целых полдня.

Так что же у нас в конце концов получается? А получается то, что легенда о сокрытии нескольких бочонков с франками и луидорами у селения Селищи весьма и весьма правдоподобна. Она очень напоминает уже известные нам истории Якоба Кенига и Станислава Рачковского. Все тот же тип захоронения, накрепко связанный со стереотипом клада "до востребования". Основной ориентир, вспомогательный (местный) ориентир и уточняющий ориентир. И конечно же, не исчезни остроконечный камень во время строительства дома, говорить было бы не о чем. Думаем, что зарытые бочонки до сих пор

ожидают своего освобождения из 190-летнего плена.

К сожалению, поиски двух или трехмиллионного клада сильно затруднены и осложнены тем обстоятельством, что в том месте, где они были закопаны, выстроена деревня в десятки дворов. Так что шансов на успешную работу для поисковиков здесь практически нет. К тому же их просто не пустят на порог, когда они заявятся к ним со скромным предложением поискать в крестьянских огородах несколько миллионов долларов. Нужно также помнить и о бытовом, железном мусоре, которым щедро засорено любое жилое место в пределах бывшего Советского Союза. Надо признать, что это сущее бедствие для кладоискателей. Иной раз приходится с горечью констатировать, что перспективнейшие кладоносные районы совершенно выпадают из поискового пространства из-за ужасающей замусоренности бытовым и производственным металлом.

Кроме того, масштабные поиски там проводились много лет начиная с памятного 1840 года. Один из поисковиков, некто Л.С. (впервые и поднявший данный вопрос на страницах виленской газеты в 1910 году) долгое время жил в той местности. Им было собрано много доказательств пребывания здесь французов: пуговицы со скрещенными пушками, стальные шомпола, части старинного оружия, отдельные монеты... Правда, основного клада отыскать ему так и не удалось. По его словам, не удалось, а там... кто знает? Кто же честно признается?

3 декабря

"Император и главная квартира выступает из Седлицы и приходят в Молодечно. Наполеон остановился в доме, похожем на настоящий замок. Дом принадлежал князю Огинскому. Рядом с домом находился прекрасный парк, в парке было много фруктовых деревьев. Наполеон в этом доме написал свой последний бюллетень.

В 4 часа дня аррьергард маршала Виктора прибыл в Седлице. В длинном овраге около Илии, где благодаря болотам были вынуждены переходить по плотине, и там господствовал такой же порядок, как при Березинской переправе".

Такова была обстановка через неделю после начала печально известной переправы через Березину. Впрочем, пора двигаться дальше за отступающими французами, которые, теряя по дороге не только серебро и золото, но пушки и ружья, людей и лошадей, продолжали свой безостановочный поход.

Луидоры из Венеции

Аррьергард французский ночевал в селении Латыголь. 1 генерал, 32 офицера, 1500 человек солдат, 2 знамени. 10 орудий и 30 зарядных ящиков были взяты в плен".

"3 декабря. Выполняя приказ императора, вице-король отправил по направлению к Вильно всю кассу, все экипажи, больных и раненых. Приблизительно в одной миле от Беницы на этот обоз бандой казаков Ланского, состоявшей человек из 600, было сделано нападение..."

Здесь просто необходимо задержаться и рассмотреть ситуацию более пристально, ибо нападение это было не совсем обычным, и задачи перед ним ставились особые. Рассмотрим все по порядку, и, как водится в приключенческих романах, издалека...

Бывают все же у кладоискателей маленькие радости! Иногда достается им свое, особое, поисковое счастье. Не приходится лезть в непролазные болота, продирается сквозь густой лесной бурелом, обвешавшись всяческими тяжестями, спускаться в подозрительные подвалы с подгнившими деревянными стропилами. Доводится им побродить в поисках сокровищ и в почти паркетной обстановке, чуть ли не с удобствами. В такой комфортной обстановке нам довелось поработать осенью 2003 года. Расследовалась старинная история, эпиграфом к которой мог бы послужить вот такой коротенький, но значимый абзац.

"По приказу императора батальон императорской гвардии поздней осенью 1812 года эскортировал повозку, доверху нагруженную дубовыми бочкам. Гвардейцы отвечали за нее головами. Повозка была тяжела, и пало несколько лошадей. Другие повозки были уже покинуты. Неожиданно распространилась страшная весть, что казаки близко. Одну бочку разбили прикладами и 50 000 наполеондоров, или один миллион франков, исчезли в карманах, но разве все унесешь? Опасность удвоила силы. Лома и лопаты вгрызлись в мерзлую землю. Вскоре драгоценная поклажа исчезла в ямс..."

Вот так живописно и напряженно было описано некое давно минувшее приключение, случившееся некогда в далекие годы. Заметка была опубликована в "Неделе" (№ 2, январь 1967 г.).

Но давайте теперь посмотрим, где же происходили описанные выше события. Да и были ли они на самом деле? Возьмем в руки наш особый кладоискательский телескоп, смотрящий сквозь время и пространство, и направим его в сторону... благословенной Венеции. Удивлены? Тогда поясним, что всевозможные версии и легенды о местах захоронения наполеоновских кладов приходили даже из столь удаленных от России мест.

Итак, начинаем повествование об очередном таинственном кладе. В архивах Министерства

иностранных дел России сохранилось частное письмо некоей высокопоставленной особы, имевшей косвенное отношение к событиям 1812 года. Этой дамой была супруга генерал-адъютанта П.Д. Киселева. Зимой 1838 года, будучи на отдыхе в Венеции, она обратилась к находившемуся там по делам службы русскому послу в Австрии Татищеву. По ее словам, ей, в силу стечения обстоятельств, стало известно о том, что где-то в Минской губернии зарыт многомиллионный клад. Киселева рассказала Татищеву, что муж не придает значения ее словам, но она уверена в достоверности этих сведений и берется отыскать бочки с золотом. По распоряжению вице-канцлера Нессельроде виленскому генерал-губернатору князю Долгорукому было направлено указание: "Чтобы со стороны местного начальства оказано было генеральше Киселевой всякое содействие к отысканию упомянутого клада".

Нам могут возразить, что таких легенд хоть пруд пруди. А каковы ориентиры? "Где-то в Минской губернии"! Этак, можно написать, что где-то на Колыме есть золото! Кто же не знает, что оно там есть? По таким скудным приметам, малодостоверным сведениям, к тому же исходящим от какой-то сумасбродной генеральши, начинать что-либо искать может только очень наивный человек.

Что ж, в этом есть много нелегальной правды. Может быть, ее здесь даже целых 95 %. Но давайте все же попробуем "размотать" оставшиеся 5 %, и хотя бы примерно выяснить, какие именно события имела в виду г-жа Киселева. Почему бы не попытаться отыскать все еще не найденный клад.

Рассмотрим некоторые моменты из официальной переписки, мемуаров и сохранившихся писем самой генеральши. И прежде всего вспомним один неоспоримый факт. Известно, что кроме московских и иных трофеев в первом императорском обозе находились и фургоны с казной всей французской армии. Фактически в составе экспедиционных войск двигался госбанк на колесах. Основное содержимое этого банка составляли золотые монеты наполеондоры достоинством в 20 франков и серебряные монеты достоинством в 5 франков. Вес одной золотой монеты был равен 9,451 грамму, а серебряной несколько более – 25 граммов. Это были, во-первых, жалованье солдат, офицеров и генералов громадной армии Наполеона, во-вторых, наградные деньги, и, в-третьих, монетарная часть захваченных в процессе войны трофеев.

Расчитано это жалованье было примерно на полмиллиона человек. Кроме того, платежные средства в монетарном виде предназначались для обеспечения прочих войсковых потребностей, как то: наем жилья, ремонт подвижного состава, покупку фуража для бесчисленных лошадиных табунов, организацию лечения раненых и т. д. Вся эта многомиллионная масса денег двигалась на 48 пронумерованных капитальных фургонах, причем порядок их движения был определен специальным приказом императора. Каждая повозка, имеющая больший номер, была обязана двигаться вслед за повозкой с меньшим номером. Только так следовало поступать возницам и никак иначе. Все же деньги, сами понимаете. Требуется глаз да глаз за их сохранностью! В финансовых вопросах, как нигде, должен был поддерживаться образцовый порядок. И так все и было. До определенного момента...

В силу стечения всем известных трагических обстоятельств и значительных людских потерь основная, мы бы даже сказали, подавляющая масса этих денег в Москве роздана по назначению не была. И при отступлении из дымящейся Москвы все 48 банковских фургонов единой колонной, не допуская в свои ряды прочие экипажи, потянулись на запад. До поры до времени все было нормально, однако так долго продолжаться не могло.

Мы уже упоминали в предыдущих главах, что от стен Смоленска до реки Березины императорскую казну охраняли Баденские гренадеры, не столь пострадавшие в предыдущих сражениях. Но так случилось, что именно с того момента, как гренадеры приняли на себя заботу об армейских ценностях, и начались самые значительные их утраты. О судьбе казны армии императора можно судить по воспоминаниям корпусного казначея Дювержье из 1-го корпуса маршала Даву. Вот что он пишет в своих воспоминаниях.

"Мой фургон, запряженный семью лошадьми, продвигался довольно хорошо. 9 декабря в полночь я был в двух лье (8 верст) от города Вильно. Другой фургон под № 48, перевозивший два миллиона франков золотом, застрял на дороге в снегу по самые ступицы. За ночь из тринадцати наших лошадей (моих и № 48) умерло (замерзло) семь. Утром были присланы лошади из Вильно, и фургон № 48 был вытаскен из снега и поставлен на дорогу. Этот фургон, последний по счету, оказался единственным дошедшим до места назначения. Мой же фургон остался на месте. Он был ограблен по очереди французами и казаками. Я прибыл в Вильно 10 декабря".

Очень характерная запись для тех дней и очень показательная. Можно сделать обоснованный вывод о том, что почти вся казна иноземного воинства была оставлена на территории России. Другой вопрос, что же случилось со всеми этими ценностями? Теперь-то мы точно знаем, что с ними случилось. Часть из этих денег была расхищена солдатами самих коалиционных войск. Часть попала к лихим казакам Платова, Сергея Ланского и Дениса Давыдова и исчезла в их карманах, постепенно перекочевав в кошельки попутных трактирщиков. Еще одна часть была все же спрятана тем или иным способом. Судьба основной части этих денег тоже более или менее известна. Во многом ее отыскивали впоследствии, причем главная роль в этом принадлежит тем, кто хоронил эти деньги, то есть самим же французам. Но какая-то часть их была найдена много позже, уже современными кладоискателями. Только совсем небольшая часть золотых

и серебряных монет все еще ждет своих "освободителей" из земного плена.

Так что генеральша Киселева была почти права, клятвенно утверждая, что знает, где зарыт один из таких фургонов. Вспомним кое-какие подробности, связанные с ее столь уверенным заявлением. Почему она узнала об этом именно в Венеции? Дело в том, что с Березинской переправы и далее до современного Вильнюса вся казна охранялась и конвоировалась итальянской королевской гвардией под командованием принца Евгения Богарне.

Вполне могло так случиться, что один из бывших офицеров королевской гвардии и поведал генеральше о собственноручно закопанных сокровищах. Да, возможно, он совершенно ничего не рассказывал госпоже Киселевой лично, а, например, делился с кем-нибудь воспоминаниями о боевой юности, сидя за столиком в одном из открытых венецианских ресторанчиков. А госпожа генеральша в это время просто сидела за соседним столиком. К тому же она прекрасно знала итальянский язык.

Так или иначе, суммировав все данные, мы с большой долей уверенности можем определить, что описанный генеральшей эпизод мог случиться только на одном достаточно небольшом по протяженности отрезке пути, запруженном толпами отступающей армии Наполеона. И отрезок этот, хотя и относительно невелик, но довольно четко определен географически. Он простирается от западных окрестностей города Молодечно до современной границы с Литвой.

Почему именно там? Все дело в том, что полный развал армии начался после того, как французский император бросил остатки своих войск на произвол судьбы. А случилось это роковое событие именно тогда, когда он достиг Сморгони. Если взглянем на современную карту, то увидим, что местечко Сморгонь находится примерно в 30 км от города Молодечно. На всем этом промежутке были растянуты совершенно деморализованные войска "Великой армии", или то, что от них оставалось.

Исходя из исследований всех доступных на данный момент материалов, мы можем утверждать, что на всем длинном пути от города Красного, что на Смоленщине, до Вильно французы и преследующие их казаки в разных местах, особенно вблизи основных транспортных путей, закопали, утопили и разграбили 47 фургонов золотых и серебряных монет из так называемого "1-го золотого обоза". Некоторые исследователи считают, что каждый из них перевозил порядка 350–400 кг драгоценного груза. Отсюда делают несколько скоропалительный вывод о том, что по всей длине этого пути закопано примерно 16 тонн монет из драгоценных металлов. Но у нас на сей счет не столь оптимистичные прогнозы.

Дай-то Бог, чтобы в земле до сих пор сохранилась хотя бы пятая часть утраченного богатства (это примерно 10–20 миллионов долларов). И искать их следует недалеко от дороги. Для успешного продвижения очередного поискового проекта нам осталось только сузить данную, довольно длинную дорогу до совсем маленького отрезка. А для этого продолжим наши мыслительные поиски.

Разумеется, большую часть до сих пор не найденных сокровищ зарывали в лесах и оврагах, чтобы максимально затруднить их нахождение преследователями. Как правило, осуществлялись такие действия там, где разбивались бивуаки или случался особенно большой падеж лошадей. Обратимся вновь к воспоминаниям непосредственных участников тех событий. Казну и обоз с ранеными офицерами от реки Березины сопровождал офицер королевской гвардии Цезарь де Лотье. Он, к счастью, вел дневник, и дневник этот сохранился. Обратимся к нему.

"28 ноября. Зембин. Из остатков итальянского войска император сформировал авангард, который должен был конвоировать КАССУ, а также раненых генералов и офицеров.

1 декабря. Илия. Французский авангард, состоящий из остатков корпусов Евгения Богарне и маршала Даву, прибывает в Илию.

2 декабря. Мы (итальянская гвардия) сделали мучительный 12 часовой переход (32 км), нигде не отдыхая, боясь быть обойденными, и в 11 часов утра 2 декабря приходим в Молодечно. Этот безумный переход довершил расстройство наших полков. Много способствовало этому и медлительность нашего движения, вызванная необходимостью эскортировать КАЗНУ и раненых генералов и офицеров. На полдороге у селения Селищи Евгений Богарне остановил колонну и написал императору, который был еще позади, о том, что здесь происходит. А что здесь происходило? Дорога шла большей частью лесом, и вдоль всей дороги по ее сторонам на всем протяжении громадного перехода горели бивуачные костры, и множество отставших солдат грелось возле них. Так как многие полки сведены на нет, то маршал Ней собрал знамена этих полков и с офицерами послал их – к "молодой" гвардии, сопровождавшей императора. На последнем переходе у сельца Селищи Наполеон приказал сломать их наверхия в виде орлов на знаменах и закопать их".

Отметим про себя, что орлы те – золотые, и было их примерно 20 штук. Стоимость же каждого из них на сегодняшний день никак не менее четверти миллиона долларов. Согласитесь, что отыскать ныне такой редкий трофей было бы весьма престижно и почетно. Но возвратимся к дневнику де Лотье.

"3 декабря. Молодечно. Выполняя приказ императора. Евгений Богарне отправил по направлению к Вильню всю КАССУ (вернее будет сказать, все, что от нее к тому времени осталось), все экипажи с остатками московских трофеев, больных и раненых. Приблизительно в одной миле от Беницы на этот обоз бандой казаков Ланского, состоявшей человек из 600, было сделано нападение".

"Охрана обоза была слишком ничтожна, ее едва хватило на то, чтобы прикрыть только одну часть всей вереницы (скорее всего, прикрывали только двигающиеся в голове колонны фургоны с казной). Казаки ворвались туда, где не было вооруженных солдат, но скоро были обращены в бегство и в тот день уже не появлялись".

Вот что-то, кажется, начинает проясняться. Уж не это ли нападение, спланированное и организованное полковником Ланским, имела в виду наша генеральша? Уж слишком много фактов сходится здесь буквально в одну точку. Тут и изможденный обоз, тянувший из последних сил фургоны с кассой, и храбрецы итальянцы, грудью стоявшие на его охране и защите, и тот запомнившийся многим роковой момент, когда коалиционная армия уже начала рассыпаться, причем даже не на разрозненные подразделения, а просто на отдельных смертельно измученных людей, уже почти утративших веру в спасение. А тут еще и обрушившиеся на голову казаки!

Стало быть, именно здесь, в этом самом месте, расположенном в промежутке между деревнями Беница и Марково, произошло то знаменательное событие, о котором шла речь в самом начале главы. Скажем больше, участок поисков определен еще более точно. Ведь написано же, что атаке казаков обоз подвергся в тот момент, когда находился от Беницы на расстоянии примерно одной сухопутной мили (1,6 км). Именно здесь перепуганная охрана спешно зарывала подведомственные ценности, не рассчитывая отстоять их в схватке с превосходящими силами противника.

Известно, что после отражения сокрушительной казацкой атаки перевозивший ценности обоз все же сумел отойти в Беницу, где и заночевал. Это было 3-го, а 4 декабря туда же прибыла главная квартира императора, и Наполеон остался ночевать в имении графа Закаля. Авангард армии в ту ночь ночевал в Марково, а в Молодечно остался арьергард под командованием маршалов Нея и Виктора. Это объединенное одним желанием выжить хаотически перемешавшееся скопище военных и гражданских людей, едва передохнув в жуткую и холодную ночь с 4 на 5 декабря, тоже начинает выдвигаться вслед за мчащимся к границе Наполеоном. Отставать от основной массы войск нельзя, иначе – неминуемая смерть.

Вот что пишет в своих мемуарах граф Хохберг:

"В три часа утра 4 декабря мы двинулись к Молодечно, куда и прибыли к полудню, и неприятель нас не тревожил. В два часа после полудня неприятель атаковал дивизию Жирара. До самого вечера мы находились под сильной канонадой русских. Чтобы не вступать в бой, маршал Виктор велел нам выступить в полночь 5 декабря. Мы шли по большой дороге из Минска в Сморгонь. Ночью мы нагнали главный штаб итальянского Вице-короля, который еще не выступил дальше, и нам пришлось ждать на морозе, пока он не очистит квартиры. Затем нам сказали, что еще не продвинулись фургоны с трофеями, взятыми из Москвы, как, например, крест с Ивана Великого и другие вещи из Кремля. И мы опять должны были ждать. Обиднее всего, что часть этих вещей все равно погибла в непродолжительном по времени пути, а их остатки возле Вильно".

Бедные трофейщики и уцелевшие кассиры, видимо, никак не могли прийти в себя после атаки полка Ланского.

Утром 5 декабря Наполеон с главной квартирой выступил из Беницы в местечко Сморгонь, куда и прибыл в 2 часа пополудни. Мороз в те дни доходил до 20 градусов. Туда же выступил обоз с казной и остатками московских трофеев. А русские войска в тот день заняли Молодечно и преследовали арьергард до деревни Марково. В тот день они взяли в плен 2500 солдат и 30 офицеров, отбили у французов 24 орудия и 30 зарядных ящиков!

Вечером войска французского авангарда прибыли в Сморгонь, там же остановился и тот обоз, что вез казну всей армии. В 10 часов вечера Наполеон покинул армию и уже никаких приказов не отдавал. После Сморгони, начиная с 6 декабря, всякая дисциплина исчезла окончательно, теперь каждый заботился только о сохранении своей жизни.

Как мы уже говорили ранее, до Вильно дошел только один фургон с казной из сорока восьми, вышедших из Москвы. По некоторым сведениям, до столицы современной Литвы дотащился лишь небольшой обозик с остатками захваченных в России трофеев. Большая же их часть была ранее либо отбита казаками, либо захоронена.

Теперь подведем некоторый итог нашим предварительным изысканиям. Начали мы с невразумительной просьбы некоей малоизвестной генеральши, а закончили тем, что с большой точностью установили место, где 3 декабря 1812 года были закопаны как минимум 7 бочонков золотых наполеондоров.

Но что-то подсказывает нам, что одними этими бочонками дело не обошлось. Угроза полного разгрома и пленения была слишком велика, и французы вкупе с итальянцами спешно прятали все, что ни попадя. Этим делом занимались все, кто на тот момент мог держать в руках лом или лопату. Возможно, что некоторую часть спрятанного в тот день имущества потом смогли извлечь, но в том хаосе, который творился во время удалой казацкой атаки, о многом из спрятанного могли впоследствии просто не вспомнить, или в пылу скоротечной битвы попросту затоптать место захоронения.

4 декабря

"4 декабря. Мы выходим в 9 часов утра на Молодечно, и в половине четвертого останавливаемся в Виннице (ошибочное написание названия, правильное – Беница) – маленьком городке. Мы размещаемся в очень красивом барском доме, хорошо меблированном; есть там бильярд и мы на нем играем. Казаки захватили троих из моих лошадей и вещи. Из меховых (вещей) у меня остается лишь женская лисья шуба служащая, мне одеялом.

Идет снег; холод слишком силен для верховой езды. Целый день я шел пешком в моих продырявленных сапогах. Солдаты больше не едят лошадей. Скот имеется в достаточном количестве; начинают выдавать провиант. В амбарах поместья мы находим муку, горох, картофель, крупу: все это выдают гвардии и нашим людям".

Наполеон ночует в имении графа Закаля в местечке Беница.

"Сегодня утром Наполеон приказал Виктору собрать всех отставших и затем присоединиться к другим солдатам. Авангард должен направиться в Марково, а Нею предписано ожидать здесь прибытия Виктора.

В 9 утра квартиру Наполеона перенесли в Беницу, а ночью (с 4-го по 5-е) передовые части нашей армии и главная часть первого отряда двинутся в Сморгонь".

5 декабря

"В сей день французы потеряли: 24 орудия, 30 зарядных ящиков, брошенных на дороге до Марково, и 2500 человек пленных".

"В ночь с 5-го на 6-е из Молодечно выступил граф Хоберг с двумя батальонами общей численностью 400 человек. Этой же ночью они нагнали главный штаб Вице-короля, который еще не выступил дальше (из Беницы) им сказали, что еще не продвинулись фургоны с трофеями, взятыми из Москвы, как, например крест с Ивана Великого и другие вещи из Кремля. Обиднее всего, что часть этих вещей все равно погибла в непродолжительное время в пути, а их остаток около Вильно".

"5 декабря. Выходим в 9 часов утра и в 2 часа приходим в Сморгонь. Мороз стоит, по крайней мере, 20 градусов. На этот раз весь путь я совершаю пешком. Моя конюшня состоит из 3-х кляч. Они мне не очень нужны; я предпочитаю идти пешком. Я очень рад, что помещаюсь в скверной крестьянской избе, где есть печь вместо камина; мы разделяем ее с нашими людьми.

Император помещается в барском доме (князя Огинского). Перед отъездом (имеется в виду последние мгновения пребывания Наполеона в армии) император выдал каждому из своих адъютантов по 30 000 франков золотом и по 6000 каждому из офицеров-ординарцев. С собой он взял бочонок с монетами 50 000 франков".

Маленькое дополнение к последней фразе. Вот уж не везет, так не везет. Даже эти 50 000 были в спешке бегства забыты Наполеоном и его спутниками на очередной почтовой станции. Но это так, к слову Вернемся к деньгам, оставленным в войсках. 30 000 франков – это совсем немало – 23,5 кг золота! Стало быть, было из каких запасов раздавать такие щедрые подарки. Но столько получили простые адъютанты.

Интересно бы выяснить, сколько было выдано на непредвиденные расходы маршалам и генералам?

Из этого факта делаем однозначный вывод о том, что именно с 5 декабря и именно в Сморгони начался процесс децентрализации войсковых касс. Видимо, положение с лошадьми и дисциплиной в армии было просто критическое, несмотря на то, что снабжение войск продовольствием и фуражом несколько улучшилось.

Далее войска французской армии двигались по следующему маршруту: Сморгонь – Ошмяны – Медники – Вильно – Еве – Жижморы – Ковно. И на этом пути их по-прежнему ожидали поражения и потери.

"В 7 часов вечера 5 декабря император уехал в своей дорожной карете, вместе с Коленкурром. На козлах сидел капитан польских гвардейских уланов Вансович, служивший ему переводчиком, и мамелюк Рустам. Генералы Мутон и Дюрок следовали за ним в санях. Они направились в Вильно, с небольшим конвоем неаполитанского кавалерийского отряда под командой герцога Рока Романа".

Наполеон однажды уже испытывал горечь мучительного отступления. 13 лет назад, вслед за блистательными победами в Египте и Сирии, он вынужден был возвращаться после неудачи под Сен-Жан д'Акр по выжженной солнцем страшной дороге сирийской пустыни. Все повторялось. Только тогда было беспощадно палящее солнце и пески, теперь – холод и снег.

Молча шагая в тяжелой медвежьей шубе по промерзшей земле, окруженной лесами, он, как и 13 лет назад, приходил к мысли о том, что надо скорее бросать обреченную армию и не медля уходить. Через два дня, после обнародования последнего 29-го бюллетеня о положении армии, Наполеон оставил войска на Мюрата (как старшего по монархической иерархии) и умчался в Париж. Без эскорта и охраны, инкогнито, он буквально летел, все увеличивая скорость, через всю Европу в Париж.

По свидетельствам его спутников, это было путешествие на грани возможного. Опасность была действительно велика. Выезжая 5 декабря из Сморгони, Наполеон не знал, что в этот день Ошмяны, через которые он должен был проехать, были уже заняты отрядом Сеславина.

Наполеона спасло только то, что дивизия Луазона вытеснила Сеславина из Ошмян, но его отряд расположился бивуаком в непосредственной близости от главной дороги. Под покровом темноты – уже было за полночь – экипаж Наполеона промчался незамеченным (а может быть, казаки просто поленились за ним гнаться на ночь глядя). Но опасность попасть в руки русского отряда была вполне реальной.

Когда позже Наполеон проезжал через Дрезден, он и не подозревал, что там была подготовлена группа, которая должна была захватить его при проезде через город. Быстрота, с которой он ехал, обеспечила успех рискованного путешествия. Ему удалось миновать беспрепятственно все расставленные западни.

"Генерал Нарбон послал за мной в мое помещение, чтобы объявить мне о своей миссии в Берлин. Велико было мое изумление, когда в дежурной комнате я узнал об отъезде Императора. Часть ночи (с 5-го на 6-е) я провел в переписывании 29-го бюллетеня в подлиннике, поправленном рукою Его Величества. Любезный и остроумный секретарь кабинета Му-нье мне передал его слова: "И очень сильно морозит" – написаны рукой Его Величества".

5 декабря 1812 года мороз доходил до минус 25 градусов.

6 декабря

"Термометр показывает уже 24 градуса мороза. Как только уехал император, императорская гвардия совершенно небрежно стала относиться к своим обязанностям и совершенно перестала заботиться о тех, кто не был самим императором. Исчезло все их мужество и терпение – сила, облегчавшая им дни великих испытаний.

Вице-король устраивает в Ошмянах (современные Ашмяны) свою главную квартиру в одной из церквей. Из его блестящего корпуса осталось каких-нибудь 500 или 600 человек".

"В Жупранах, маленькой деревушке, стоящей на берегу реки, было несколько риг – деревянных сараев, крытых соломой. После отъезда императора полковники скручивали полотнища знамен и вручали их самым сильным гренадерам. Золотые орлы с древков снимали и прятали. Вопрос – куда их могли прятать, когда мороз достигал –27 градусов Цельсия. Закапывать или топить было сложновато, поскольку промерзшая земля и толстый лёд на реке препятствовали этому. Относительно тепло было только в самих ригах, где собирались солдаты и где горели костры. Так что золотых орлов могли закапывать только там. Тем более что сами риги были перед уходом французов подожжены. Огонь ведь надежно скрывает все следы..."

Кстати, несколько слов о знаменах. В армии Наполеона числилось 265 полков. И каждый полк имел своего золотого орла на знамени. От всего этого великолепия в России остался один-единственный орел, который ныне хранится в Эрмитаже. Так что поисковикам есть над чем еще поработать.

7 декабря

"7 декабря. Ровно-Поле. Главная квартира Мюрата устроена была в Медниках. Тень "Великой армии" перешла через Ошмяны без всяких остановок и не получала даже раздач (продовольствия). Вице-король, окруженный остатками своего войска, расположился в замке Ровно-Поле".

"Я шел между генералом Раппом и офицером ординарцем Гальцем. Последний предупредил меня, что у меня отморожена правая сторона лица; чтобы потерять лицо снегом, я снял мои огромные лисьи перчатки. Я следовал за Неаполитанским королем к домику, окруженному большими каменными стенами и носящему пышное название замка. Вместе с другими я вошел в скверную комнатку".

8 декабря

"8 декабря. На рассвете, т. е. к 8 часам утра, пробили сбор во дворе короля. Принц Невшательский (Бертье) который "потерял голову", вошел в комнату, где мы (30 человек) завтракали, с криком, что мы бесчестим себя, потому, что заканчиваем кушать вместо того, чтобы идти во двор. Он предупредил, что уже пробили сбор, но мы не обратили на это большого внимания.

Не пришлось собирать вместе батальон "старой" гвардии под ружье; на его бивуаке остались мертвые, а часовой замерз стоя. Мороз не позволял солдатам держать ружья.

Штаб-квартира Мюрата была перенесена в Вильно. В 2 часа дня 8 декабря я прибыл одним из первых в этот город. В воротах было большое скопление, а позднее проход сделался опасным. Мне показали помещение генерала Нар-бона в доме губернатора".

"Рукойны. Мюрат и Бертье выступили сегодня (из Медников) в 11 часов утра в Вильно. Мы встали

бивуаком в Рукой-нах, где уцелели лишь несколько разрушенных хижин, и где кругом все было завалено трупами. Виктор ввел в Медники остатки дивизии Луазано и неаполитанской кавалерии и соединил свой отряд с солдатами Нея.

Когда мы выступили из Рукойн, нам на пути попадались баварские войска, в беспорядке возвращавшиеся из Неменчина. Целых десять часов подряд в сильнейший мороз 28 градусов тысячи толпились у ворот Вильно".

"Трупы неаполитанских велитов, которых всегда можно распознать по их богатым совершенно новым одеждам, показывали нам, что здесь проехал Император".

"Как описать ужас жителей Вильны, все время хранивших у себя в городе все наши вещи, наших раненых и больных, наш провиант и шесть миллионов денег".

Отметим про себя этот отрадный факт. Как минимум 300 тысяч золотых монет армия все еще транспортировала, несмотря на ужасающие потери в личном составе и лошадях, лютой холод и мор.

9 декабря

"9 декабря. В Вильно я прибыл 8 декабря в 2 часа дня и остановился в доме губернатора. Слышится канонада: в 5 часов вечера пробили сбор. Батальонный командир Дарнуль предупредил короля Неаполитанского (Мюрата), что офицер сторожевого поста возвестил о приближении казаков.

Его величество Мюрат, проявивший в эту кампанию невероятную храбрость, на этот раз потерял голову, подобно маршалу Бертье. Король Мюрат спасся бегством, самолично таща за повод свою лошадь; я встретил его и маршала Бертье, когда они пешком проводили свой план в действие.

Полковник Бонгар, адъютант начальника штаба, – хороший товарищ, на мой вопрос, куда они так быстро идут, прокричал нам: "На лошадей! Больше мне нечего сказать! "

Будучи мало расположен так скоро ехать верхом, я пустился на разведку и узнал, что это внезапное отступление было вызвано приближением нескольких казаков с пушкой.

Генерал Нарбон согласился отправиться вместе с генералом Себастиани; эскорт последнего состоял из всех конных офицеров кавалерии. В 11 вечера генерал Себастиани уведомил нас, что он отправляется: не знаю, как это вышло, но мы не могли к нему присоединиться. Генерал Нарбон и я (Кастеллан) шли пешком, за нами следовали наши лошади.

При выходе из города (ночью) была большая сумятица: мы остановились в штаб-квартире Неаполитанского короля в двух километрах от городских ворот. В Вильно осталось большое число больных солдат, их число доходило до 20 000 человек".

"Придя в Вильно, мы узнали, наконец, что, предназначенной для итальянского войска квартирой был монастырь Святого Рафаила за Вильно. Король Мюрат устроил свою главную квартиру в одном из кафе, находившемся по дороге в Ковно, на расстоянии ружейного выстрела от ворот города. В 11 часов вечера все было спокойно, и Вице-король поехал к Мюрату".

Русские заняли Вильно утром 11 декабря. Именно здесь, вблизи современного Вильнюса, французов ожидало самое ужасное приключение за все их двухмесячное путешествие. И приключение это было вызвано самыми что ни на есть естественными, вернее будет сказать географическими, причинами.

10 декабря

"10 декабря. В четыре часа Мюрат выступает, и все войска идут по Ковельской дороге. Императорская гвардия уменьшилась теперь приблизительно до 800 человек. Баварский отряд и дивизия Луазана, к которым присоединилось все депо, составили авангард под начальством Нея. Весь отряд этот состоял, в общем, из 2300 человек пехоты и 200 человек кавалерии, так что великая армия едва доходила до 5000 вооруженных человек, не считая поляков и кавалерии, отправившихся к Олите.

Мюрат и Бертье ехали в карете. Вице-король, Даву, Лefевр, Мортье и Бессьер с остатками своих штабов следовали пешком или верхом.

В 2-х милях от Вильно, по дороге в Ковно стоит Понарская гора. Глубокий снег и ледяная кора делали гору неприступной, взобраться туда было невозможно. Если взять влево, то между Вильно и Понарской горой шла дорога на Новые Траки. Эта дорога идет по равнине и по ней, через Траки, Еве и Жижморы можно было попасть на Большую дорогу из Вильно в Ковно.

Все фуры, пушки, багаж, все вывезенные из Москвы и все еще остававшиеся трофеи, наконец, экипажи самого императора и вывезенная из Вильно казна, все это сбилось и перепуталось. Пришлось все бросить.

Ней дал приказ полковнику Тюрейну открыть все ящики с казной и разделить деньги между всеми, кто только захочет. Французы и казаки сообща грабили из ящиков казну – шесть миллионов золотом и серебром. Только ночь положила конец всей этой невыразимой суматохе".

"В штаб-квартире короля (Мюрата) в двух километрах от Вильно, в час ночи нас догнали наши сани.

В первые сани генерал Нарбон и Шабо, во вторые сани сел я с Эйяром, в третьи сани лакей и повар. Поехали, но сани отбились друг от друга среди ночной темноты. При приближении к подъему Понарской горы произошло большое нагромождение пушек, фургонов, повозок, которые не могли добраться до вершины.

Холод был чрезвычайный; гора была покрыта кострами, разложенными проводниками, которые видели невозможность движения вперед, благодаря крутизне и обледенелости тропинки. (Высота горы примерно 250 метров).

Драгун, который следовал за мной с моим чемодане"! потерял меня, так я его больше и не видел. Вся оставшаяся ночь прошла у меня в том, что я старался продвинуть вперед мои сани; мне удалось, несмотря на пушки и фургоны проехать три четверти горы Понарай. На рассвете, раздраженный невозможностью дальнейшего движения, я решил бросить сани и идти пешком.

При этом несчастном подъеме мы оставили все пушки и большое количество багажа и повозок. Наши собственные солдаты разграбили часть армейской казны при появлении казаков; одно время даже работали с ними в полном согласии.

Ночью многие офицеры и союзники предлагали мне купить награбленные вещи: серебряные чаши, приборы столовые и прочее. Наши солдаты охотно давали 100, даже 300 франков серебром за один наполеондор золотом". (Видимо, денег и серебряных изделий на руках было столько, что унести все с собой было делом нереальным.)

"Главный штаб был перенесен за 44 км от Вильно в Эве; я прибыл туда в 5 часов вечера, очень утомленный, в лихорадке от боли в моей отмороженной правой руке. Я умирал от голода, так как не ел ничего в течение 24-х часов; у меня дрожали ноги, и я падал.

По дороге (к Эве) я встретил Шабо; он сообщил мне, что ночью он потерял генерала Нарбонна. Мы очень о нем беспокоились, так как его все еще не было. Генерал Куриаль уверял нас, будто он видел его шедшим пешком, позади: это меня мало успокаивало, я знал, что Вильно эвакуирован утром (10 декабря) и что в 10 утра казаки были на (Понарской) горе с пушкой!"

Вам не кажется, что эта пресловутая пушка просто навязла на зубах? Создается такое впечатление, что всю французскую армию гнала сотня казаков с одной-единственной пушкой, прикрученной вожжами к обычным зимним розвальням.

"Я превратился в настоящего Иоанна Крестителя в детстве: мои последние вещи остались в санях Эйяра. Этот верный слуга попал в плен с отмороженными руками и ногами. Я считал его погибшим. Он был отправлен в Витебск, где сделался парикмахером. Из русского плена он возвратился в 1814 году во Францию с тремя франками в кармане, таким образом, он не без успеха занялся ремеслом.

В этом походе я потерял 17 лошадей. В Эве нам было очень плохо в помещении вроде хижины. Меня так притиснули, что целую ночь я вынужден был держать поднятой мою больную руку. Я дал золотой за связку соломы императорскому конюху. Я разделил ее с Шабо и двумя другими товарищами. Поужинали мы очень плохо – крошечным куском хлеба, наполовину из отрубей и небольшим кусочком мяса; не было даже воды. Сани, брошенные генералом Нарбонном (у горы), подъехали в 11 часов вечера. Конюх, который ими правил, отморозил себе нос и ноги. Трупы замерзших солдат продолжают усеивать дорогу".

"В 4 часа Мюрат выступает, и все войска идут по Ковенской дороге. Императорская гвардия уменьшилась теперь приблизительно до 800 человек. Баварский отряд и дивизия Луазона, к которым присоединилось все депо, составили арьергард, под начальством Нея. Весь отряд этот состоял, в общем, из 2300 человек пехоты и 200 кавалерии, так что "Великая армия" едва доходила до 5000 вооруженных человек, не считая поляков и кавалерии, отправившейся к Олите. Мюрат и Бертье ехали в карете. Вице-король, Даву, Лефевр, Мортье и Бессьер, с остатками своих штабов, следовали пешком или верхом".

11 декабря

"11 декабря 1812 года. Король без свиты отправился прямо в Ковно; в момент его отъезда прибыл арьергард дивизии Луазона, сведенной к 600 человек; за три дня перед этим в Вильно она насчитывала 6000 человек. У этой дивизии не осталось ни одной пушки. 113 линейный полк, – часть ее – состоящая из флорентийцев, поразил меня в этом городе своей выправкой и щегольской одеждой. Я разговаривал с сержантом этого полка, удивляясь, каким образом такой многочисленный отряд так быстро растаял. Он мне ответил: "Это очень просто, мы умираем от холода и голода. В нас посылают ядра, мы же не можем отвечать неприятелю тем же, ничего не оставалось, как следовать примеру тех, которые в таком беспорядке прибыли из Москвы".

Этот сержант был в числе тех приблизительно 120 солдат полка, которые до этого дня еще оставались под знаменами.

Арьергард остановился в Эве; я оставался там же до 10 часов утра, надеясь встретить моего генерала. Все время не переставала дефилировать толпа отбившихся от армии солдат, оставшихся позади. Старая императорская гвардия, насчитывавшая в момент отъезда императора (5 декабря) до 1400 человек, теперь

вряд ли имела под ружьем больше 800 человек.

Я и Шабо приютились в санях генерала вместе с его поваром, единственным из наших служителей, у которого не было ничего отморожено. Наше беспокойство об участи генерала Нарбонна возрастает в течение дня. Среди жестоких страданий, доставляемых мне моей рукой, я не мог не твердить себе: "Перед нами зрелище величайших ужасов, ничего подобного потомки больше не увидят".

Проехав едва 8 верст, мы услышали казацкую пушку, обстреливающую наш арьергард. Мы остановились в штабе генерала Себастьяни и с восторгом нашли там генерала Нар-бона!"

Оставим теперь на время милейшего адъютанта Каstellана, наконец-то отыскавшего в суматохе повального бегства своего непосредственного начальника, и поблагодарим его напоследок за неоценимую помощь, оказанную нам в поисках истины.

14 декабря

"Полковник Кайсаров захватил экипаж государственного секретаря, графа Дарю, в коем были найдены всевозможные документы, упакованные в двух тюках".

Интересно, что эти бумаги были отправлены не куда-нибудь еще, а напрямик в Петербург, императору Александру I. Но ни одного приказа об уничтожении (сокрытии) каких-либо ценностей среди них не нашли. Почему? Ведь мы буквально по дням и часам установили, когда и где были спрятаны весьма солидные ценности. А просто так, по стечению обстоятельств, их не прятали, поскольку все в армии (в том числе и французской) осуществлялось только по приказу. Следовательно, все документы, связанные с преднамеренным захоронением вывезенных из Москвы трофеев, были преднамеренно уничтожены. Кем? Зачем?

Да тем же самым Дарю. Неоднократно участниками похода отмечалось, что государственный секретарь несколько раз сжигал какую-то документацию, организуя кострища на привалах от Гжатска до Толочина (то есть до того места, где был издан приказ об уничтожении "2-го золотого обоза"). Кроме того, самим императором в Орше было сожжено большое количество документов, и даже одежды. В Толочине тоже что-то сжигалось. Как говорит народная мудрость: что-то скрывают только тогда, когда есть что скрывать.

Давайте теперь абстрагируемся от событий, происходивших в середине декабря 1812 года, и мысленно переместимся в город Вильно примерно на сто лет вперед. В марте 1910 года в этом городе был утвержден кружок ревнителей памяти старины 1812 года, а уже в апреле была произведена разведка всех операционных путей нашей и французской армий во время Отечественной войны. И это, казалось бы, самое невинное дело привело к открытию еще одного нешуточного клада, связанного с нашествием Наполеона. Расскажем и об этих сокровищах.

Сокровища Рундале

Для удобства военной разведки территория Виленского военного округа была разбита на 34 участка, на которых работало 42 офицера. Офицеры эти собрали обширный материал, заключающийся в 34 журналах работ со всевозможными приложениями: рисунками, планами. Старожилы исследуемых мест со слов своих отцов сообщили очень много интересных и ценных преданий о событиях 1812 года. Один из офицеров, капитан В. Жамов, приехав в замок Руэнталь (Рундале), был любезно встречен управляющим именем графа Шувалова, господином Дубинским. Жамов осмотрел замок, парк и имел беседу с управляющим. По словам последнего, лет 20 тому назад приезжали в Рундальский замок прусские офицеры и раскапывали то место, где предположительно была зарыта прусская военная касса, но ничего не нашли. Возможно, они копали не в том месте?

Капитан Жамов хотел было осмотреть весь замок, но это оказалось невозможным, поскольку шли приготовления к приезду хозяев. В парке, возле замка, была сложена куча ядер, оставленных здесь прусскими артиллеристами при отступлении. Нижние ряды составляли 24-фунтовые ядра, а верхние ряды – 16-фунтовые.

История появления прусских офицеров в 1890 году в Рундальском замке связана с тем, что в эти годы прусский генеральный штаб начал разбирать архивы 10-го корпуса маршала Макдональда. Был разобран архив прусских генералов: Йорка, Клейста и Массенбаха, которые командовали прусскими войсками осенью 1812 года. В те же годы (1890–1895) прусский генеральный штаб собирал при помощи местных священников сведения о памятниках кампании 1812 года в окрестностях Риги, Баусака и Елгавы. Пасторы костелов послали в Германию точные выписки из церковных книг и записи своих предшественников о различных эпизодах той войны, вызвавших у них удивление.

Прусские офицеры приехали в замок, имея на руках документы, в которых указывалось место, где была зарыта воинская касса. Казна прусского корпуса была рассчитана на 18 000 человек. В ней концентрировалось жалованье офицерам, солдатам, деньги на содержание лошадей и другие воинские

нужды. Казна была в золотых и серебряных монетах, дукатах и гульденах. Если даже предположить, что на одного человека приходилось всего по десять монет, то примерно общий вес прусской казны составлял как минимум 2 тонны.

Кроме того, там же могли находиться и ценные вещи, что были собраны со всей Курляндии. По приказу Наполеона со всех местных дворян и помещиков было отобрано в казну золотых и серебряных вещей на 2 миллиона рублей (заметим, золотых рублей!). Для перевозки всего этого богатства потребовалось бы не менее 15 повозок. К тому же везти ценности пришлось бы по обледенелой дороге, подвергая риску разграбления со стороны казаков или французов, что было крайне опасно и просто неразумно. Следовательно, казну запросто могли зарыть по приказу одного из генералов корпуса: Йорка, Клейста или Массенбаха.

Закапывали ценности сразу после получения приказа об отступлении, то есть 18–20 декабря 1812 года. Мороз в те дни достигал 18–20 градусов, в парке лежал глубокий снег, земля была проморожена минимум на метр, и солдатам было весьма не просто вырыть яму.

Маршал Макдональд получил от Мюрата приказ об отступлении только 18 декабря. В этот же день он выслал все свои обозы по дорогам, ведущим в Тильзит и Мемель. Свой корпус он разделил на четыре колонны. В двух первых, выступивших с Макдональдом 19 декабря, были французы, поляки и пруссаки под командованием Массенбаха. В последних двух находились одни пруссаки, ведомые Йорком. Последние выступили 20 декабря из Митавы.

Небольшая справка о самом дворце. Он находится в 7,5 км к западу от города Баусска. Здание дворца строил знаменитый архитектор Ф.Б. Растрелли в течение 30 лет (1736–1767). Дворец возводился по приказу герцога Эрнста Йоханна Бирона. Отобранный в казну после ссылки опального герцога дворец был подарен Екатериной II графу Зубову, а от него перешел к графу Шувалову.

Территория дворца обнесена глубоким рвом, глубиной до 5 метров и шириной до 10 метров. Через ров были перекинuty три моста. За дворцом располагался обширный парк. От него осталось лишь несколько старых деревьев. От торца восточной и западной стен дворца сохранился каменный забор, в котором имеются калитки и ворота для въезда в парк.

Во время Отечественной войны в Рундальском замке был расположен большой госпиталь, и когда поступила команда на отступление, то оказалось, что на всех раненых и обмороженных не хватает транспорта. Это, кстати, могло быть еще одной причиной, по которой ценности решили схоронить до поры до времени.

21 декабря госпиталь был вывезен из Рундальского замка, после чего его соединили с колонной, возглавляемой генералом Массенбахом. Разумеется, что и вся документация госпиталя тоже попала к нему. Фридрих Массенбах умер в 1819 году. Но, поскольку архивы 10-го корпуса начали разбирать только в 1890 году, то только тогда и обнаружили среди бумаг и документ о захоронении казны корпуса.

Сам Массенбах во время общего отступления выступил из местечка Штальгене, имея под своим командованием 6 пехотных батальонов и 3 эскадрона. Здесь же находился и главный штаб во главе с Макдональдом. Эта колонна на следующий день, то есть 19 декабря, прибыла в местечко Зеге-Платон. Они, так же как и колонна генерала Йорка, в Рундальский замок не заходили и увезти казну с собой не могли.

Русские же войска, в составе 7000 человек пехоты и 1200 кавалерии, выступили 20 декабря из Риги и проследовали к Экау на Баусак, куда и прибыли не ранее вечера 21 декабря. Но мы ведь уже знаем, что к этому времени госпиталь из Рундале был вывезен и уже на марше соединился с войсками Массенбаха. Значит, кроме имевших минимальные транспортные средства докторов, заниматься транспортированием ценностей было просто некому. Те же, испытывая недостаток повозок даже для раненых и к тому же не имея вооруженного прикрытия, не рискнули везти их с собой.

Но если клад был действительно сокрыт на территории Рундальского дворца, то что же помешало отыскать спрятанное в 1890 году? Ведь педантичные немцы наверняка составили точный план с указанием всех примет, глубин и расстояний. Хотя, весьма возможно, что и этот план был "слепой". А поскольку захоронением занимались малознакомые с таким видом деятельности люди, то они вполне могли пропустить какую-нибудь небольшую, но крайне важную деталь. Ведь когда прячешь что-либо, то делаешь это в хорошо знакомой для себя местности, где некоторые вещи разумеются "само собой". Но вот когда посторонним людям приходится искать то, что спрятано вами, то это "само собой", увы, отсутствует, и поиски почти всегда упираются в тупик. К тому же на плане могли стоять условные знаки, понятные только тому, кто его составлял.

Кроме того, могло случиться так, что секретный план был передан Массенбаху в самый неподходящий момент – присоединения к его колонне подвижного госпиталя. Тот, и без того обремененный множеством забот, тут же отправил его штабным писарям в архив, даже не распечатывая: "Подумаешь, какой там может быть важный документ из какого-то госпиталя!".

Вот так и лёг секретный пакет в стопку из сотен прочих приказов, отчетов, рапортов и деловых записок и лежал там около 80 лет. Впрочем, что нам гадать. Гораздо важнее выяснить, где же именно

хранится несметное сокровище. Очень хочется раскрыть эту тайну, поскольку даже минимальная стоимость спрятанного имущества и монет может достигать 20 миллионов долларов!

У нас конечно же есть ряд обоснованных соображений на эту тему. Но, поскольку Рундальский дворец находится теперь на территории суверенной Латвии, публиковать их мы считаем совершенно излишним.